

Посвящается светлой памяти
Захара Васильевича Гоголева

Коллективная монография посвящена истории, этнографии и антропологии одного из малых народов Сибири — юкагиров, потомков древнейшего населения Северной Азии. В работе изложены итоги полевых исследований большой научной экспедиции, работавшей в 1959 г. в районах Якутской АССР, где в настоящее время живут юкагиры.

Книга рассчитана на научных работников, студентов гуманитарных вузов и широкий круг читателей, интересующихся этнографией народов СССР.

Авторы: | З. В. Гоголев, | И. С. Гурвич,
И. М. Золотарева, М. Я. Жорницкая

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ
ЯКУТСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

ЮКАГИРЫ

(историко-этнографический очерк)

Ответственный редактор акад. *А. П. Окладников*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1975

Ю $\frac{10602-831}{042(02)-75}$ 159—75

© Издательство «Наука», 1975.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая монография содержит материалы по истории и этнографии юкагиров, живущих в Нижнеколымском, Верхнеколымском и Аллаиховском районах Якутской АССР. Современных юкагиров считают потомками древнейшего населения северо-востока Азии. Лингвисты справедливо относят язык юкагиров к палеоазиатской группе, в которой он занимает особое положение. Однако нельзя сказать, что в этом вопросе все единодушны.

В. И. Иохельсон, впервые тщательно изучивший в конце XIX — начале XX в. язык юкагиров, в начале работы склонен был отнести их к эвенкам (тунгусам), считая, что юкагиры, возможно, пришли с берегов Амура¹. Основанием для этого ему послужило название народов — «юкагир». В. И. Иохельсон писал, что тунгусские роды назывались «киндигир», «байагир», «самагир» и т. п., следовательно, слово «юка-гир» — тунгусское слово, означающее наименование тунгусского рода; роды с названием «juka» («jukaminka» и «jukamisi»)², как он считал, встречались на берегах Амура. Позже он указывал на родство языка юкагиров с языками индейцев Северной Америки. Он обнаружил сходство некоторых фольклорных сюжетов и веро-

¹ Iochelson W. The Jukaghir and the Jukaghirized Tungus.— «The Jesup North Pacific Expedition», N. Y., 1926, vol. IX, p. 16.

² Имеются предположения, что слово «юкагир» происходит от эвенкского *йюке* — 'холодный' или *йоке* — 'далекий' (*гир* — 'народ', 'племя'), т. е. 'далекое племя или народ холодной страны'. — См. там же.

валий юкагиров и индейцев³. В одно время он высказывал мнение, что юкагиры в глубокой древности перешли Беринговый пролив, жили в Северной Америке, а затем возвратились в Азию⁴. Работы В. И. Иохельсона не потеряли научного значения до сих пор. Однако, работая в труднейших условиях Крайнего Севера, он не мог посетить места кочевания всех юкагирских родов, в частности, неполными оказались материалы по кочующим родам юкагиров северной тундры. Вместе с тем с момента посещения В. И. Иохельсоном юкагирских стойбищ прошло много времени, в жизни юкагиров произошли громадные изменения, особенно после Октябрьской революции.

Советские ученые, внесшие большой вклад в изучение народов Сибири, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, в полной мере оценили громадный теоретический и практический интерес, который представляют история, культура и быт народов Севера для решения актуальных вопросов их социально-экономического и культурного развития. Среди многочисленных трудов, посвященных народам Севера, опубликованы работы и о юкагирах. А. П. Окладников, Б. О. Долгих, С. А. Токарев, М. А. Сергеев, П. И. Борисковский, И. С. Гурвич, Е. А. Крейнович и другие исследователи в своих трудах касаются отдельных вопросов древней истории, этнических процессов, пережитков родовых отношений и языка юкагиров. Краткая история народностей севера Якутии освещена в трехтомной «Истории Якутской АССР»⁵.

В настоящее время изучение конкретных исторических фактов, относящихся к формам докапиталистических общественных структур, имеет первостепенное значение в борьбе с буржуазной социологией, пытающейся отрицать закономерности смены социально-экономических формаций и неизбежность победы общественной собственности. Разработка проблем истории культуры ранее отсталых народов Сибири, которые не достигли стадии развитых классовых отношений, приобретает особую актуальность для народов, перешедших к социализму, минуя капитализм.

³ Iochelson W. Über die Sprache und Schrift der Jukagiren.— «Sitzungsberichte der Geographischen Gesellschaft», Bern, 1899, Bd. VII, S. 13.

⁴ Iochelson W. Peoples of Asiatic Russia. N. Y., 1928, p. 23.

⁵ История Якутской АССР. Т. 1. М.— Л., 1955; Т. 2. М., 1957; Т. 3. М., 1963.

Учитывая большой научный интерес к потомкам древнейшего населения северо-востока Якутской АССР, Институт языка, литературы и истории Якутского филиала АН СССР (ныне филиал Сибирского отделения АН СССР) организовал экспедицию в районы расселения современных юкагиров. В ее состав вошли З. В. Гоголев (начальник экспедиции), И. С. Гурвич (этнограф), Е. А. Крейн-ович (языковед), И. М. Золотарева (антрополог), К. И. Горохов (историк), С. А. Федосеева (археолог) и М. Я. Жорницкая (этнограф). В качестве лаборантов были привлечены юкагиры А. И. Лаптев и Г. Н. Курилов⁶. Перед экспедицией стояла задача: собрать материалы по языку, фольклору, культуре и быту современных юкагиров, а также провести антропологическое обследование и проследить этнические процессы.

Юкагирская экспедиция работала в низовьях рек Колымы и Индигирки, по рекам Алазея и Чуковья, а также на Верхней Колыме (по рекам Ясачная и Нелемная) — местах расселения тундровых и таежных юкагиров.

Собранные материалы частично уже печатались в виде статей или использовались в специальных исследованиях⁷.

* * *

Полученные данные позволяют проследить изменения в расселении, численности и материальной культуре юкагиров с XVII до середины XX в., а также по-новому подойти к некоторым проблемам истории этого народа.

В преданиях и легендах юкагиров и соседних им народов говорится, что юкагиры были большим и многочисленным народом. «Отражение от огней юкагирских костров» сравнивалось с северным сиянием. «Белые птицы, — повествует фольклор, — перелетая над очагами юкагиров, исче-

⁶ Ныне А. И. Лаптев — учитель, Г. Н. Курилов — кандидат филологических наук.

⁷ Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966; Золотарева И. М. Юкагиры. (Антропологический очерк). — В кн: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968; Жорницкая М. Я. Народные танцы Якутии. (Автореф. канд. дисс.). М., 1965; Гоголев З. В. Социально-экономическое развитие Якутской АССР (1917—1941 гг.). Новосибирск, 1972; и др.

зали в дыму и превращались в черных». Утверждается, что «юкагиров было весьма много»⁸.

Территория их расселения в древнее время до сих пор точно не установлена. Но специалисты-историки считают, что до прихода тунгусо-маньчжурских племен Центральная Якутия и ее северо-восточная часть были заняты юкагирскими и родственными им племенами.

А. П. Окладников на основе археологических и этнографических материалов писал: «Юкагиры жили в старину не только на Яне и Индигирке, но и в низовьях Лены, а еще ранее они, очевидно, заселяли местности, расположенные далее к югу по Лене, предшествуя здесь не только якутам, но и эвенкам (ламутам)... Отсюда следует, что в древности территория в долине Лены, к востоку и отчасти к западу от нее, была юкагирской»⁹. Это очень важный вывод о том, что юкагиры были древним этническим пластом населения Якутии.⁵

В XVII в. русские встретили кочевых юкагиров на р. Омолой. Западным пределом кочевий их в XVII в., как пишет Б. О. Долгих, служила р. Лена, а южным пределом — граница тундры и лесотундры¹⁰, на востоке чуванцы, родственные юкагирам, кочевали до берегов Охотского моря. Число юкагиров и родственников им народов на этом громадном пространстве, по данным Б. О. Долгих, составляло около 4500 чел.¹¹

Е. А. Крейнович, проведя лингвистические исследования, пришел к выводу, что юкагиры расселялись до Енисея, и связал их с народами самодейской группы. Таким образом, дальнейшее изучение юкагиров позволит уточнить границы их древней территории, культурные и языковые связи с другими народами Северной Азии.

Определению точной численности юкагиров в XVII—XIX вв. и в первые годы Советской власти препятствуют

⁸ В этом очень распространенном мнении в свое время сомневался В. И. Иохельсон. «Но я позволю себе думать, — писал он, — что юкагиров никогда не было много, да и по условиям быта они не могли быть многочисленными». — Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена. Спб., 1898, с. 3.

⁹ История Якутской АССР. Т. 1, с. 289.

¹⁰ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960, с. 386.

¹¹ Там же, с. 379—442.

Рис. 1. Начальник лингвистического отряда Е. А. Крейнович со своими информаторами из пос. Нелемное, 1959 г.

такие причины, как кочевой образ жизни юкагиров, их ассимиляция соседними народами, большие погрешности в статистике царской администрации и др. Ввиду больших диалектных различий в языке юкагиров встречалась путаница и в родовых названиях. Некоторые исследователи выделяли в отдельные народности омоков и чуванцев, другие относили их к юкагирам¹².

«Так, между прочим, — писал Ф. Ф. Натюшкин, — омоки по преданию — многочисленный и богатый народ, совершенно погибли, и в их бывшем отечестве живут ныне небольшие орды юкагиров, тунгусов, коряков, чуванцев, якутов и т. д.»¹³

Несмотря на все эти трудности, тщательное изучение архивных документов, литературных данных и непосред-

¹² Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948, с. 136, 212, 217—218, 241, 276, 310; Трифонов А. Заметки о Нижне-Колымске. — «Известия СОРГО». Иркутск, 1872, т. III.

¹³ Врангель Ф. П. Указ. соч., с. 217.

стведное общение с юкагирами во время экспедиционных работ позволили И. С. Гурвичу восстановить этническую историю народов, в том числе юкагиров, на громадной территории северо-востока Сибири с XVII до середины XX в.¹⁴ Он подтвердил выводы тех исследователей, которые омоков считали юкагирами. Таким образом, проблему об омоках можно считать на данном этапе изучения разрешенной.

Особенно сложным оказалось изучение юкагирского языка. Крупнейший лингвист в этой области Е. А. Крейнович установил связи юкагирского языка с самодийскими, тюркскими, монгольскими, чукотско-корякскими, тунгусо-маньчжурскими и другими языками. Он полагает, что в юкагирском языке практически отсутствует «нетронутый древнейший пласт слов»¹⁵. Столь разнообразные связи юкагирского языка свидетельствуют о длительном историческом пути, пройденном этим народом, о его сложных взаимоотношениях с различными народами во время многовекового передвижения по Сибири.

Нашей экспедиции, общавшейся с современными юкагирами, очень трудно было выделить особенности их материальной и духовной культуры в древнее время. Это относится и к антропогенезу юкагиров. Антропологические материалы, собранные юкагирской экспедицией, отражают интенсивный процесс стирания этнических границ. По данным И. М. Золотаревой, современные юкагиры оказались близкими к антропологическому типу эвепов. Остался невыясненным и вопрос о распространении юкагирской культуры на американский континент. Хотя собранные материалы¹⁶ не подтверждают вышеприведенных выводов В. И. Йохельсона о том, что юкагиры — выходцы из Америки, известный советский антрополог Г. Ф. Дебец после осмотра скелетов (более 100), обнаруженных на Ишшутакской стоянке (на Аляске) и находящихся в Национальном музее истории естествознания в Нью-Йорке, пришел к выводу, что они принадлежат населению юкагирского физического типа¹⁷. Этот важный вывод в случае подтвержде-

¹⁴ Гурвич И. С. Указ. соч.

¹⁵ Крейнович Е. А. Указ. соч., с. 254.

¹⁶ Золотарева И. М. Указ. соч., с. 176—177.

¹⁷ Рейни Ф. Археология Американской Арктики. — СЭ, 1958, № 2, с. 60.

дения его другими исследованиями еще больше расширит границы расселения юкагиров в отдаленном прошлом. Антропологические материалы И. М. Золотаревой позволяют установить «комплекс признаков древнего антропологического типа палеоазиатских юкагирских племен»¹⁸. В дальнейшем остается выяснить этапы формирования юкагирского этноса в его многовековой истории.

Советские историки проследили изменения общественных отношений у юкагиров в ходе социалистического строительства, коренные преобразования в их быту.

Большую помощь экспедиции оказали Аллаиховский, Нижнеколымский и Верхнеколымский райкомы КПСС, райисполкомы и представители местной интеллигенции. Участники юкагирской экспедиции выражают им искреннюю благодарность.

* * *

Предисловие, вторая и третья главы настоящей работы написаны З. В. Гоголевым, глава первая — И. С. Гурвичем, четвертая — И. М. Золотаревой, пятая — М. Я. Жорницкой, шестая — З. В. Гоголевым и И. С. Гурвичем. Фольклорные тексты записали и перевели на русский язык Г. Н. Курилов и М. Н. Лаптев.

¹⁸ Золотарева И. М. Указ. соч., с. 177.

Глава I

ЮКАГИРСКАЯ ПРОБЛЕМА В СВЕТЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Вопрос о роли юкагирских племен в древней истории Северной Азии и месте их своеобразной культуры среди северосибирских культур после исследования, фактически открытия, В. И. Иохельсоном юкагирского языка и фольклора привлек к себе внимание широких кругов этнографов как в нашей стране, так и за рубежом. Эта проблема волнует этнографов, археологов, лингвистов, антропологов и в настоящее время.

Изучение В. И. Иохельсоном в 1890-х гг. языка малочисленных юкагирских групп, затерянных в просторах Колымского края, показало несхожесть его с языками народов, окружавших юкагиров, а записанные исследователем образцы юкагирских преданий и легенд приоткрыли завесу над яркой, архаической, по существу неолитической, культурой охотников и рыболовов¹.

¹ Иохельсон В. И. Предварительный отчет об исследованиях инородцев Колымского и Верхоянского округов.— «Известия ВСОРГО», 1898, ч. 29, №1; Он же. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена.— «Известия РГО», 1898, т. 34, вып. 3; Он же. К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа.— «Известия ВСОРГО», 1897, т. 28, № 2; Он же. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, паречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов.— «Живая старина», 1900, X, вып. 1—2; Он же. Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора.— «Известия АН», сер. VI, IX, 1898, № 2; Он же. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I. Спб., 1900.

Юкагирские и якутские предания, повествующие о том, что юкагиры в прошлом были многочисленным народом, исторические свидетельства, восходящие к XVII в., позволили В. И. Иохельсону, а вслед за ним В. И. Огородникову обосновать положение о широком расселении в прошлом юкагирских племен².

Архивные материалы, собранные Б. О. Долгих, дали возможность реконструировать картину расселения и численности юкагиров ко времени появления русских в Восточной Сибири. В XVII в. юкагиров было около 4500—5000 чел. Юкагирские племена занимали материковые районы от низовий Лены до Анадыря. На западе они соприкасались с тунгусами, на юге — с ламутами, на востоке — с чукчами и коряками. Юкагиры в XVII в. распались на 12 племенных, или локальных, групп.

В бассейнах Лены и Яны обитали яндагирцы, омолоевцы, хромовцы, в бассейне Индигирки — олюбенцы, янгинцы, широмбойцы, в бассейне Алазеи и Колымы — алайцы, омокцы, когимцы, лавренцы, в бассейне Анадыря — чуванцы, анаулы, ходынцы³. В свете этих документальных данных несомненно, что юкагиры в XVII в. к приходу русских представляли собой сильную и многочисленную, по масштабам Северной Сибири, группировку родственных племен.

В древности юкагиры, видимо, занимали еще более значительную территорию. О том, что на Оленеке жили юкагиры, свидетельствует фольклор: противник Урэн-Хосуна, героя оленекских героических сказаний Упкэбил-Хосун прямо назван в одной из легенд «юкагиром»⁴. Юкагиры заходили в низовья Лены и в середине XVII в.⁵

Характерно, что в этой обширной области от Оленека до устья Анадыря археологическими исследователями выявлена своеобразная неолитическая культура, имевшая свой специфический путь развития, особые этапы смены

² Огородников В. И. Очерки истории Сибири до начала XIX столетия, ч. II, вып. 1. Владивосток, 1924, с. 54, 61.

³ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав Сибири в XVII веке. — «Труды ИЭ, новая серия», М., 1960, т. LV, с. 379—442.

⁴ Гурвич И. С. Оленекские и анабарские якуты. (Канд. дисс.). БИЛ.

⁵ Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. М.—Л., 1952, с. 276—277.

типов керамики⁶. Совпадение ареалов распространения этой культуры с расселением юкагирских племен позволило А. П. Окладникову и М. Г. Левину высказать предположение, что именно предки юкагиrow составляли древнейший известный нам этнический пласт населения Якутии и прилегающих к ней северо-восточных районов⁷.

В духовной культуре юкагиrow действительно отразился ряд весьма архаических моментов. Однако, когда юкагирская культура подверглась научному изучению, многие самобытные черты ее оказались уже стертыми. Если тогда юкагиры еще соблюдали некоторые своеобразные обычаи, сохраняли свой язык и фольклор, то в области материальной культуры каких-либо специфических черт, отличных от соседей — эвенов и якутов, В. И. Иохельсону не удалось обнаружить. Это явление находит объяснение в этнической истории юкагиrow за последние три столетия.

Этническая история юкагиrow⁸. В область расселения юкагиrow задолго до прихода русских проникали тунгусы (эвенки). В XVII в. в низовьях Лены и Оленека обитали тунгусы Азянского, Сиигирского и Лалагирского родов. Большая группа якутов в XVII в. обосновалась в верховьях Яны, потеснив юкагиrow. В верховья Колымь с Охотского побережья проникали ламуты (эвены).

Взаимоотношения между юкагирами и их соседями, судя по казачьим отпискам, были весьма сложными. Мирные, обменные связи перемежались с вооруженными столкновениями. Нередко враждовали между собой и отдельные юкагирские племена. Так, юкагиры-олюбеньцы,

⁶ Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. I. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.—Л., 1955, с. 280—293; Ленские древности. Т. I, II, III. Якутск, 1945, 1946, 1950; Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969; Окладников А. П., Гурвич И. С. Древние поселения в дельте р. Индигирки.— КСИЭ, 1957, вып. 27.

⁷ Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. I, с. 268—292; Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока.— «Труды ИЭ, новая серия». М., 1958, т. XXXVI, с. 153—154, 204.

⁸ Приводимые в этом разделе краткие данные по этнической истории юкагиrow с XVII до начала XX в. представляют собой экстракт из монографии И. С. Гурвича «Этническая история северо-востока Сибири.— «Труды ИЭ, новая серия», М., 1966 т. 89, с. 11—24, 65—76, 136—150, 216—224.

занимавшие нижнее течение Индигирки, совершали набеги на юкагиров-янгицев, осваивавших среднее течение этой реки. Горные индигирские юкагиры Шоромбойского рода нападали на алазейских тундровых юкагиров. Борьба между этими юкагирскими группами, видимо, велась за охотничьи угодья.

Столкновения, перемещения, обменные и брачные связи с соседями, имевшие место до прихода русских, вызывали, очевидно, очень медленные и постепенные этнические изменения.

Включение юкагирских земель в состав Русского государства уже в XVII в. привело к значительным изменениям в их хозяйстве, расселении и численности. К юкагирам в большом количестве стали проникать железные орудия — ножи, пальмы, топоры, стрелы, накопечники копий, иглы, проколки, сверла и т. д. Пережиточный неолит во второй половине XVII в., по существу, сменялся железным веком.

Неурядицы первых лет после проникновения служилых и промышленных людей в бассейны Яны, Индигирки, Колымы и Анадыря, когда в этих окраинных районах Ленского воеводства еще не был установлен элементарный правопорядок, крайне отрицательно сказались на существовании многих юкагирских групп. От произвола казачьих военачальников, хищнических устремлений проникавших на север авантюристов, столкновений со сборщиками ясака особенно пострадали пешие оседлые юкагиры, привязанные своим хозяйством к низовьям рек.

Ясачный гнет, система амапатов-заложников нарушали традиционный хозяйственный уклад юкагиров. Ясачные поборы, притеснения со стороны казачьих начальников послужили причиной ряда перемещений юкагирских родов. Отдельные группы юкагиров перешли с р. Омолой на Яну, некоторые семьи переселились с верховий Колымы в бассейн среднего течения реки.

Во второй половине XVII в. усилилось проникновение в юкагирские земли их соседей, уклонявшихся от уплаты ясака. В этих условиях участились вооруженные столкновения юкагиров с ламутами, чукчами и коряками. Междоусобицы, несомненно, сказались на уменьшении численности юкагиров, но основной причиной этого явления были оспенные эпидемии 1669 и 1691—1694 гг. Так, от оспенного поветрия 1690-х гг. погибло около половины алазей-

Рис. 2. Верхнеколымские юкагиры в дореволюционное время.

ских юкагиров, вымерли все юкагиры, платившие ясак в Омолонское зимовье. В целом в конце XVII в. численность юкагиров сократилась с 4500 до 2535 чел., или на 44%. В опустевших юкагирских землях стали селиться якуты, ламуты, тунгусы. В конце XVII в. в янских и индигирских зимовьях пришельцы уже упоминаются в качестве постоянных плательщиков ясака.

В начале XVIII в. происходит постепенное сближение немногочисленных потомков некогда могущественных северо-западных юкагирских племен с пришельцами. В Усть-Янском зимовье юкагиры составляли в это время лишь одну треть населения, на Индигирке численность юкагиров и эвенков была примерно равной, такое же соотношение этих народностей сложилось и в верховьях Колымы. В 1730-х гг. ни в одном из ясачных зимовий северо-востока Якутии юкагиры не составляли большинства населения. В это время первоначальные наименования юкагирских родов еще продолжали упоминаться в официальных документах. В целях сохранения этих родов как податных

единиц местная администрация зачисляла в юкагирские роды пришельцев из других зимовий, преимущественно эвенков. Но в 1769 г. Первая ясачная комиссия частично упразднила старые юкагирские роды, заменив их новыми административными родами. В Усть-Янском зимовье из Омолоевского, Каменного и Хромовского родов был образован Омолойский юкагирский род. В Зашиверском зимовье из Шоромбойских родов Каменного юкагирского рода и ламутов был образован Каменный юкагирский род. В Верхнеколымском зимовье упоминаются три рода: Коркодонский (Нартицын), Рыбников и Ушкапский, в Нижнеколымском — два Омолойских и три Юкагирских.

Анадырские юкагиры — чуванцы и ходынцы — в начале XVIII в. были привлечены служилыми людьми к походам на Чукотку и Камчатку. Столкновения с чукчами и коряками ухудшили положение северо-восточных юкагиров. Во второй половине XVIII в. часть юкагиров-ходынцев, поддерживавших коряков, сблизилась с ними, группа юкагиров-чуванцев была разгромлена чукчами, а большая часть северо-восточных юкагиров поселилась около русских зимовий. К этому времени юкагиры многое позаимствовали из русской культуры.

В ясачных книгах начала XVIII в. уже упоминаются повокрещенные юкагиры. В первой половине XVIII в. значительная часть юкагиров была обращена в христианство. Это способствовало сближению их с русскими казаками и с русскими старожилками, облегчало браки между ними.

К началу XIX в. территория, занимаемая юкагирами, резко сократилась. На северо-востоке в юкагирские области — бассейны Анадыря и Чауна, воспользовавшись ослаблением чуванцев и ходынцев, проникли чукчи; на Колыме, Индигирке и Яне резко расширились районы расселения якутов и эвенков. Следует отметить, что судьбы отдельных юкагирских групп в XIX в. оказались различными. На протяжении этого периода резко уменьшилась численность колымских юкагиров, иной облик приобрела их традиционная культура. В начале XIX в. в низовьях Колымы изменились пути миграций диких оленей, а в верховьях уменьшилось поголовье лосей. В 1810 г. верхнеколымские юкагиры испытали жестокий голод и были спасены от смерти благодаря русскому населению Среднеколымска, пожертвовавшему продовольствие для голодающих. Голодовки в зимне-весенние месяцы испытывали как

верхнеколымские, так и нижнеколымские поречные юкагиры на протяжении всей первой половины XIX в. В связи с этим на юкагирских родах накопилась огромная недоимка. В 1844—1845 гг. от голода погибло несколько семей алазейских юкагиров. Голод вызвал значительные перемещения юкагиров в пределах Колымы. Вследствие переселения юкагиров в русские поселки часть юкагиров освоила русский язык и сблизилась с русскими старожилами. Кочевые верхне- и нижнеколымские юкагиры сблизились с эвенками. Долгое проживание чуванцев под защитой русских и совместный промысел привели к тому, что чуванский диалект юкагирского языка уже в середине XIX в. исчез не только в низовьях Колымы, но и на Анадыре.

В середине XIX в. исчез юкагирский язык в тундре между Леной и Яной и между Яной и Индигиркой. Потомки юкагиров перешли на эвенский и якутский языки. Согласно X народной ревизии (1859 г.), общая численность юкагиров Колымского округа, объединенных в 8 родов, составляла 886 чел. Ревизией были выявлены юкагиры и в Верхоянском округе, но в их число вошли не только юкагиры, давно ассимилированные эвенками, но и эвены Кункугурского, Буяксирского и Тюгясирского родов.

В 1884 г. эпидемия оспы охватила Колымский округ и принесла огромный ущерб и кочевым, и оседлым поречным юкагирам. В 1889 г. оспенная эпидемия вновь разразилась в этом округе. От оспы почти полностью вымер II Алазейский юкагирский род.

Перепись 1897 г. выявила 544 юкагира (без группы, слившихся с чукчами, коряками и эвенками). Таким образом, численность юкагиров уменьшилась по сравнению с 1859 г. на 342 чел. (38%).

Анализ материалов этой переписи показывает, что юкагиры в конце XIX в. представляли собой ряд групп, вкрапленных в массивы якутского, русского и эвенского населения. Так, в верховьях Колымы в районах обитания верхнеколымских юкагиров жили якуты IV Мятюжского наслега Колымского округа и якуты-выходцы из Баягантайского улуса Якутского округа. Здесь кочевали и ламуты II Дельянского рода.

Юкагиры I и II Алазейского родов кочевали в тундре между Колымой и Алазеей совместно с эвенками из Кункугурского и Дельянского родов. По словам наших информаторов, они входили в особый род, или наслег, Ходо-

дю, с тунгусами Бетильского рода, считавшимися здесь особым населением под названием «хангай», и чукчами. Эвены и эвенки численно преобладали в Нижнеколымской тундре. Согласно переписи 1897 г., только в I и II Каменных родах, именовавшихся в переписных материалах как «хангай», было 138 мужчин и 124 женщины⁹.

На территории Нижнеколымского русского помещанского общества жили обрусевшие члены Омотских и I Омолонского родов. Из 544 обследованных переписью юкагиров только две кочевые группы, верхне- и нижнеколымская, пользовались родным языком, остальные юкагиры (78%) говорили на русском и эвенском языках. Но юкагирским языком, как показала перепись, пользовалась часть эвенов, сблизившихся с юкагирами. Общая численность юкагироязычного населения в конце XIX в. достигала, видимо, 450—500 чел.

Таким образом, большая часть так называемых юкагирских родов представляла собой сложные образования, состоявшие из потомков юкагиров, эвенов, эвенков и русских. Прямых потомков юкагиров, сохранивших родной язык, самосознание и некоторые черты культуры, судя по данным переписи, было всего 150—200 чел. Однако в связи со строгими экзогамными запретами и эти юкагиры, видимо, находились в родстве с эвенами, якутами и русскими¹⁰.

Похозяйственная перепись 1926/27 г. выявила 454 юкагира. В Колымском округе, по этим данным, проживало 120 чел., однако, по материалам Н. И. Спиридонова, только верхнеколымская юкагирская группа насчитывала 136 чел. Перепись 1959 г. зарегистрировала 440 юкагиров, в том числе 130 чел. в Верхнеколымском районе.

Сравнение этих данных с материалами предыдущих переписей создает впечатление, что в верховьях и низовьях Колымы имеются устойчивые, хотя и небольшие массивы юкагирского населения. Однако обследования, проведенные нами в 1951, 1956, 1959 гг., выявили иную картину.

⁹ Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III.— «Записки РГО по отделению статистики», 1912, т. XI, вып. 3, с. 716—717.

¹⁰ Гурвич И. С. Была ли известна юкагирам экзогамия? — СЭ, 1969, № 2.

Современные этнографические группы юкагиров и их соседи. Уже в конце XIX в. юкагиры состояли из нескольких разобщенных, не связанных между собой этнографических групп, не имевших ни общего самоназвания, ни общего самосознания. По существу, термин «юкагиры» представлял собой собирательное административное понятие, прилагаемое к нескольким различным по облику хозяйства и культуры группам, из которых только две, верхне- и нижнеколымская, в конце XIX в. сохраняли некоторые черты сходства в языке. Юкагирами значились и обрусевшие потомки поречных юкагиров, обитавшие в низовьях Колымы, по Анюю и Омолону. Обособленную группу юкагирского этноса представляли русскоязычные чуванцы долины Анадыря. По происхождению с юкагирами были связаны кочевые чукото- и корякоязычные чуванцы южной части Чукотского полуострова и северной части Камчатки. К юкагирам причисляли также эвено- и якутоязычных охотников на дикого оленя, кочевавших между Индигиркой и Яной.

Нижнеколымские юкагиры, сохранившие родной язык, соприкасались с эвенами, якутами, нижнеколымскими чукчами и русскими старожилами; верхнеколымские находились в окружении якутов и эвенов.

Таким образом, от юкагирского этнического пласта к началу XX в. остались лишь отдельные островки, окруженные пришлым населением. Что же представляли собой юкагиры в 1950-е гг?

В 1956 г. в юкагирско-якутском колхозе «Светлая жизнь» Верхнеколымского района Якутской АССР значилось 45 хозяйств, в том числе 16 юкагирских, 2 эвенских, 7 якутских, 3 русских, 9 якуто-юкагирских, 6 эвено-юкагирских, 2 русско-юкагирских. Кроме того, в пос. Нелемное вне колхоза проживало несколько смешанных в национальном отношении семей, в том числе 4 русско-юкагирских, 2 русско-якутских и 1 татарско-эвенская. В пос. Зырянка (центр Верхнеколымского района) насчитывалось 2 русско-юкагирские семьи. Такое значительное количество смешанных семей свидетельствует об интенсивности ассимиляционных процессов, получивших развитие в верховьях Колымы.

Почти все члены колхоза «Светлый путь» в 1959 г. были двуязычны, а некоторые многоязычны. Из опроса удалось выяснить, что владельцы двумя языками: юкагир-

ским и якутским — 14 чел., юкагирским и русским — 1 чел., эвенским и якутским — 3 чел., якутским и русским — 49 чел.; владели тремя языками: юкагирским, якутским и русским — 31 чел., юкагирским, эвенским и якутским — 7 чел., эвенским, якутским и русским — 12 чел.; владели четырьмя языками: юкагирским, эвенским, якутским и русским — 10 чел.

Разговорным языком в юкагирских, эвено-юкагирских семьях был юкагирский или эвенский язык. Поэтому молодежь знала эти языки или понимала речь своих родителей. Дети юкагиров в пос. Нелемное обучались на русском языке. Делопроизводство в колхозе «Светлая жизнь» велось на русском языке, но на собраниях говорили по-якутски, иногда по-русски и очень редко по-юкагирски.

Старики-юкагиры жаловались, что юкагирский язык забывается. Действительно, юкагирские названия многих предметов были забыты, вместо них употреблялись русские или якутские термины. В разговоре часто с юкагирского языка переходили на якутский, вставляли русские фразы.

Крайне малочисленное подразделение верхнеколымских юкагиров представляли собой коркодонские юкагиры, жившие в Балыгычанском сельсовете Среднеканского района Магаданской области. В 1956 г. в колхозе им. Третьей пятилетки этого района проживало 6 юкагирских семей, не считая юкагиров-одиночек. Всего в этом колхозе было 30 хозяйств. По данным Среднеканского райисполкома, в этом районе проживало тогда всего 35 юкагиров. В 1959 г. в пос. Балыгычан нами была выявлена 1 юкагирская семья, 3 юкагирско-русские и 1 юкагирско-якутская. Всего юкагиров насчитывалось 20 чел. Отдельные юкагиры в связи с семейными обстоятельствами, по словам наших информаторов, выехали из этого наслега.

В 1959 г. население пос. Балыгычан состояло в основном из якутов и русских. В колхозе им. Третьей пятилетки насчитывалось более 90 чел., в том числе трудоспособных мужчин — 28, женщин — 19, престарелых — 7, детей — 38. Молодежь в смешанных юкагирско-якутских и юкагирско-русских семьях причисляла себя к якутам или русским. Все коркодонские юкагиры помимо своего родного языка владели якутским, а некоторые и русским.

Связи между коркодонскими и нелемскими юкагирами из-за трудностей сообщения в 1950-х гг. почти не

поддерживались. Однако те и другие указывали, что они находятся в родстве.

Несомненный интерес представляют данные об этнической принадлежности, полученные от юкагироязычного населения верховий Колымы. Члены бывшего Ушканского юкагирского рода и безоленные члены II Дельянского ламутского рода, по словам наших информаторов, еще до Октябрьской революции говорили по-юкагирски, вели однопотипное хозяйство и вступали между собой в браки. Так, М. Г. Лихачева (60 лет), назвавшая себя юкагиркой, показала, что она урожденная Тайшина и по отцу считалась ламуткой (эвенкой), по матери же юкагирка из семьи Шалугиных. А. И. Дьячкова (71 год) указала, что она юкагирка, урожденная Шадрина, мать тоже юкагирка, по деду по матери ламут, а бабушка наполовину якутка. Н. М. Лихачев (48 лет), юкагир, отметил, что его мать якутка из семьи Тайшиных. С. М. Дьячков (47 лет), юкагир, показал, что отец его юкагир, по родственникам с стороны матери — якуты и русские. А. Н. Турпанов (64 года) сообщил, что родители его юкагиры, но дед по отцу происходил из русских среднеколымских мещан, а бабушка и дед по матери — от ламутов (эвенов). Н. А. Шалугин (65 лет) указал, что его отец и мать — юкагиры, а бабушка по матери — якутка из семьи Спиридоновых. А. Дьячков (65 лет), юкагир, сообщил, что его дед и бабушка по отцу — эвены (ламуты) и даже кочевали с оленями, отец еще знал эвенский язык, но жил с юкагирами и женился на юкагирке. Сам А. Дьячков владеет только юкагирским и якутским языками. Н. А. Тайшин (87 лет) родился на Коркодоне от эвена из II Дельянского рода, отец был женат на «ламутке», однако жил среди юкагиров. Сам он владеет юкагирским, якутским и эвенским языками, женат на юкагирке, себя считает юкагиром, но согласен и на причисление к ламутам (эвенам).

Упразднение старых административных единиц привело к тому, что разделение юкагироязычного населения на ушканцев и членов II Дельянского рода стало забываться. Обьюкагиревшие потомки II Дельянского рода — Дьячковы, Солицевы, Тайшины, потерявшие эвенский язык, стали причислять себя к юкагирам.

Материалы, собранные нами в 1956 и 1959 гг., показали, что местная верхнеколымская традиция относится к юкагирам фамилии Шалугиных, Спиридоновых и Лиха-

чевых. Семьи, носящие фамилии Дьячковых, Слепцовых, Шадринных, Долгановых, считаются в родстве с эвенками (ламутами) II Дельянского рода, именовавшегося здесь и Ламухинским. Однако сами члены этих семей при опросе, проведенном в 1956 г., называли себя юкагирами. Юкагиры Слепцовы и Турпановы считались в родстве с соседними верхнеколымскими якутами¹¹.

От недавних браков с русскими среди юкагиров появились фамилии Шохины, Стешневы, Мочулины. Юкагиры-старикки хорошо помнили о своей принадлежности к Ушканскому юкагирскому роду, но никаких воспоминаний о существовавших в XIX в. в верховьях Колымы Рыбниковском и Партицыном родах не сохранили.

Нижнеколымские юкагиры в 1959 г. проживали на территории трех наслегов — Халерчинского, Олерского и Походского. В Халерчинском наслеге (колхозе «Турвауртин»), по материалам наслежного Совета, в 1959 г. значился 191 двор, в том числе 51 хозяйство одиночек. Но во всем этом наслеге обнаружилась одна юкагирская семья, 12 чукотско-юкагирских, или юкагирско-чукотских, 3 эвенко-юкагирские и 2 якутско-юкагирские. Всего в Халерчинском наслеге было 34 юкагира, из них 29 входили в смешанные семьи. По численности в Халерчинском наслеге преобладали чукчи, якуты, эвены. В связи с этим юкагиры в основном были многоязычны. Кроме родного языка они владели эвенским, чукотским, якутским, а иногда и русским.

В Олерском наслеге было выявлено 13 юкагирских семей, 12 юкагирско-эвенских, 5 якуто-юкагирских, 2 чукотско-юкагирские и 3 одиночки юкагира. Из 92 юкагиров, выявленных в этом наслеге, 58 входили в однонациональные и 34 в смешанные семьи. Большинство олерских юкагиров также оказались многоязычными. В связи с многоязычием, преобладанием смешанных семей национальное самосознание всего кочевого населения Нижнеколымской тундры, в особенности юкагиров, оказалось крайне неоп-

¹¹ Интересные данные о смешении юкагиров с соседями привел К. Дыдик. Из опрошенных им 42 коркодонских и нелемских юкагиров 9 показали, что их родители (отец и мать) были другой национальности, 17 — что дед или бабушка и в 4 случаях — один из прадедов (Дыдик К. Юкагиры. — «Колымский альманах», 1940, кн. 1, с. 78—79).

ределенным. Многие лица при опросе затруднялись отнести себя к какой-либо определенной национальности, соглашались быть причисленными одновременно и к эвенам, и к юкагирам, и к чукчам¹². Записанные в хозяйственные книги юкагиры нередко показывали себя эвепами, и наоборот, лица, числившиеся эвенками, относили себя к юкагирам. Поэтому данные о численности юкагиров в Нижнеколымском районе являются весьма приблизительными.

Отметим, что вплоть до коллективизации национальное самосознание здесь подменялось представлением о родовой принадлежности. Местная традиция беспорочно относилась к юкагирам-одулам тех лиц, предки которых входили в роды Алаи, Вогарил, Эрбэткэн (II Алазейский), а к эвенкам — тех, кто входил в род Хододил. Однако молодые люди уже в 1951 г. в родовом делении разбирались слабо. Этноним «одул» — самоназвание тундровых юкагиров, в Нижнеколымском районе часто распространялся и на тундровых эвенов. Некоторые из наших информаторов утверждали, что «одул» это одно из наименований эвенов (ламутов)¹³. Напротив, этноним «юкагир» применялся тундровым нижнеколымским населением для обозначения оседлых, обруселых поречных юкагиров. Верхнеколымских юкагиров нижнеколымские не считали родственной группой. Свой диалект нижнеколымские тундровые юкагиры называли хангайским языком в отличие от верхнеколымского — одульского, а эвенский язык именовали «илкан». Следует указать, что термин «хангай» рассматривался как собирательное наименование всех кочевых жителей тундры, кроме чукчей, термин «хулдача» — как наименование эвенов, а словом «йохол» называли якутов.

Опрос тундровых юкагиров и эвенов Оленерского наслега Нижнеколымского района показал, что эти две группы издавна заключали между собой браки. Так, Г. Н. Третьяков (53 лет), считающий себя эвеном, указал, что его отец и дед — эвены из рода Хангай, мать — юкагирка (одулка) из рода Эрбэткэн. М. И. Лаптева

¹² Гурвич И. С. Этнографическая экспедиция в Нижнеколымский и Среднеколымский районы Якутской АССР в 1951 г. — СЭ, 1952, № 3, с. 203.

¹³ Сообщения И. Е. Курилова (юкагир, 89 лет), А. С. Третьякова (эвен, 69 лет) и др.

(55 лет), считающая себя юкагиркой (одулкой), отметила, что ее отец — эвен-хулдача, а бабка по отцу — одулка из рода Алаи, мать происходила из этого же рода. И. К. Курилов (55 лет), назвавший себя юкагиром-одулом, показал, что отец и дед по отцу были юкагирами-одулами из рода Хангай, бабка по отцу — эвенка с восточной стороны Колымы, а мать — эвенка из рода Хододил. И. Е. Курилов (89 лет), юкагир-одул, рассказал, что его отец — юкагир из рода Хангай, а мать — юкагирка из рода Алаи. Н. Е. Третьяков (44 лет), считающий себя эвеном, отметил, что и отец и мать происходили из наслега Хододил, из неродственных семей. А. С. Третьяков (69 лет), показавший себя эвеном, рассказал, что его отец — эвен из Хододилского наслега, а мать — юкагирка из Хангайского наслега, урожденная Курилова. Н. И. Лаптев (54 лет), назвавший себя юкагиром, указал, что его родители — одулы из Хангайского наслега.

Характерно, что Хангайский наслег, по словам одних наших информаторов, являлся эвенским, а других — юкагирским. Объясняется это не только нечеткостью этнических представлений населения, но и тем, что эвены Бетильского рода, вошедшие в этот наслег еще в XIX в., восприняли юкагирский язык. Согласно бытующему в Нижнеколымском районе преданию, предки хангайцев пришли в алазейско-колымскую тундру издалека. Они когда-то жили южнее Якутска и даже около Иркутска¹⁴. Нам пришлось слышать рассказ о том, что 9 семей хангайцев бежали в колымскую тундру от какой-то болезни¹⁵.

По словам И. Е. Курилова, Г. Н. Третьякова, А. К. Третьякова, Хангайский наслег перед Октябрьской революцией считался главным в Нижнеколымской тундре. К нему присоединились юкагирские роды, поредевшие после эпидемии оспы, в частности потомки II Алазейского рода. К этому нужно добавить, что большинство наших информаторов не различало понятия наслег (объединение нескольких родов) и род (низовая административная единица, объединявшая несколько семей). Податные единицы Алаи, Хангай, Хододил, Кункугур, Эрбэткэн определялись населением то наслегами, то родами. Отдельные фамилии считались отцовскими кровными ро-

¹⁴ Сообщение Г. Н. Третьякова (эвен, 53 лет).

¹⁵ Сообщение И. К. Курилова (юкагир, 53 лет).

дами. Так рассматривали Куриловых, Атласовых, Ягловских, Трифоновых в составе Хантайского наслега.

В отличие от якутских административных единиц юкагирские и эвенские не имели определенной территории, закрепленной за ними, хотя считалось, что угодья по р. Чукочьей принадлежат роду Алаи (I Алазейский юкагирский род), а по р. Алазее — роду Хододил. Однако по Чукочьей кочевали и хангаи, а по Алазее в прошлом жили и члены рода Эрбэткэи (этот род вымер от эпидемии оспы в конце XIX в.). Не существовало точного распределения охотничьих угодий и между отдельными семьями, однако обычно Третьяковы кочевали по восточным притокам Алазеев — Кусахаи-Аттаах и другим, рыбачили около оз. Круглого в 30 км от Олерского озера; Татаевы — по долине Алазеев; Лаптевы — по западным притокам Алазеев; Ягловские — по западному берегу Чукочьей; Атласовы — по восточному берегу этой реки. Это распределение было весьма условным и часто нарушалось.

Таким образом, наши расспросные данные подтверждают положение В. И. Йохельсона о тесных хозяйственных, соседских и родственных связях юкагиров и юкагиризированных тунгусов (эвенков), кочевавших между Алазеей и Колымой. Причем это юкагирияязычное население постоянно контактировало с эвенками и чукчами, также осваивавшими нижнеколымскую тундру.

В целом материалы этнографических наблюдений показывают, что как верхне-, так и нижнеколымские юкагиры представляют собой весьма аморфные этнолингвистические группы. Юкагиры не только живут среди численно преобладающего инонационального населения, но и большая часть их вкраплена в смешанные семьи.

При переписи к юкагирам нередко относят и оленеводов низовой Индигирки, обитателей Юкагирского наслега Аллаиховского района. Действительно, в этом наслеге имеется несколько семей, считающихся юкагирами.

Во время этнографической поездки на Индигирку в 1951 г. нам удалось выяснить, что членов бывшего Каменпо-Юкагирского рода, называвших себя «дуткиль», окружающее население именovalo юкагирами. Однако эти юкагиры, Щербачковы, Едукины, Дуткины и Трофимовы, по существу, ничем не отличались от эвенков, кочевавших совместно с ними на той же территории между Индигиркой и Алазеей и Индигиркой и Яной. «Юкагиры» лишь

пользовались особым говором эвенского языка. В советское время члены Буяксирского, Кункутурского, Каменно-Юкагирского родов вошли в Юкагирский наслег Аллаиховского района и практически образовали единую этнографическую группу эвепов¹⁶.

Во время работы экспедиции в Юкагирский наслег Аллаиховского района были направлены члены экспедиции фольклорист-юкагир А. Н. Лаптев и специалист по эвенскому языку И. Лебедев.

А. Н. Лаптеву удалось выявить 19 чел., владеющих, по представлениям местного населения, «юкагирским» языком. Однако беседы с этими лицами показали, что язык тундровых аллаиховских «юкагиров» не имеет ничего общего с тундровым диалектом юкагирского языка. Сами себя аллаиховские юкагиры не отождествляли с колымскими юкагирами, указывая на свою близость к эвенам. Это привело А. Н. Лаптева к заключению, что в Аллаиховском районе юкагиров нет, хотя там значилось 52 юкагира.

Исследование грамматики и лексики «юкагирского» говора Аллаиховского района, проведенное И. Лебедевым, показало, что этот говор близок к томпонскому и момскому говорам эвенского языка. В ходе исследования юкагирского говора выявилось лишь несколько лексических заимствований из юкагирского тундрового диалекта. Это позволило И. Лебедеву сделать вывод о полной ассимиляции аллаиховских юкагиров эвенами.

В отличие от юкагиров их соседи — верхнеколымские якуты, верхнеколымские, нижнеколымские и аллаиховские эвепы, колымские чукчи, русские старожилы-индигирцики и колымчане — представляли собой и в период обследования сравнительно многочисленные и устойчивые этнографические единицы. Они оказали влияние и на хозяйство, и на культуру юкагиров, ассимилировали отдельные юкагирские группы, семьи и сами унаследовали некоторые юкагирские приемы охоты, рыболовства, отдельные юкагирские представления.

Огромное влияние на юкагиров оказали их древние соседи — эвепы. Как нижнеколымские, так и верхнеколымские эвепы, за исключением семей, сблизившихся с юка-

¹⁶ Гурвич И. С. Этнографическая экспедиция в бассейн р. Индигирки. — КСИЭ, 1953, вып. XIX, с. 35—39.

гирами, сохраняли свой язык и свои культурные особенности.

Основой существования эвенов была охота на дикого оленя, лося, пушных зверей. Подсобную, по весьма важную роль в их хозяйстве играло транспортное, в значительной мере верховое и вьючное оленеводство. В отличие от юкагиров, эвены вели более подвижный образ жизни. Эвенские группы, окружавшие юкагиров, постоянно пополнялись эвенцами, выходцами с Охотского побережья, из горных районов Южной Якутии.

Эвены Нижнеколымской тундры вступали в браки с юкагирами и чукчами. Некоторые эвены работали пастухами у чукчей-олeneводоB. Как и юкагиры, эвены часто общались с якутами, выменивали у них на мясо и шкуры оленей конский волос, сети, чай, порох, свинец.

Длительное соседство нижнеколымских эвенов с юкагирами привело к тому, что материальная культура и хозяйство этих двух групп уже в конце XIX в. стали по существу однородными.

Напротив, хозяйство верхнеколымских эвенов-олeneводоB резко отличалось от хозяйства юкагиров, обитавших по Ясачной и Коркодону, использовавших для перекочевок ездовых собак.

Эвены, владевшие оленями, были более маневренны, имели больше возможности для добычи пушнины, чем юкагиры-собаководы.

В. И. Иохельсон описал «третейский суд», состоявшийся в 1890 г. по разбору тяжбы между коркодонскими юкагирами и оленными эвенцами (ламутами), охотившимися на белку еще до того, как юкагиры вышли на промысел. Ламуты вынуждены были отдать юкагирам на пропитание нескольких оленей¹⁷.

Как правило, потерявшие своих оленей верхнеколымские эвены переходили в среду юкагиров и постепенно сливались с ними. Были и единичные случаи перехода юкагиров в среду эвенов. Так, эвен II Дельянского рода И. Дьячков был женат на юкагирке Шадринной. Они кочевали, как и все эвены. Поэтому Дьячковых называли «юкагирскими эвенцами»¹⁸. Значительная часть эвенов вла-

¹⁷ Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону, с. 29—31.

¹⁸ Сообщение Е. И. Шадринной (юкагирка, 55 лет), пос. Нелемное.

дела юкагирским языком. Одежда и обувь верхнеколымских эвенов и юкагиров были одинаковыми.

Потомков от браков юкагиров с эвенами юкагиры считали родичами и называли *эрны пульди*.

Соседи нелемских и коркодонских юкагиров, якуты-скотоводы IV Мятюжского и Байдунского наслегов Колымского улуса, вошли в соприкосновение с юкагирами еще в середине XVIII в. Поселения якутов-скотоводов располагались в непосредственной близости от зимников юкагиров на правой стороне Колымы в 70—80 верстах к северу от Ясачной¹⁹.

Весной после ледохода юкагиры приезжали в Верхнеколымск («Крепость») и в Среднеколымск для продажи лодок («карбазов»), пушнины, закупок чая, табака, пороха, дрови, конского волоса и здесь общались с якутами. В случае голодовок юкагиры подкочевывали к якутским поселениям и одалживали продовольствие. Но и колымские якуты весной часто голодали.

Нередко Колымское полицейское управление обязывало якутские общества оказать помощь голодающим юкагирам. Сборы в пользу голодающих раздражали колымских якутских богачей. Они предлагали юкагирам переселиться в более благоприятные промысловые районы. Однако юкагиры с этим не соглашались. Разбором этих споров занималось в начале нашего столетия Колымское полицейское управление. Память об этом еще сохранялась в 1950-х гг. среди лиц старшего поколения юкагиров. Приведем рассказ об этом событии, записанный со слов Е. П. Долганова (67 лет), из пос. Нелемное.

Помню одно собрание. Тогда мне было лет десять. На это собрание приехали из Среднеколымска местные богатые якуты. Они говорили о выселении юкагиров на Омолон. На собрании присутствовали какие-то русские в военной форме, приехавшие тоже из Среднеколымска. Видимо, это было начальство нашего округа. На собрании старики и старухи стали просить со слезами, чтобы их не отправляли из родных мест. Видимо, начальство их просьбу удовлетворило и нас оставили. Для помощи юкагирам с якутов собирали подать продуктами и деньгами. Некоторых бедных юкагиров дали якутам на содержание.

Помню, на собрании выступил наш князь Алексей Долганов. Он надел кортик, все с большим вниманием слушали его речь, старики и старухи плакали.

¹⁹ Иохельсон В. И. Предварительный отчет об исследовании ипородцев Колымского и Верхоянского округов, с. 14.

Взаимоотношения юкагиров с якутами не сводились лишь к обменным операциям. Якуты совместно с юкагирами участвовали в осеннем лове рыбы на р. Нелемной. Невод закидывали по очереди. Добычу делили по числу взрослых участников рыбалки.

Отметим, что в хозяйственной деятельности верхнеколымских якутов важную роль играло не только скотоводство, рыболовство, но и охота на лосей, диких оленей, пушных зверей и водоплавающую дичь. Охотники-якуты нередко выходили на промысел совместно с юкагирами. Об этом удалось записать ряд воспоминаний.

Якуты на диких оленей охотились вместе с юкагирами в верховьях Колымы, Ясачной и Коркодона. Собачья упряжь у них была такая же, как у нас²⁰.

Здесьние якуты на охоту ездили, как юкагиры, на собаках. В нарту запрягали всего 2—3 собаки. Сами шли на лыжах и помогали собакам тащить нарту. К ней сбоку привязывали палку (*олгуобуйа*) для управления. Охотились в верховьях Ясачной и Коркодона. Выбирали удобное место, здесь оставляли лишние вещи, продукты, нарты, а на охоту шли пешком или на лыжах²¹.

Частые общения между юкагирами и якутами привели к тому, что юкагиры в конце XIX — начале XX в. помимо своего родного языка владели якутским. Однако среди якутов юкагирский язык знали немногие. Случались и браки между якутами и юкагирами. В родстве с якутами состояли юкагирские семьи Спиридоновых, Винокуровых, Турцановых. «Предок Спиридоновых из Ушканского рода был якут со Средней Колымы. Он женился на юкагирке. Потомство их приняло юкагирский язык и юкагирский образ жизни»²².

«Некоторые юкагиры женились на якутках. Так, юкагир Николай Солнцев женился на Матроне Винокуровой, а юкагир Михаил Лихачев на ее сестре»²³. В пос. Нелемное проживало несколько потомков якута Василия Слепцова, женатого на юкагирке Дьячковой²⁴.

Сохранились воспоминания и о том, что отдельные юкагиры вошли в состав якутов Байдуцкого наслега Ко-

²⁰ Сообщение Д. Г. Тайшина (юкагир, 56 лет), пос. Нелемное. Материалы К. Г. Горохова.

²¹ Сообщение И. П. Тайшина (якут, 75 лет), пос. Нелемное.

²² Сообщение Е. И. Шадринна (юкагир, 55 лет), пос. Нелемное.

²³ Сообщение А. Т. Прокопьева (юкагир, 53 года), пос. Нелемное.

²⁴ Сообщение Ф. Ф. Дьячкова (юкагир, 71 год), пос. Нелемное.

льмского улуса. Некоторые юкагиры воспитывались в якутских семьях. Например, юкагир Д. М. Тайшин с детства жил в якутской семье. С якутами соприкасались и тундровые юкагиры.

Согласно административному делению, существовавшему в Колымском округе, тундровые районы, прилегавшие к р. Алазее, входили в состав I Капгаласского наслега, а к р. Чукочьей — в состав Эгинского. Якуты I Капгаласского наслега Випокуровы, Ягловские, Сивцовы, Третьяковы, Слепцовы жили по р. Алазее в местности Арылаах, Чачиирэ, Ат-апатар, по р. Рассохе в местности Итаньнях тогойо, Хааттарбыт и др.

В лесотундровых участках якуты разводили рогатый скот и лошадей. Однако на хозяйство нередко приходилось не более 10 голов рогатого скота. Только отдельные богачи имели по 20—30 дойных коров. В тундре около Олерских озер жили бесскотные семьи якутов-рыболовов. Якуты занимались пушной охотой. Отдельные хозяйства якутов имели ездовых оленей. На лето за конские шкуры или конский волос их отдавали на выпас юкагирам или эвенкам, а зимой представляли якутам, скупщикам пушнины, для объезда кочевых стойбищ. «Главное занятие жителей, — писал об этих якутах В. И. Иохельсон, посетивший их в 1897 г., — рыболовство на озерах, но хозяйство их смешанное. Есть у них в весьма ограниченном количестве конный и рогатый скот. Ездовые собаки имеются в каждом хозяйстве. Олени — только у 2—3 человек»²⁵.

Эвены и юкагиры зимой заезжали гостить к якутам. Некоторые якуты были женаты на эвенках или юкагирках.

Во второй половине XIX в., по данным В. Г. Богораза 1859 г.²⁶, в Нижнеколымской тундре между Колымой и Индигиркой вновь после двухвекового перерыва появились чукчи. Как отмечал еще Г. Майдель, колымские чукчи сблизились с соседями, отчасти смешались с юкагирами и эвенками, улучшили стада за счет метисации своих оленей тундровой породы эвенскими оленями²⁷. В Колым-

²⁵ Иохельсон В. И. Предварительный отчет об исследовании инородцев Колымского и Верхоянского округов, с. 13.

²⁶ Богораз В. Г. Чукчи, т. I. М., 1934, с. 29.

²⁷ Майдель Г. Записка о народах, живущих в северо-восточной части Якутской и Приморской областей. — «Сборник трудов исследовательского общества "Саха Кескиле"», Якутск, 1925, вып. 1, с. 26.

ской тундре чукчи были наиболее обеспеченной группой населения, не испытывавшей весенних голодовок. Основу их существования составляло оленеводство мясо-шкурного направления. Обособившись от своих сородичей, западные чукчи сохранили родной язык, традиционную материальную и духовную культуру. Носили чукчи глухие меховые костюмы. Жили они в ярангах с пологами. Колымские чукчи отмечали и свои праздники — отел, возвращение стад с летовки и т. д.

Эпидемия оспы конца XIX в. нанесла колымским чукчам огромный урон. Часть чукчей после этого покинула Нижнеколымскую тундру²⁸. Однако в начале XX в. чукчи стали возвращаться в низовья Колымы и Алазеи. Из всех опрошенных нами чукчей старше 30—40 лет около половины показали, что они родились в Восточной тундре. Нижнеколымские тундровые юкагиры и эвены часто занимались в пастухи к богатым чукчам, владевшим большими стадами оленей. Чукчи-олeneводы нередко брали в жены юкагирок или эвенок²⁹.

В 1959 г. в колхозе «Турваургин» Нижнеколымского района было 140 хозяйств, в том числе 40 чукотских, 17 эвено-чукотских, 12 чукотско-юкагирских, 4 чукотско-якутских и 3 чукотско-русских. Большинство чукчей помимо своего родного языка владело юкагирским, якутским и русским³⁰.

Нижнеколымские тундровые юкагиры и эвены часто соприкасались с русскими старожилками низовой Колымы — членами Нижнеколымского мещанского общества и казачьей команды — и русскими старожилками низовой Индигирки — членами Верхоянского мещанского общества. Основу благосостояния русских составляло рыболовство. Они занимались также песцовым промыслом. Как мещане, так и казаки вели мелочную обменную посредническую торговлю с кочевыми юкагирами, чукчами и эвенами. По существу, русские старожилы унаследовали исконные

²⁸ Богораз В. Г. Чукчи, т. I, с. 12.

²⁹ Как показала перепись чукчей 1850 г., чукчи-олeneводы вступали в браки с юкагирками, чуванками и эвенками. — Вдовин И. С. Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей. — В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972, с. 106.

³⁰ Гурвич И. С. Этнографическая экспедиция в Нижнеколымский и Среднеколымский районы Якутской АССР в 1951 г., с. 205—207.

промыслы поречных юкагиров — рыболовство, собаководство, поколку диких оленей и охоту на ливных гусей. Разумеется, эти промыслы русские значительно модернизировали. Характерно, что поселения русских старожилон на Индигирке (Бурулгино, Чекурдах, Русское Устье) и на Колыме (Край Лесов, Походск, Нижнеколымск) образовались на местах «зверовых плавежей», т. е. участков, где юкагиры охотились на мигрировавших диких оленей³¹. Естественно, что в состав русских старожилон влились отдельные группы юкагиров. «В течение двух с половиной столетий, которые прошли со времени занятия Колымы русскими пришельцами, они, конечно, непрерывно смешивались преимущественно с юкагирами... Смешение происходит и теперь», — писал В. Г. Богораз в 1901 г.³²

С Нижнеколымской группой русского населения уже в советский период слились обрусевшие еще в XIX в. речные оседлые юкагиры Омолонского рода. Потомки членов этого рода Востряковы, Щербачковы показали себя при опросе, проведенном нами в 1951 г., русскими. В семьях Никулиных, Рупачевых еще сохранились воспоминания о том, что предки платили налоги как юкагиры. Старики отмечали, что семьи Медучиных и Сергеевых происходят от чуванцев.

Русские старожилы низовой Колымы ассимилировали якутов I Мятюжского наслега. Как и русские, потомки юкагиров и якутов занимались главным образом рыболовством, зимой объезжали на собаках «пасти» и добывали песка.

На Индигирке в состав русских влились юкагиры Шульговатые. По рассказам наших информаторов, они когда-то потеряли оленей, стали заниматься рыболовством

³¹ Хозяйство и культура русских старожилон низовой Индигирки и Колымы неоднократно освещались в литературе (Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948; Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. Спб., 1901; Он же. Русское население на Колыме. — «Жизнь», 1899, VI, с. 403—429; Зензинов В. М. Старинные люди у Холодного океана. М., 1924; Ленско-Колымская экспедиция 1909 года. Л., 1930; Биркенгоф А. Л. Потомки землепроходцев. — «Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та», 1955, т. X, вып. 3, с. 44—57; Он же. Потомки землепроходцев. М., 1972; Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири, с. 192—201).

³² Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия, с. 2—3.

и сблизились с русскоустинцами. Обруселыми юкагирами считались здесь и Брусенины. Их олени будто бы погибли от сибирской язвы³³.

В поездке на Индигирку в 1952 г. удалось собрать данные о том, что семья индигирских русских — Лебедевых — происходит от эвенов, а Варакиных — от юкагиров. Эти семьи тогда владели лишь русским языком. Из 65 семей русскоустинцев 15 семей показали, что они находятся в кровном родстве с эвенами, якутами или юкагирами³⁴.

К русским старожилам, включавшим в свой состав юкагиров, следует отнести также марковцев — потомков обруселых русскоязычных членов Чуванского общества Анадырского края и слившихся с ними русскоязычных оседлых ламутов (эвенов), а также русских мещан и крестьян. Согласно переписи 1926/27 г., чуванцев насчитывалось 425 чел. В это число вошли и потомки анадырских оседлых ламутов, мещан и крестьян³⁵. Последующими переписями чуванцы не выделялись. Однако по данным переписи 1959 г. можно приблизительно определить численность чуванцев. Переписью было выявлено 534 чукчи с родным русским языком³⁶. Так как тогда почти все чукчи пользовались своим родным языком, то русскоязычные чукчи, очевидно, не кто иные, как чуванцы.

Большая часть современных чуванцев живет в поселках Марково, Усть-Белая и Снежное Чукотского национального округа. Они работают в совхозах и колхозе им. Первого ревкома Чукотки, занимаясь огородничеством, пушной охотой и рыболовством. Ездовых собак, долбленые лодки, традиционные орудия охоты и рыболовства они применяют в личном хозяйстве.

Небольшая группа чуванцев, ассимилированная чукчами и коряками, осваивает верхний и средний бассейны Анадыря. Основой их существования является оленеводство. Язык чуванцев-олeneводо-в, именующих себя «этэл», близок к диалекту оленных коряков.

³³ Записи члена Юкагирской комплексной экспедиции К. Г. Горохова.

³⁴ Гурвич И. С. Этнографическая экспедиция в бассейн р. Индигирки, с. 34.

³⁵ Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927). Благовещенск, 1929, с. XLIII.

³⁶ Итоги Всесоюзной переписи 1959 года (РСФСР). М., 1963, с. 336.

Следует отметить, что отделенные от юкагиров огромными пространствами чуванцы обособились еще в XVIII—XIX вв., и тогда все связи между чуванцами и юкагирами были прерваны.

Таким образом, следы юкагирского этноса проступают на огромной территории от Индигирки до устья Анадыря, от берегов Ледовитого океана до верховий Колымы. Именно в этом регионе в среде юкагироязычных групп и их соседей следует искать материал для реконструкции древней юкагирской культуры.

Собранные экспедицией 1958 г. данные в сочетании с опубликованными ранее материалами в известной мере позволяют охарактеризовать облик традиционной юкагирской культуры конца XIX — начала XX в., что может служить этнографическим источником для ретроспективных изысканий в области древней культуры обитателей обширного Ленско-Колымского края.

Традиционное хозяйство и культура таежных юкагиров. Производственный годовой цикл верхнеколымских юкагиров, по словам наших информаторов³⁷, членился на несколько сезонов. Студеные зимние месяцы — ноябрь, декабрь, январь — юкагиры жили оседло, питаясь осенними и летними запасами рыбы и мяса. Одна группа юкагиров зимовала в местности Нелемное по р. Ясачной, другая на р. Коркодоне. В феврале — марте они покидали свои зимники. Кочевая жизнь длилась с февраля до июля. Нелемновские юкагиры промыслили по Ясачной, Омулевке, Поповке, Солдатской, коркодонские — по Коркодону, Рассохе, Шаманихе. Во время кочевий охотились на диких оленей, лосей, зайцев, куропаток, а весной на птиц.

В июле юкагиры начинали рыбачить и занимались этим промыслом до поздней осени. Время перехода от одного занятия к другому, время выхода на кочевье определялось не только соображениями хозяйственной выгоды, но и результатами предыдущего промысла. Неудачный лов рыбы, голод вынуждали юкагиров выходить на кочевья в январе — феврале, тогда как при богатом улове на охоту выходили в конце марта. Зимне-весеннее межсезонье было самым трудным периодом в жизни юкагиров.

³⁷ П. А. Долганов (70 лет), А. П. Турпанов (64 года), Н. А. Тайшин (87 лет), Д. Н. Дьячков (67 лет), Н. А. Шалугин (65 лет), А. И. Дьячкова (71 год), Е. П. Шадрин и др.

«Зимой жили в Нелемном. Там было более десяти бревенчатых изб. В одной избе жило вместе несколько семей. Почти целую зиму от дома пикуда далеко не уходили. Только весной вылезали из своих изб, начиналось наше странствование. Одни кочевали вверх по Ясачной, другие — по Коркодону, так доходили до их верховьев. За зиму кончался наш скудный запас продуктов. Весной голодали. Добыча дикого оленя для нас бывала большим праздником»³⁸.

Если во время кочевок не удавалось добыть пищу, то положение юкагиров становилось критическим. Коркодонская юкагирка Якимчук-Солнцева, 49 лет, вспоминая свою жизнь, поведала: «Плохо было, когда голодные кочевали. Одежка плохая. Нарты сами волочили. Рыбы нет и собак кормить нечем. Моя бабка на дороге умерла, когда кочевали по Коркодону. Однажды, когда мы очень голодали, я ровно десять дней лежала, едва не умерла. Потом дед сохатого убил. Начали понемногу кормить меня. Давали мясо с водой. Мясо размалывали, как муку. Если сразу поешь — плохо будет. Потом мясо кончили. Опять шкуры опаливали, чистили, варили и ели».

Но часто скудные запасы юкагиров кончались не весной, а зимой, еще до сезона кочевки. Тогда юкагиры вынуждены были обращаться за помощью к якутам и эвепам.

Охота на лосей и диких оленей была одним из основных источников существования юкагиров. В удачный год на семью добывали до 100 диких оленей, 5—7 лосей. Добыча лося считалась большой удачей, так как позволяла надолго обеспечить себя мясом. Основным сезоном охоты на лосей и на диких оленей считалась весна. Охотники выслеживали и преследовали животных на лыжах. Толкий наст препятствовал быстрому бегу не только лосей, но и оленей. Они проваливались в глубокий снег, повреждали ноги об острые закраины наста, выбивались из сил и становились добычей охотников. Преследование лосей и оленей на лыжах требовало большой выносливости и споровки. Обычно этим занимались молодые люди³⁹. Успех в промысле в значительной степени зависел от обеспеченности

³⁸ Сообщение П. А. Долганова (юкагир, 70 лет), пос. Нелемное.

³⁹ Об охоте см. Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону, с. 10.

юкагирских охотничьих групп средствами передвижения. В качестве транспортных животных верхнеколымские юкагиры применяли ездовых собак. По словам наших информаторов, для перевозки детей, покрышек к чуму, одежды, утвари и запасов продовольствия семье необходимо было иметь 4—5 нарт. Однако только мощное хозяйство обладало полной упряжкой в 12 собак. Обычно в нарту запрягали всего 4—5 собак. Поэтому тяжело нагруженую нарту собакам помогали везти кто-либо из женщины или детей. Мужчины прокладывали на лыжах путь. Собаки, как правило, припрягались к потягу гуськом, за ними следовал человек, впрягавшийся в лямку, подвязанную особым ремнем к дуге нарты. Он управлял ходом нарты при помощи шеста длиной до 2,5 м. Шест-руль (*оглодо*) одним концом закреплялся ременной вязкой у первого копыла (*нойль*)⁴⁰. Верхнеколымские юкагиры применяли вязаные прямокопыльные нарты длиной до 2,5 м с одной передней дугой. Обычно использовались нарты с тремя или четырьмя парами копыльев.

К периоду работы экспедиции транспортное собаководство у юкагиров в верховьях Колымы сохранилось очень незначительно, в 1959 г. в пос. Нелемное было лишь несколько нарт. Зимой дети и женщины на одной — двух собаках, запряженных в маленькие прямокопыльные нарты, доставляли с берега лед, дрова. В редких случаях со всего поселка собирали собак для срочной поездки в районный центр или на ближайшую ферму.

Важным транспортным средством были лыжи. Весной при перекочевках на лыжах шли не только мужчины, но и женщины, и дети. Охотничьи широкие лыжи, подбитые камусами или шкурой лося, пазывались *учургэ*. Для ходьбы по мокрому вязкому снегу использовались простые широкие лыжи, называвшиеся *нокиса* 'голицы'. Каждый лыжник имел палку (*агидьэ*) с кольцом (*абачи*). Верхний конец мужской палки заканчивался крючком для торможения при спуске с гор. Навершие у женской палки имело вид лопаты с орнаментом. Закреплялась нога в лыже при помощи двух ременных или ровдужных петель⁴¹. По форме юкагирские лыжи не отличаются от эвенских.

⁴⁰ Сообщения И. П. Тайшина (75 лет), А. К. Шалугина (47 лет), П. А. Долганова (70 лет); пос. Нелемное.

⁴¹ Сообщения А. И. Дьячковой (71 год), И. П. Тайшина (75 лет).

Для установки и осмотра сетей употребляли долбленые тополевые челноки длиной до 6 м или челноки из досок типа якутских «веток». Гребли однолопастным веслом около 3 м длины. Поднимались вверх по течению, отталкиваясь двумя шестами. В отличие от якутских веток с плоским днищем юкагирские имели выгнутое полудолбленное днище, овальный нос и прямую корму. По сообщениям наших информаторов-стариков, в прошлом юкагиры изготовляли берестяные челноки.

В 1956—1959 гг. население пос. Нелемное использовало и долбенки и ветки. Однако изготавливались вновь только дощатые лодки-ветки. О плотах, применявшихся в начале века для сплава с охотничьих угодий к рыбалам, сохранились лишь воспоминания⁴².

Верхнеколымские юкагиры начинали рыбачить весной. Рыбу ловили удочками с железными крючками и свинцовым грузилом. В качестве паживы крючки обматывали красной ниткой. Но этот способ добычи рыбы рассматривался как развлечение, так как давал лишь рыбу «для котла». Летом по речушкам и озерам ставили волосяные и нитяные сети. Сохранились воспоминания о том, что рыбу ловили переметами с роговыми спицами. Выловленная весной и летом рыба, так как уловы ее в это время невелики, обычно шла на повседневное питание. Все же часть улова вялили⁴³. Лишь осеннее рыболовство давало возможность юкагирам обеспечить себя рыбой на зиму. В августе—сентябре в период наибольшего скопления омуля и чира юкагиры окружали косяки неводом и вытаскивали рыбу на берег.

Места ежегодного скопления рыбы по Нелемной и Коркодону были хорошо известны населению и назывались *чепкэ*, или *монер*. Задача рыбаков заключалась в том, чтобы вовремя обнаружить подход рыбы и окружить ее неводом. Не удивительно, что этот способ рыболовства назывался черпанием. Невод применялся без мотни. Веревки к неводу плели из конского волоса, а канат (*кляч*) из тальниковой коры. За несколько притоплений в случае хорошего хода рыбы юкагирам удавалось обеспечить себя и своих собак рыбой. Черпанье, видимо, было основным

⁴² Сообщение П. А. Долганова (юкагир, 70 лет).

⁴³ Сообщение Н. А. Шалугина (юкагир, 65 лет) из пос. Нелемное.

и древним способом добычи рыбы. В конце XIX в. у юкагиров еще сохранилось воспоминание о том, что их предки изготавливали изгородь из ивовых прутьев, нечто вроде невода. Один конец этой изгороди укрепляли на берегу, а свободный подтягивался к берегу, когда в этом неводе скапливалась рыба⁴⁴.

Поздней осенью перед замерзанием рек пелемские юкагиры ставили на Ясачной и Рассохе заезды с мордами из ивняка или нитяные мережи. Это также, по-видимому, древний способ рыболовства. В октябре—ноябре рыбу ловили подо льдом, устанавливая в прорубях волосяные сети. Улов замораживали. Летом — ранней осенью выловленную рыбу вялили, изготавливали из нее юколу, а мелкую рыбу сваливали в ямы, где она квасилась. Эта рыба предназначалась для собак, но в голодное время года ее ели и люди. Икру сушили.

Основной пищей юкагиров было мясо и рыба. Мясо диких оленей и лосей варили, зимой ели и в виде строганины. Весной и летом мясо вялили. Длинные тонкие пласты мяса коптили над костром, затем вялили на солнце. Сушеное мясо разрезали на небольшие кусочки и нанизывали на жилыные палочки. В таком виде мясо хранилось в амбарах на сваях. Зимой его варили.

Из трубчатых костей вываривали жир. Кости предварительно разбивали каменным пестом. Жир сохраняли впрок. Дичь употребляли в пищу в вареном виде. Лишь гусиные и лебединые желудки ели сырыми⁴⁵.

Летом рыбу варили и обычно без соли. Значительная часть летнего улова шла на изготовление юколы. Мелкую рыбу пекли около костра на тальниковых кольешках. Зимой использовалась в пищу сырая мороженая рыба. В сыром свежем виде ели брюшки, налимью печень. Рыбьи потроха, рыбью икру жарили. Из икры, смешанной с рыбой, пекли лепешки. Летом готовили рыбу с душиком. Для этого рыбу, завернутую в листья тальника, помещали на сутки в тепло, а затем, когда она начинала разлагаться, варили.

Некоторые юкагирские блюда из рыбы были очень своеобразны. Так, вареную рыбу сушили на солнце, за-

⁴⁴ Iochelson W. The Iukaghir and the Iukaghirized Tungus. — «Memoir of the American Museum of natural history». N. Y., 1926, pt. III, p. 375.

⁴⁵ Сообщение М. И. Спиридоновой (юкагирка, 73 лет), пос. Пелемное.

тем толкли. Рыбью муку хранили в мешках из налимьей шкуры. Зимой ее варили с оленьей кровью или с сосновой заболонью. Это блюдо называлось *анил кэрилэ*. Деликатесом считалась толченая вареная рыба с ягодой голубицей, сдобренная жиром, — *кульибаха*. Из вареных рыбьих потрохов в смеси с ягодами шиповника, залитых рыбьим жиром, приготавливалась каша, которую на зиму замораживали в туесах. Нечто вроде толкушки изготавливали из жирных брюшков омуля. Их поджаривали, подсушивали в лотке, затем толкли, смешивали с ягодами, сушеной толченой икрой и жиром.

Подсобное значение для юкагиров имело собирательство. В пищу использовался дикий лук (на зиму его не запасали), собирали кедровые орехи (обычно разыскивали и забирали запасы кедровых орехов птицы-кедровника). Большим подспорьем зимой служила лиственничная заболонь. Ягоды брусники, черники, шиповника запасали на зиму и хранили в берестяных ведрах. Для сбора черники применяли специальный берестяной совок. В пищу использовали корни сараны. В отличие от якутов и эвенов, возможно под русским влиянием, юкагиры собирали некоторые виды грибов, сушили их и употребляли как приправу к супам⁴⁶.

Зимой на промысле юкагиры жили в конических чумах, крытых лосиной или оленьей ровдугой. Остов чума вырубали на стоянках. Он состоял из основы-трепоги и боковых жердей. Покрышка чума делилась на две части — нижнюю (*нумэалгадэ*), на нее шло 5—10 шкур, и верхнюю (*тэмил*), ее шили из 4—7 шкур. Ровдужные чумы строили и на рыбалках.

Однако летом в период дождей с целью сбережения ровдужных покрышек чумы крыли лиственничной корой. Остов такого конического чума (*нума*) состоял из двух пар врезанных одна в другую массивных жердей и опиравшихся на них четырех жердей с поперечинами в вершине. Это сооружение служило опорой для расставлявшихся по кругу 20—30 тонких жердей (*пойэ*). Последние скреплялись 5—6 тальниковыми обручами. Затем каркас покрывали лиственничной корой, которую придавливали несколькими жердями. Около стен пол устилали ветками

⁴⁶ Сообщение М. И. Спиридоновой (юкагирка, 73 лет) и Е. И. Шадряной (юкагирка, 55 лет), пос. Нелемное.

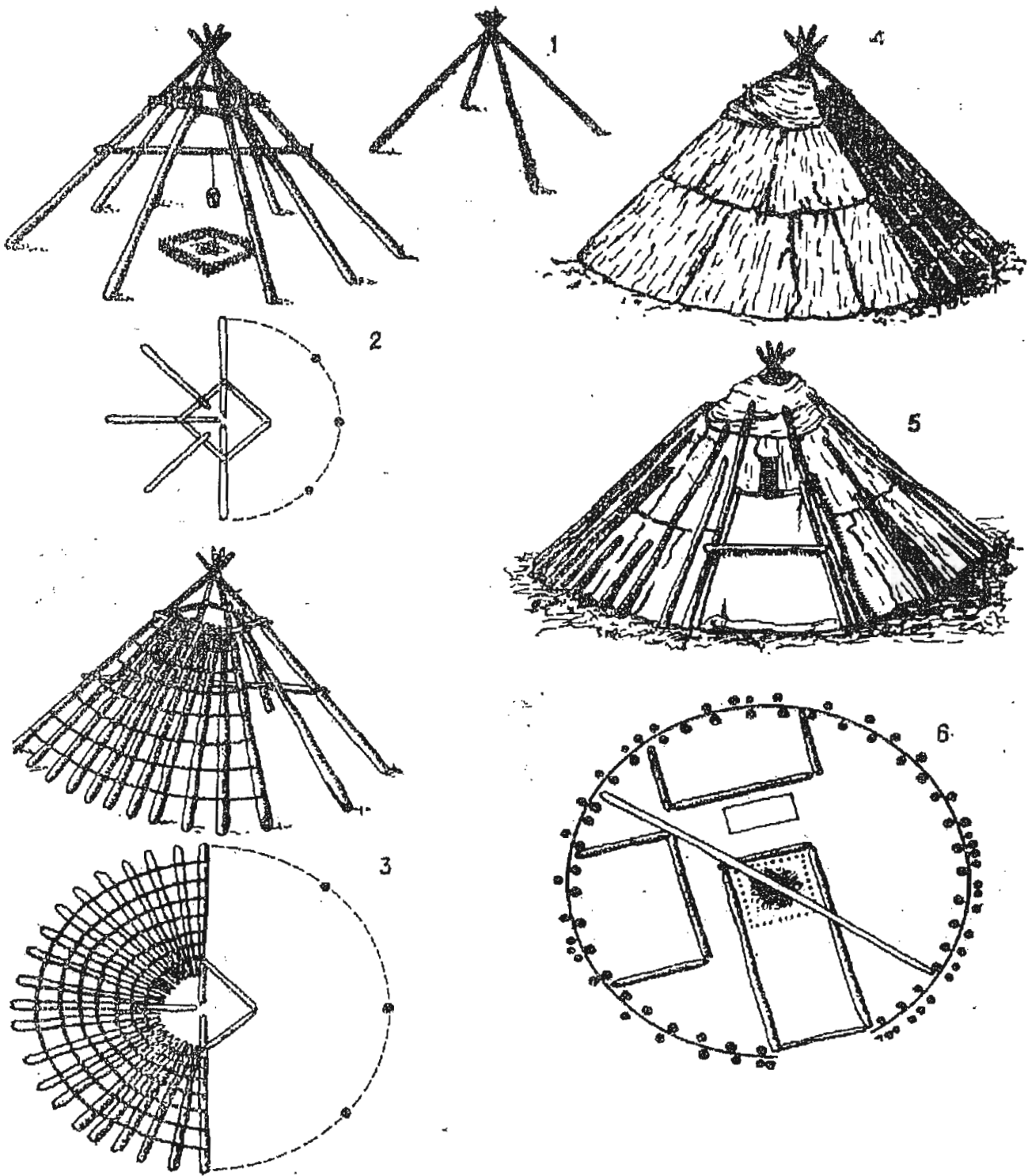

Рис. 3. Коревой юкагирский чум (Верхнеколымский р-н).

1 — основа остова чума; 2 — остов и план остова; 3 — остов с боковыми жердями и план; 4 — способ покрытия чума корой; 5 — внешний вид чума; 6 — план чума.

и покрывали шкурами. Здесь спали и сидели. Иногда над постелями подвешивали матерчатые пологи. В центре чума на земляном шестке, обложенном плахами, раскладывали костер. Над ним привязывали две поперечные жерди (*иэкэтын*), использовавшиеся для подвешивания котлов, чайников, просушки одежды и обуви. В жаркие дни костер разводили вне чума и здесь готовили пиццу. (В период работы экспедиции в 1959 г. юкагиры-рыбаки широко использовали в летнее время конические корьевые чумы.)

Старые юкагирские зимники, представлявшие собой срубы площадью 3×3 м, высотой чуть более двух метров с плоской или конической крышей и окошком 15×20 см, описанные В. И. Иохельсоном⁴⁷, как и якутские юрты, в конце 1930-х гг. были заменены срубными домами⁴⁸. Хозяйственные постройки — лабазы на одном, двух или трех столбах с двускатной крышей и лестницей — в 1950-х гг. еще сохранились около старых летних стойбищ.

Одежда верхнеколымских юкагиров, описанная В. И. Иохельсоном, дошки из ровдуги, передники, чепчи-кообразные шапки ничем не отличались от традиционной одежды эвенков⁴⁹. По словам наших информаторов, эта одежда в 1930—1940-е гг. вышла из употребления. Однако в некоторых семьях еще хранились старые праздничные ровдужные женские пальто, а пожилые юкагирки помнили во всех деталях покрой и особенности украшений традиционной одежды⁵⁰. На рис. 6 показан раскрой отдельных предметов, входивших в комплект одежды верхнеколымских юкагиров. Характерно, что многие детали носят не эвенские, а юкагирские названия. В то же время покрой одежды верхнеколымских юкагиров не отличается от покроя одежды эвенков. В одежде юкагиров можно усмотреть и якутское влияние (отложные и стоячие воротники, оторочки и т. д.).

В 1959 г. в качестве зимней промысловой одежды юкагиры носили распашные дошки из оленьего меха якутско-

⁴⁷ Iochelson W. The Iukaghir..., pt. III, p. 343—345.

⁴⁸ Дыдик К. Указ. соч., с. 86—88.

⁴⁹ Iochelson W. The Iukaghir..., pt. III, p. 388—409.

⁵⁰ В 1959 г. молодежь пос. Нелемное при подготовке к фестивалю провела безуспешные поиски юкагирской древней одежды. В конце концов были сшиты котюмы по образцу бытовавшего в начале XX в. камзола.

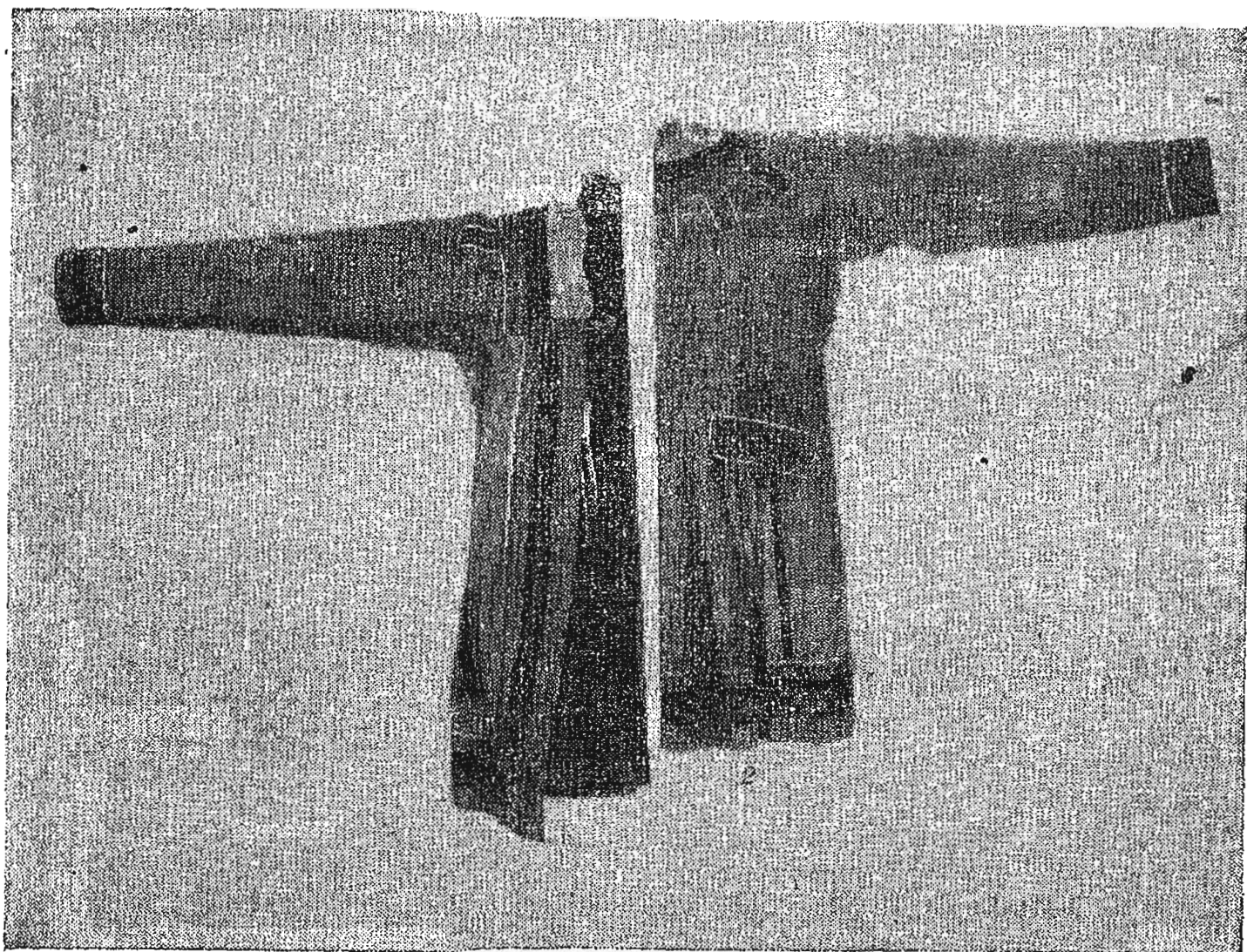

Рис. 4. Юкагирское женское пальто из коллекции В. И. Иохельсона, 1898 г. (МАЭ, № 398-1).
1 — вид спереди; 2 — вид сзади.

то покроя, меховые штаны и рукавицы из камусов и шапки-ушанки. В поселках использовались в основном покупные пальто, телогрейки. Юкагирская обувь отличалась разнообразием. Охотники носили высокие торбаса из оленьих камусов. Подошвы для прочности шили из оленьих щеток (на одну подошву идет 16 щеток). Внутри надевали меховые чулки из оленьего или заячьего меха. Праздничная женская обувь из камусов украшалась расшитыми бисером сукопными оторочками и бисерными врезками вдоль стопы. Использовалась и женская обувь из ровдуги (*полусарки*). Нарядной женской летней обувью считались *килпелки* — торбаса из белой или желтой ровдуги с головкой из черненой сыромяти, расшитой цветными нитками и бисером.

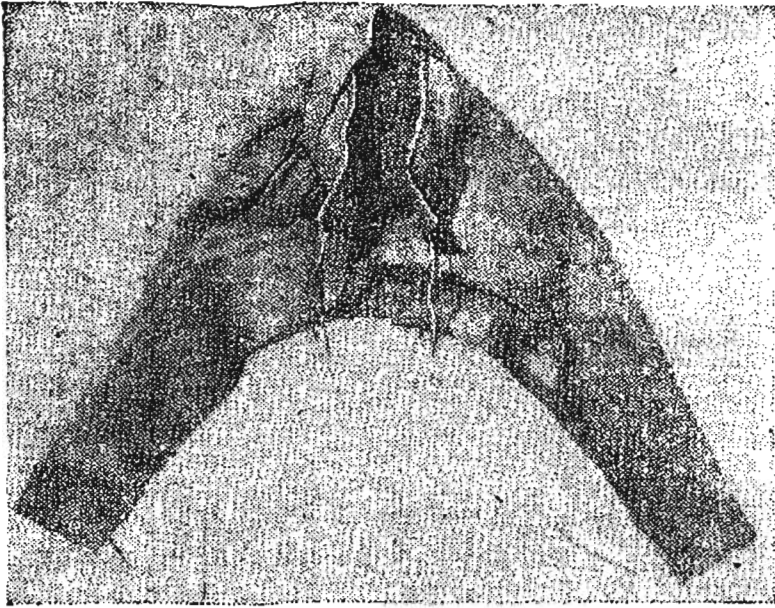

Рис. 5. Юкагирские ровдужные штаны (МАЭ, № 398-2).

Однако в этих формах обуви трудно уловить что-либо специфическое, характерное только для юкагиров. Торбаса-щетки были широко распространены среди эвенов, а женские ровдужные торбаса с расшивкой, видимо, восприняты юкагирами от русских. Детские юкагирские комбинезоны (*нямайэ*) в виде рубахи, штанов и торбасов, сшитых вместе из тугутовых шкур, также не могут считаться только юкагирской одеждой, такие же комбинезоны встречаются у якутов и эвенов далеко за пределами Колымы.

К юкагирам проникла еще в XIX в. матерчатая одежда. Мужчины носили рубахи, а женщины длинные платья с отложным воротником, называвшиеся по-якутски (*халодай*).

Сохранившиеся у пожилых юкагирок женские сумочки *индирги* из головных оленьих шкурок, расшитые подшейным оленьим волосом, рассматриваются местной традицией как реликвии юкагирской культуры. Однако такие же сумочки для швейных принадлежностей были широко распространены в различных эвенских группах.

Юкагирская техника выделки оленьих шкур не обнаруживает каких-либо специфических черт. Мездру, как нам приходилось наблюдать, снимали железными скребками *кыхех* (якутск.). Дубителем служила переваренная оленья или рыбья печень. После дубления шкуры обрабатывали скребком с двумя ручками и дымили над очагом.

В духовной культуре юкагиров, так же как и в материальной, трудно обнаружить какие-нибудь специфические черты. В бытовавших в начале нашего века родильных, свадебных, семейных и похоронных обычаях верхнеколымских юкагиров прослеживается много черт, близких к эвенским и якутским обычаям.

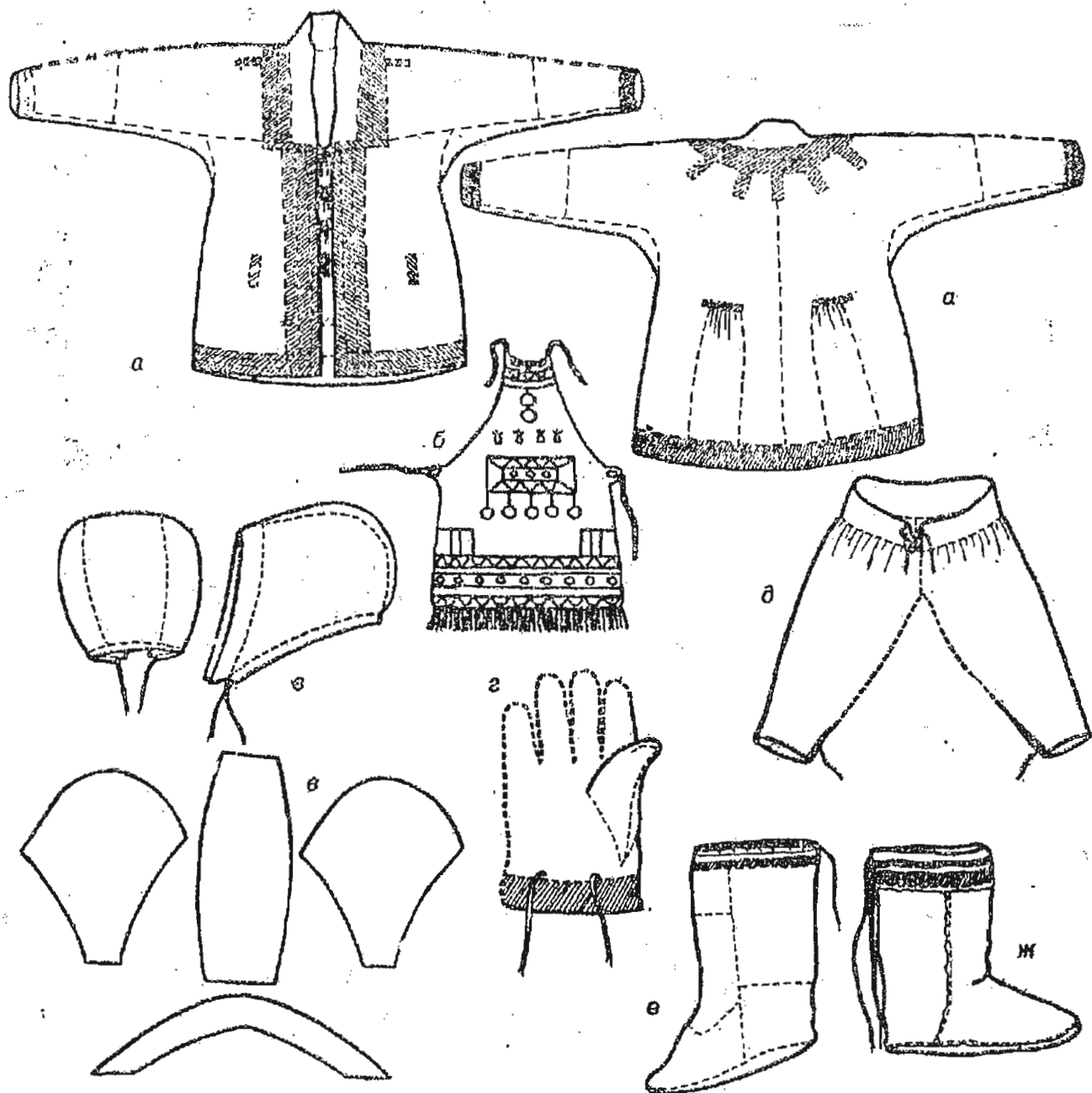

Рис. 6. Комплект юкагирской женской одежды (Верхнеколымский р-н).

Верхнее летнее пальто: а — вид спереди, а¹ — вид сзади; б — передник; в — шапка (вид сзади и сбоку, раскрой); г — перчатка; д — штаны; е, ж — летняя обувь.

Беременная женщина считалась нечистым существом, и охотник во время родов жены прекращал промысел. Существовали многочисленные магические запреты для беременных, направленные на то, чтобы потомство было здоровым. Беременные избегали есть мясо гагары, чтобы ребенок не был глухим; голову налима, чтобы рот не был уродливым; губы лошади, чтобы у ребенка не тряслись

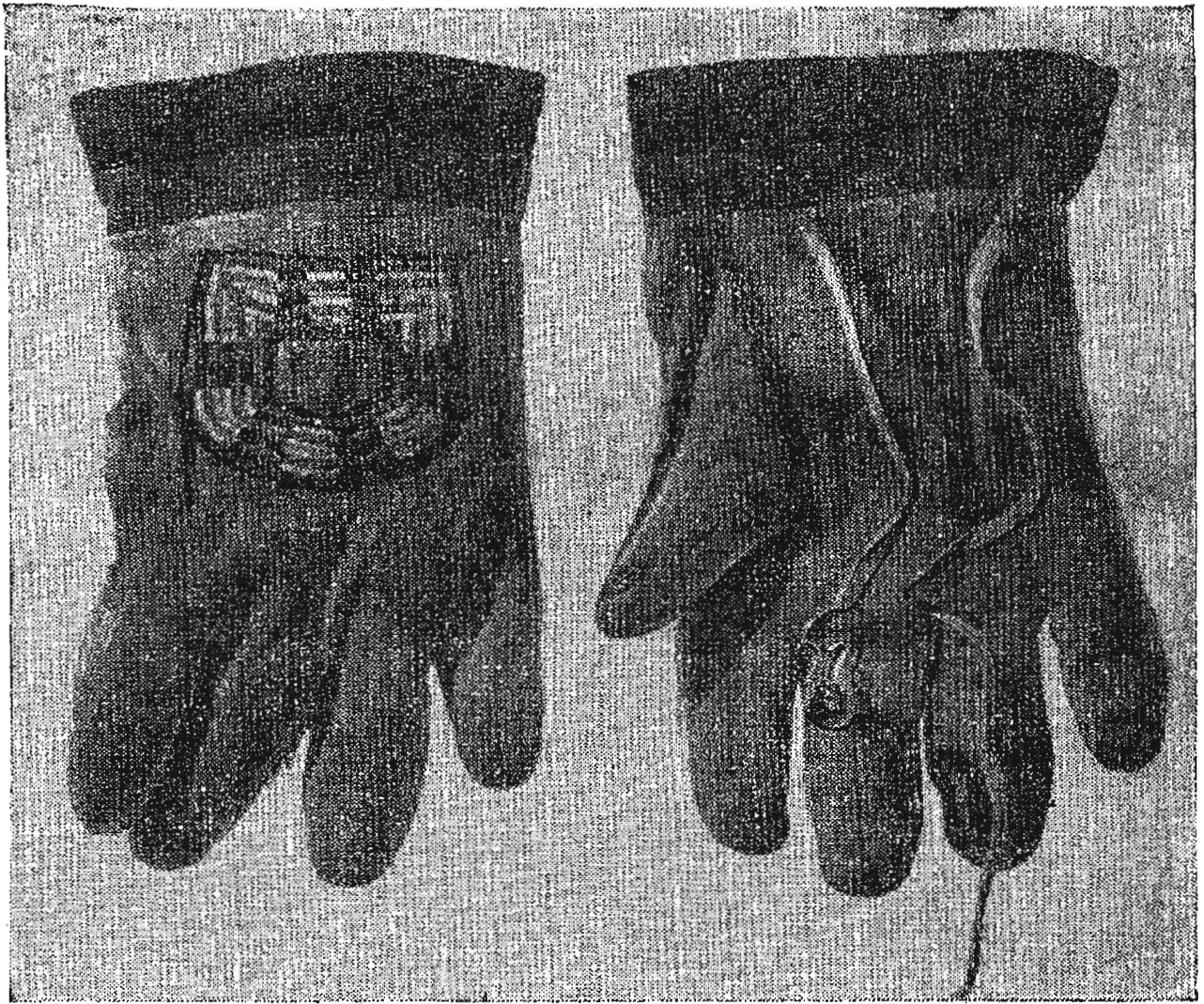

Рис. 7. Юкагарские перчатки (МАЭ, № 398-6ав).

губы; а также сахар, жир, яйца гагар, чтобы не были трудными роды. Считалось, что ребенок находится в чреве матери в сидячем положении головой вверх и только в момент родов поворачивается головой вниз⁵¹.

Рожали на коленях. Помощь роженице оказывала какая-нибудь пожилая женщина или муж. Ребенка обмывали и заворачивали в заячью шкуру и укладывали в люльку эвенского образца, называвшуюся *бэбэл*. Послед мыли, завертывали в сено и помещали в берестяной туесок. Если рождался мальчик, то вместе с последом клали дробинку, а если девочка — бисер. Туесок вешали на дерево. Имя ребенку давали после того, как отпадала пуповина. Нарекал имя поц, по святцам.

⁵¹ Сообщение М. Г. Лихачевой, 57 лет.

Обычай по отношению к детям у юкагиров, известные нашим информаторам, мало отличались от аналогичных обычаев колымских якутов. Для охраны ребенка от сглаза под подушку ему клали нож. Чтобы предохранить ребенка от болезней, ему шили шапочку из головной шкурки тугута с рожками. На матерчатую шапочку также нашивали рожки, чтобы отпугивать болезнь.

Браку предшествовало сватовство. При заключении брака учитывалось желание невесты. До замужества девушки пользовались значительной свободой. Свадебный обряд, по словам наших информаторов, сводился к церковному венчанию и угощению.

По наблюдениям В. И. Иохельсона, брак у верхнеколымских юкагиров носил матрилокальный характер. Отец невесты выражал свое согласие в виде формулы: «До моей смерти, до конца жизни, если у меня жить будет, из моего дома, если не уйдет, — пусть в мой дом войдет»⁵². После этого жених переселялся в дом тестя. Однако наши информаторы, возможно под влиянием эвенских и якутских норм, не рассматривали матрилокальность, как обязательное правило.

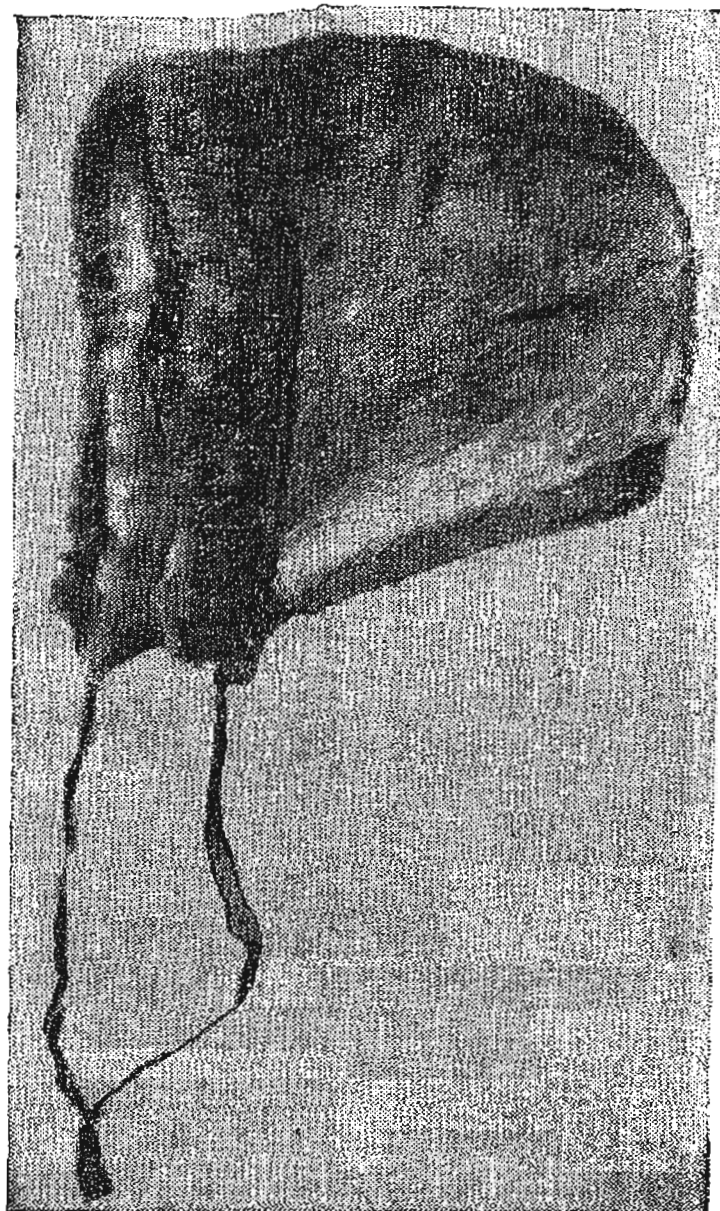

Рис. 8. Юкагирская шапка из коллекции С. А. Бутурлина, 1907 г. (МАЭ, № 1081-99).

⁵² Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора..., с. 222.

Рис. 9. Юкагирские мужские летние торбаса из коллекции С. А. Бутурлина (МАЭ, № 1081-33).

Для семейной жизни юкагиров были характерны сложные обычаи «избегания», или «стеснения», которые распространялись не только на невесту и старших родичей мужа, зятя и тещу, но и на родных братьев и сестер. Младшая сестра, например, говорила со своим братом через посредство его жены, не называя его по имени. Не мог прямо обратиться к своей сестре и брат. Если посредников не было, то обращались в третьем лице⁵³. Этот обычай еще сохранялся в 1950-е гг. среди старшего поколения. Большим почетом и уважением пользовались старики. Указания старших младшие выполняли не рассуждая. Обычай предписывал женщинам и девушкам вести себя скромно, тихо, не разговаривать об охоте и т. д.

В юкагирских стойбищах практиковалась уравнительная система распределения охотничьей добычи. Семья охотника получала такую же долю мяса, как и остальные семьи стойбища. Нередко, как и у эвенков, охотник дарил

⁵³ Сообщение Якимчук-Солнцевой (49 лет), пос. Балыгычан.

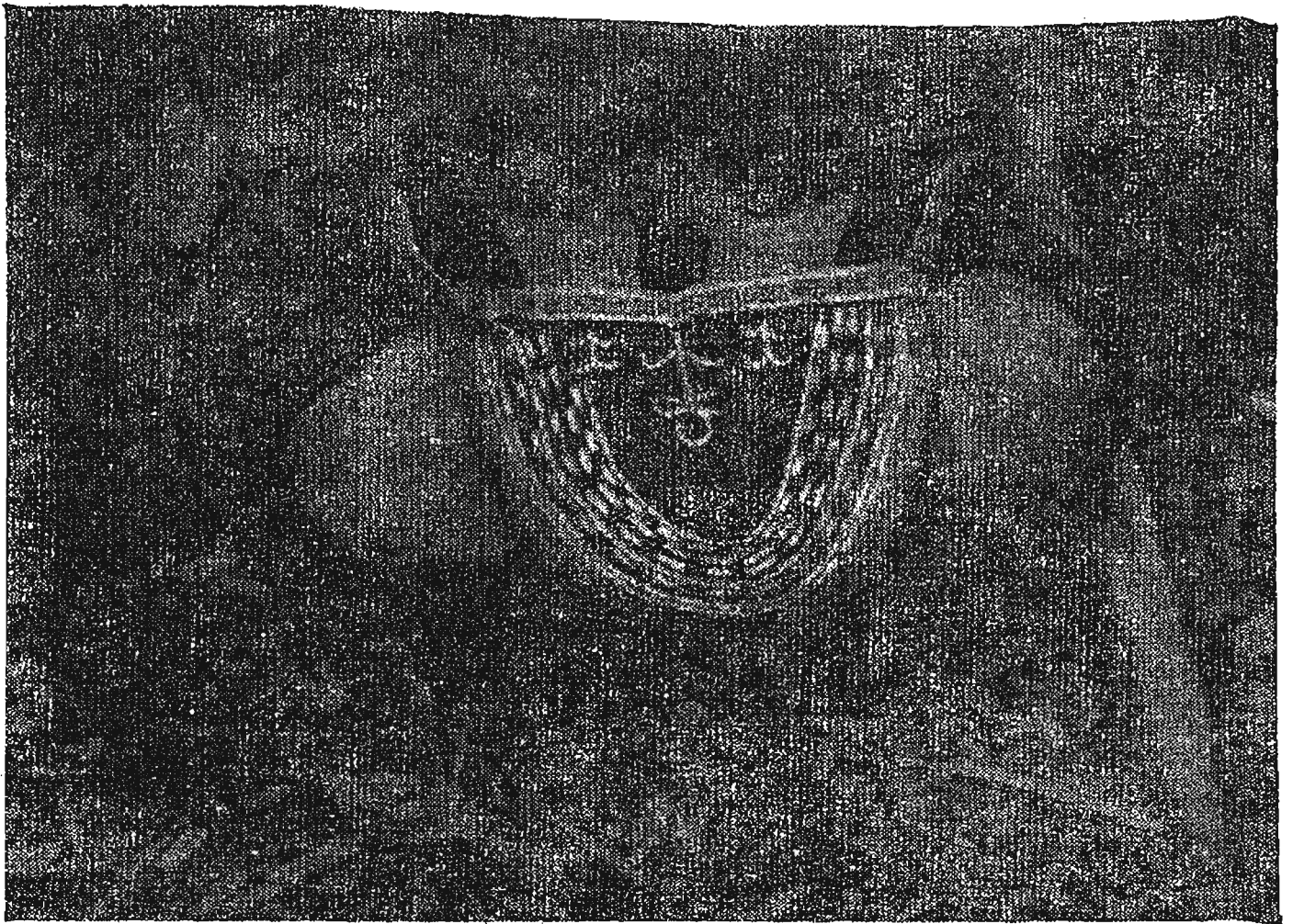

Рис. 10. Юкагирская сумка для швейных принадлежностей (Верхнеколымский р-н).

тушу убитого лося или оленя кому-нибудь из старших членов стойбища, жена которого уже распределяла мясо по семьям. Охотнику доставались также шкура, камусы и голова зверя. Если семья кочевала в одиночку, то зять-охотник передавал свою добычу теще (мясо) и тестю (шкуру). Шкурки же белок, горностаев, лисиц поступали в личное распоряжение охотника.

Бытовали и другие семейные обряды: запрещалось передавать посторонним огонь из очага; нарушением правил поведения считалось, если женщина проходила между очагом и главой дома.

Нам не удалось обнаружить каких-либо своеобразных особенностей в похоронном обряде верхнеколымских юкагиров. По представлениям юкагиров, смерть наступала вследствие того, что в тело человека внедрялся злой дух и поедал его душу. Эту точку зрения, как отмечал

В. И. Иохельсон, разделяли и соседи юкагиров — эвены и якуты.

В прошлом верхнеколымские юкагиры хоронили мертвых на помостах — *арангасах*. Наши информаторы утверждали; однако, что так хоронили лишь шаманов и детей. В конце XIX в. распространился христианский похоронный обряд. Надмогильные сооружения представляли собой двускатный шалаш с крестом. Сохранились воспоминания о том, что раньше пожилые люди заранее шили потребальную одежду. В последние десятилетия этот обычай исчез, но для покойного шили недостающую одежду. Старые носильные вещи умершего сжигали при похоронах. В гроб с правой стороны клали трубку, заварку чая, нож, грузило от сетей. Перед захоронением на подошве обуви делали надрезы в виде креста — открывали дорогу. В крышке гроба просверливали четыре дырочки. Посуду, которой пользовался покойный, разбивали и оставляли около могилы⁵⁴.

Дольше самобытные черты сохранялись в охотничьих обычаях. В памяти наших информаторов старшего поколения еще были свежи воспоминания об охотничьих обрядах и обычаях.

Особым почитанием у юкагиров пользовался лось. С убитого лося шкуру снимали сами охотники. Они же варили мясо, чтобы женщины как-нибудь не оскорбили духа зверя. Когда голову лося везли к стойбищу, то ее помещали на последней нарте, и тянул нарту мужчина. Эту нарту обводили вокруг чума. Некоторые протаскивали голову лося под покрывкой чума. Из этого обычая, однако, делали и исключения: «Как-то дед и дядя убили сохатого, — рассказала нам Якимчук-Солнцева. — С ними я за мясом пошла. Прямо к голове не подошла, обошла сохатого. На голову не смотрела. Голову сохатого домой отнес дядя. Девушке пести ее нельзя. Пожилая женщина могла снимать шкуру с сохатого и дикого оленя, только на голову не должна была смотреть. Грех. Если больше никого нет, то и девушка снимала шкуру, но отворачивалась. Мясо с головы лося, мозг девушкам не давали». •

Юкагиры почитали даже след лося. Через него не перекочевывали, только шли вдоль следа. Охотники тща-

⁵⁴ Сообщения М. Г. Лихачевой, М. И. Спиридоновой, В. Т. Дугласа, пос. Нелемное.

тельно следили, чтобы даже крошки мяса от сердца и печени лося не достались собакам. Череп лося особенно оберегали и хоронили на помосте⁵⁵.

Старики-юкагиры рассказывали, что в молодости, когда они окружали нескольких лосей или диких оленей, одного обязательно выпускали. Даже во время голода избегали убивать самку с телятком.

Когда тушу лося доставляли домой, кормили огонь — благодарили духа земли *Лебиэн-погиль*. Наши расспросы об облике этого духа и его функциях не дали каких-либо новых значительных подробностей. Однако удалось записать легенду, рисующую в известной степени, древние юкагирские представления о духе лося.

Сохатый один ходит, но он не один, у него есть хозяин. Пошли раз два мальчика на охоту, не сказав взрослым. Увидели телят-ка-сохатого. Догнали. И вот с живого сняли шкуру и для смеха из озорства пустили. Шкуру унесли. Пришли домой. Где нашли шкуру, не сказали. Отец одного мальчика пошел посмотреть, что они сделали, но не увидел ничего. Сын ему сказал только, что они с товарищем охотились. А другой мальчик дома молчал. Вот ночью во сне или так подошел к отцу первого мальчика высокий (длинный) черный человек. В *тордох* (чум) голову просунул, бровей на правой стороне лица нет. Страшно отцу стало. Черный человек спросил: «Кто хозяин?» Наш человек ответил.

— Зачем обидели моего сына, — сказал черный человек, — голого пустили? Ушел он. Вдруг чум-тордох стал сужаться, маленьким стал. Оба мальчика почувствовали желание скорее пойти в тайгу. Пошли. Не удержали их. А там видят голый телятенок без шкуры стоит. Они к нему, а он от них уходит. Увел их. Так они и умерли.

На другой год отец одного мальчика пошел охотиться. Стреляет в сохатых, но не попадает. Близко подходит, тоже не попадает. Побежал за сохатым, гнался, гнался. Так и пропал. Это хозяин лося был — *Лебиэн-погиль*⁵⁶.

У юкагиров существовало представление, что все живое имеет своего духа-хозяина. Особым почитанием пользовались духи-хозяева рек (*ориенпогиль*). Во время весеннего половодья и осенью, когда по реке шла шуга, юкагиры дарили ему бисер и просили: «Матушка-река, неси нас хорошо»⁵⁷.

⁵⁵ По сообщениям П. А. Долганова (70 лет), А. И. Шалугина (47 лет).

⁵⁶ Записано со слов Якимчук-Солнцева в августе 1959 г. в пос. Балыгычан.

⁵⁷ Записано со слов Е. А. Турпановой (юкагирка, 50 лет); запись сделана по-якутски в пос. Нелемное.

Верхнеколымские юкагиры почитали не только лосей, но в разной степени все объекты промысла. Черепа, трубчатые кости и копыта диких оленей перед откочевкой на новое стойбище они собирали и засыпали землей. Черепа уток и зайцев также оберегали от осквернения. Следили, чтобы они не попадали под ноги, не давали их собакам. Обычно черепа уток и зайцев бросали в огонь или топили в воде.

Охотились верхнеколымские юкагиры и на медведя. В том месте, где медведя убивали, разводили костер и свеживали тушу. Пили свежую медвежью кровь, первому давали вкусить самому молодому охотнику⁵⁸. Нос и когти медведя охотник отрубал и хранил как амулет, который должен был обеспечить ему дальнейшую удачу в промысле.

Тушу убитого медведя не вносили в жилище, считая, что в доме не может быть так чисто, как это нужно, чтобы не осквернить духа медведя. При разделке туши голову не отделяли от пищевода, сердца и легких. Мясо медведя ели только мужчины. Череп и нижнюю челюсть связывали прутьями так, чтобы не было видно зубов, и помещали на вершукке трех связанных между собой тальников в рост человека⁵⁹.

Жертвенными животными, по данным юкагирского фольклора, были собаки. Наши информаторы-старики помнили, что хороших охотничьих и ездовых собак после смерти выносили в тайгу и вешали на дерево. При этом на шею собаки привязывали красный лоскут. Делали это для того, чтобы не заболел кто-нибудь из членов семьи. Обрабатывать собачью шкуру считалось греховным⁶⁰.

Некоторые представления верхнеколымских юкагиров очень близки к эвенским. Добыча огненно-красной белки считалась хорошим предзнаменованием. Шкуру-амулет *талан* хранили. Если удавалось убить и белого оленя (редкий случай), то подшейный волос также сохраняли, полагая, что это обеспечит дальнейшую удачу в промысле.

⁵⁸ Сообщение П. А. Долганова (70 лет).

⁵⁹ Сообщение Е. А. Турпановой (юкагирка, 50 лет), пос. Нелемное.

⁶⁰ Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Горкодопу. Сиб., 1898, с. 9.

Находка в гнезде куропатки трех десятков яиц считалась предвестником промыслового счастья. Яйца хранили⁶¹.

Среди юкагиров было распространено гадание по оленьей лопатке. Ее нагревали и по направлению трещин определяли результат. Гадали также по лопатке и челюсти зайца. Косточки зажимали в расщепе и держали над огнем до появления трещин. Так определяли, удачной ли будет охота или кочевка. Если результаты гадания предсказывали неудачу, выезд откладывали хотя бы ненадолго⁶².

При возвращении с кочевки на последней стоянке старухи проделывали очистительный, или благодарственный, обряд. Между двумя деревьями натягивали веревку, в которую вплетали лоскуты цветной материи, бисерные нитки и под которой проходили все члены семьи. Этот обычай рассматривался нашими информаторами как юкагирский. Однако наименование веревки эвенское — *дальберэ*⁶³.

Охотничьи запреты для женщин, записанные у верхнеколымских юкагиров В. И. Иохельсоном, были хорошо известны старшему поколению. Женщинам запрещалось смотреть в глаза убитых диких оленей и лосей, перешагивать через их кровь, свежие шкуры и орудия промысла, класть на промысловые орудия или на одежду мужа свою одежду, топтать перья птиц.

Когда муж или брат уходили на охоту или рыбалку, женщины не должны были петь. Запрещалось петь и тогда, когда шивали камусы для лыж. В подтверждение этих запретов девочкам рассказывали разные случаи. Приведем предание, записанное со слов М. Г. Лихачевой, юкагирки 57 лет:

Однажды сестра шила брату камусы для лыж и пела. Мать предупредила ее, что петь нельзя, но девушка не послушалась. Брат же об этом ничего не знал.

Собрался брат на охоту, взял лыжи, увидев оленей, он хотел в них выстрелить и вдруг услышал песню. Она слышалась из лыж; олени, услышав песню, разбежались. Долго гнался он за оленями и вторично увидел их и опять повторилось то же, что и в первый раз. Олени снова слышали песню и разбежались. Вернулся брат

⁶¹ Сообщение Якимчук-Солищевой, пос. Балыгычан.

⁶² Сообщение И. П. Тайшина (якут, 75 лет), пос. Нелемное.

⁶³ Сообщение Н. М. Лихачевой (юкагирка, 48 лет) и Е. А. Турпацовой (юкагирка, 80 лет), пос. Нелемное.

домой и рассказал, что с ним случилось. Тогда мать сказала, что она знает причину. Девушку побили. С тех пор, говорят люди, песни не поют, когда делают лыжи.

В другом варианте этой легенды рассказывается, что в то время, когда парень начинал целиться, лыжи трещали. Вернувшись домой, он сорвал с лыж камусы и обнаружил под ними волосы сестры. Оказывается, девушка, когда шила, пела и не закрыла волосы.

Оскверненные, по мнению охотников, ружья окуривали дымом от оленьего волоса или пучков травы. Наиболее верным средством очищения считалось окуривание дымом от щепок дерева, разбитого молнией. Обряд очищения орудий промысла производился и в случае смерти кого-либо из родственников.

Материалы, собранные экспедицией 1959 г., по верованиям и фольклору верхнеколымских юкагиров невелики.

Из расспросов стариков выяснилось, что они слышали рассказы о могучих шаманах, о том, что из тела умершего шамана изготавливали защитные амулеты, использовавшиеся для гадания. Наши информаторы, среди них не было шаманов, не могли ответить на вопросы, чем костюм и бубен юкагирского шамана отличался от эвенского, в какие миры путешествовал шаман во время камлания. Ничего не удалось узнать об идолах, изображениях духов.

Изучение фольклорного репертуара показало, что среди верхнеколымских юкагиров бытовали сказки о хитром зайце, лосе, рассказы о шаманах, героях-охотниках, известны песни-импровизации. Нам удалось записать сказку о восьминогом лосе-гиганте и преследовавшем его богатыре. Со времени В. И. Иохельсона сказки о богатырях и гигантских лосях изменились, модернизировались. Сказочный гигант превратился в удалого ламута.

Наш охотник сидел утром, чай кипятил. Вдруг видит, бежит восьминогий лось, а за ним большой человек. Догнал, убил, освежевал. Наш спрашивает: «Ты откуда?» Охотник-богатырь говорит: «От Магадава преследую. Лося дух послал, чтобы места посмотреть, а я за ним побежал, чтобы мясо добыть». «Ну, садись чай пить», — сказал наш охотник, но богатырь ответил: «Э, некогда. Снег в твоём котле пока растает, добегу обратно». Оставил часть мяса пашему и исчез. Такой удалый ламут!⁶⁴

⁶⁴ Сообщение Н. А. Шалугиной, пос. Нелемное.

Сказки и предания нередко излагаются на якутском языке. Так, дочь проводника В. И. Иохельсона Алексея Долганова — Евдокия Турпанова (по мужу) — говорила, что знает двенадцать сказок. Однако выяснилось, что это якутские сказки — «Куобах огонньор» («Заяц-старик»), «Сахыл эмээхсин» («Лисица-старуха»), «Чаарчахаан» (имя), «Быт-быт охгонньор» («Старик Быт-Быт») и др.

Среди юкагиров бытовали весьма схематичные предания о том, что в далеком прошлом им приходилось вести борьбу с нападавшими на них коряками.

Когда-то война была — коряки и юкагиры стрелялись из лука. Вот юкагирка-женщина с братом на охоту поехала. Когда брат ушел, чум окружили коряки. Вошли. Она их накормила. Коряки попросили их спрятать. Говорят ей: когда брат придет, надрежь его лук. Как будет он в нас стрелять, то лук сломается. А тебя возьмем, как жену. Вот хитрые!

Брат пришел. Покормила. Говорит ему: ложись спать. Коряки-то слушают. А сама показала, чтобы он тихо вышел из чума. Вдвоем надрезали их луки. Утром, как встало солнце, коряки решили убить ее брата. Уронили на него чум, но сестра и брат ожидали это и выскочили. Отошли по тропе коряков. Коряки начали стрелять да сломали свои луки. Тогда брат бросился на них и всех перебил топором. Один против четверых!⁶⁵

По словам юкагира А. П. Турпанова, ему приходилось слышать от стариков следующее:

В старину по Колыме, Ясачной и Поповке спускались на лодках воинственные коряки. Они уничтожали целые юкагирские стойбища. Нападали они ночью и разрушали (опрокидывали на спящих) юрты, после этого кололи людей копьями. Коряки грабили и увозили с собой девушек, женщин. Оставляли в живых только стариков, а молодых людей беспощадно убивали. Среди чавчыва (оленных коряков) есть, говорят, потомки пленных юкагиров.

Предание о том, что пареньские коряки нападали на коркодонских юкагиров и нелемские выступали им на помощь, довелось слышать в 1930-х гг. местному учителю П. И. Борису ⁶⁶.

Сохранились и воспоминания о рисуночном письме на бересте Шангар-Шорилэ. В настоящее время эти письмена исчезли. Они вытеснены обычным письмом на бумаге. Но по нашей просьбе старики без труда воспроизводили

⁶⁵ Предание записано со слов Якимчук-Солнцевой, пос. Балыгычан.

⁶⁶ Сообщение П. И. Борисова, Северо-Эвенск, 1956 г.

пиктограммы в традиционном стиле (рис. 11) ⁶⁷. Первый рисунок — письмо интимного содержания. На нем две фигуры людей: одна побольше — мужчина, другая поменьше — девушка, их разделяет черта. От схематической фигуры девушки идут прерывистые линии — мысли, но они не доходят до фигуры мужчины, останавливаясь у черты. Суть пиктограммы, по словам рисовавшего: «мысли стремятся к тебе, да не встретились мы». Другие прочли эту пиктограмму так: «Новости для тебя есть, но мы не встретились». На втором рисунке изображено сообщение о кочевке. Возможно потому, что описываемые рисунки изображались не на бересте, а на бумаге и для показа, они более схематичны и небрежны, чем те, которые были опубликованы В. И. Иохельсоном и С. Шаргородским.

В настоящее время трудно сказать, как возникла у юкагиров эта своеобразная пиктографическая письменность, была ли она самобытным явлением, присущим древней юкагирской культуре, или это заимствование, подражание русской переписке. В пользу последнего предположения говорит то обстоятельство, что верхнеколымские юкагиры в XVII—XVIII вв. постоянно общались с казаками Верхнеколымской крепости. Отметим и то, что у соседей юкагиров пиктографическое письмо не имело сколько-нибудь значительного распространения.

В целом традиционная культура верхнеколымских юкагиров, их примитивное хозяйство в конце XIX — начале XX в. в значительной мере утратили свои древние архаические особенности. Фактически все области культуры этой группы подверглись эвенскому, якутскому и русскому влиянию.

Традиционное хозяйство и культура тундровых юкагиров. Оленные нижнеколымские юкагиры зимние месяцы проводили в лесотундре и в «колымских камнях». Их стойбища располагались в местности Дулба на р. Чукочьей, около оз. Эмеахсын-кель и на р. Колыме в местности Колжабей. Основным занятием мужчин зимой была охота на диких оленей. Известное внимание уделялось

⁶⁷ Юкагирские письма опубликованы В. И. Иохельсоном. См. Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону, с. 287—290 и приложения III и IV, а также Шаргородский С. О юкагирских письменах. — «Землеведение», М., 1895, кн. II и III.

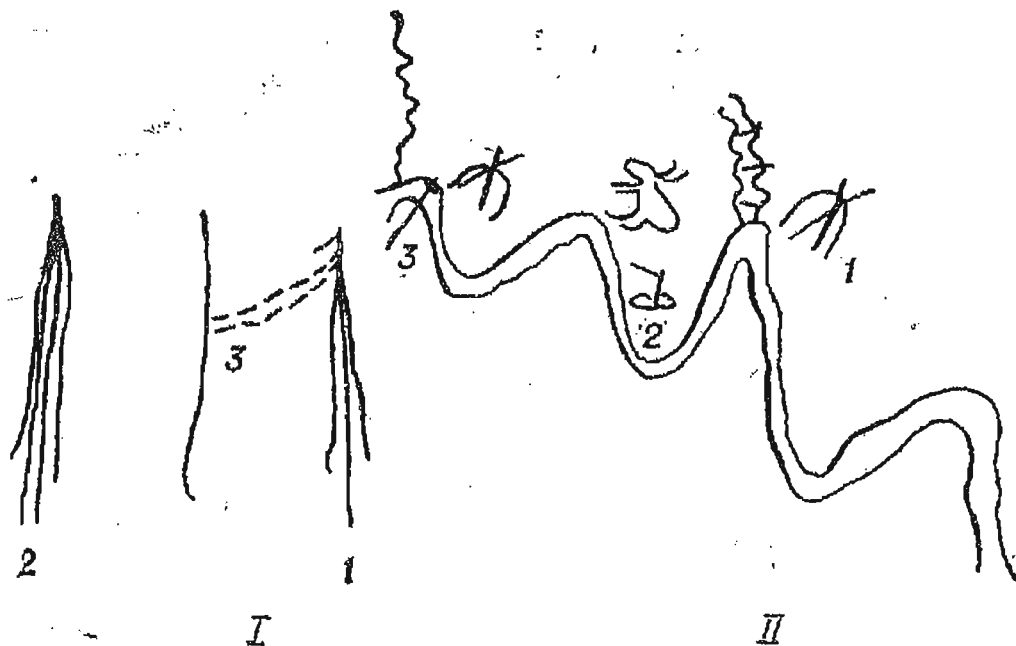

Рис. 11. Образцы юкагирской пиктографической письменности.

I — любовное письмо: 1 — фигура женщины, 2 — фигура мужчины, 3 — препятствие; II — письмо-карта: 1 — изображение чума (здесь ночевали), 2 — фигуры охотника и лоса (добыли лоса), 3 — здесь будем ночевать.

добыче песка. Для этого иногда использовались пасти-ловушки. Ранней осенью песка травили собаками. Куропаток и зайцев около стойбищ ловили петлями. Перекочевки зимой производились редко, 2—3 раза за сезон.

В декабре—январе в юкагирских стойбищах появлялись якутские скупщики пушнины, доставлявшие сюда свои товары — охотничьи припасы, конский волос и т. д. Зимой обычно в Дулбе устраивались и собрания каждого рода. Староста-князец, избравшийся на три года, собирал ясак, разбирал жалобы и споры. В марте юкагиры, как и эвены, откочевывали в лесотундру. В апреле в укрытых от ветра местах ожидали, пока отелятся важенки. В мае, когда стада диких оленей из лесотундры начинали переходить в открытую тундру, юкагиры передвигались к озерам Большое и Малое Олер и в бассейн низовий Алазеи. Весна была одним из главных сезонов добычи диких оленей. На лето юкагиры объединялись в группы и сообща выпасали своих оленей.

Старики, женщины и дети на летний сезон оседали около озер и рыбачили. Часть молодежи выпасала домашних оленей, а часть продолжала добычу диких оленей.

В летнее время охотники передвигались верхом на оленях, а вещи перевозили вьюком. В конце июля подкочевывали к морю.

Страдной порой у тундровых юкагиров и эвенов считалась осень. В период миграции диких оленей из тундры в тайгу запасали оленье мясо (часть его вялили, часть складывали в ямы) и шкуры. В конце осени усердно рыбачили, улов замораживали. Подсобным занятием летом и ранней осенью была охота на линных гусей и уток⁶⁸, добыча шкурок песцовых щенят (их ловили, разрывая норы), розыск мамонтовых бивней, сбор ягод⁶⁹.

Оленеводство юкагиров имело транспортное направление. Обычно на хозяйство приходилось от 2—3 до 10—20 оленей. Богатые семьи имели по 100—150 голов. Большим стадом оленей, около 1000 голов, владел в начале XX в. лишь юкагир Николай Курилов. Он разбогател, собрав чукотских оленей, владельцы которых погибли от эпидемии оспы⁷⁰. В большинстве юкагирских хозяйств содержались также 2—3 охотничьи собаки.

Основой существования как тундровых юкагиров, так и эвенов была охота на диких оленей.

Широкое распространение имела и массовая загонная охота на оленей со специально обученными собаками. Стадо диких оленей люди и собаки загоняли в озеро. Когда стадо оказывалось в воде, то собак спускали с привязи с противоположного берега озера и они мешали оленям выбраться на сушу. Охотники в челноках закалывали копьями загнанных в озеро оленей. Однако одного или двух оленей обязательно выпускали. Убитых оленей подтаскивали к берегу, где их свеживали.

Если замечали, что группа оленей забрела на узкий мыс, вдававшийся в озеро, то навстречу оленям с противоположной стороны подбирался охотник, а члены стой-

⁶⁸ Подробное описание охоты на линного гуся и других хозяйственных операций тундровых юкагиров см.: Крейнович Е. А. Из жизни тундровых юкагиров на рубеже XIX и XX вв. — В кн.: Страны и народы Востока, вып. XIII. М., 1972, с. 80—82.

⁶⁹ Сообщения И. Е. Курилова (юкагир, 89 лет), Г. Н. Третьякова (эвен, 53 лет), И. К. Курилова (юкагир, 53 лет), Н. М. Брагина (эвен, 59 лет), Н. И. Лаптева (юкагир, 54 лет), М. И. Лаптевой (юкагирка, 55 лет), Н. Е. Третьякова (эвен, 44 лет), Н. Т. Трифонова (56 лет) и др.

⁷⁰ Сообщения И. Е. Курилова.

бища — женщины, дети — перекрывали мыс, спугивали оленей и гнали их в воду под его выстрелы.

Сами тундровые юкагиры, наши информаторы, рассматривали своих предков как природных охотников на дикого оленя и рыболовов⁷¹. Такой же взгляд на прошлое юкагиров существует у сблизившихся с юкагирами колымских тундровых эвенов. Юкагирам народная традиция приписывает тундровые загошныи способы охоты на дикого оленя.

По словам стариков, в августе—сентябре с наступлением темных ночей, когда дикие олени держатся кучно, юкагиры сооружали около больших озер из кочек и земли пугала в виде небольших пирамид. Пугала располагали в две линии, образовывавшие коридор, обрывавшийся около воды. Днем дикие олени, если и замечали эти сооружения, то не опасались их. Обычно под утро охотники вспугивали стадо диких оленей и гнали его к коридору с пугалами. В тумане, в полутьме олени принимали пугала за реальную преграду и бросались в озеро. Навстречу животным выплывали охотники в челноках и кололи их копьями. Характерно, что такой способ охоты широко применялся таймырскими нганасанами⁷².

О специфике юкагирских загошныи способов охоты свидетельствует то обстоятельство, что эвены в отличие от юкагиров обычно не применяли на охоте собак. Эвены-оленоводы Нижней Колымы считали греховным держать собак в хозяйстве и полагали, что охотник, имеющий собак, лишится своих оленей⁷³.

Тундровые юкагиры принимали участие и в поколках диких оленей при переправах их через реки. В местах ежегодных переправ оленей охотники заблаговременно поселялись и неделями ожидали их подхода. На речных переправах тундровые юкагиры охотились совместно с оседлыми юкагирами и русскими старожилками. Колымская традиция приписывает охоту на переправах оседлому населению.

Широкое распространение имели среди юкагиров и их соседей, тундровых эвенов, способы охоты на диких оленей с олепем-манщиком. В качестве манщика подбирался

⁷¹ Сообщения И. Е. Курилова, Г. Н. Третьякова.

⁷² Попов А. А. Нганасаны. М.—Л., 1948, с. 31—34.

⁷³ Сообщение А. С. Третьякова (эвен, 69 лет) и др.

олень, похожий по масти на дикого с широкими ветвистыми рогами. У такого оленя рога не спиливали. На шею манцику привязывали один конец тонкосплетенного аркана с роговой или костяной зубчатой скобкой. Поддерживая за аркан (считалось, что он должен иметь не менее 20 сажен в длину), оленя подгоняли с подветренной стороны к стаду диких. Манцика обучали не наступать на аркан, ложиться и вставать при рывке аркана, послушно поворачивать голову направо и налево, затем вновь спокойно пощипывать ягель. Охотник, чтобы не спугнуть диких оленей, надевал на себя дошку, похожую на шкуру своего манцика, пригибался, полз. Нередко юкагиры-охотники подбирались к стаду диких оленей с помощью не одного, а двух манциков — самца и самки. Охота с манциком, по словам наших информаторов, считалась наиболее эффективной поздней осенью, во время гона⁷⁴. Зимой манцика использовали как ездового оленя, по обыкновению припрягали в качестве пристяжного. Следует отметить, что бытовавшие у тундровых юкагиров способы охоты с помощью оленя-манцика типичны для огромного района тундры от Таймыра до Чукотки⁷⁵.

В общем приписываемые юкагирам приемы охоты на дикого оленя весьма архаичны.

Летом диких оленей иногда преследовали верхом на домашнем ездовом олене, а зимой на нартах. Для этого в нарту впрягали пару сильных оленей. Рассчитав движение диких (они, заметив погоню, обычно бегут по кругу), охотник ехал наперерез, сближался с ними и открывал стрельбу, стараясь поразить вожака.

Преследование диких оленей верхом или на нартах рассматривается нижнеколымским населением как эвенские способы охоты. Видимо, эти способы менее добычливые, но более азартные были принесены в колымскую тундру сравнительно недавно и получили распространение в связи с увеличением во второй половине XIX в. численности домашних оленей в руках эвенов и юкагиров. Однако сохранилось юкагирское название охоты на нартах — *пирид'иэл*⁷⁶.

⁷⁴ Записано со слов Г. Н. Третьякова, И. В. Лебедева и др.

⁷⁵ См. Попов А. А. Нганасаны, с. 30.

⁷⁶ Крейнович Е. А. Из жизни тундровых юкагиров..., с. 91.

Обычно на промысел зимой шли на лыжах, подбитых камусом, и подкрадывались к диким оленям с подветренной стороны. На оленьих тропах неподалеку от стойбища настораживали самострел.

В лесотундре зимой оленные юкагиры охотились и на лосей. Их преследовали на лыжах. Для того, чтобы незаметно подобраться поближе к лосю, охотники надевали одежду, сшитую из белых оленьих шкур.

Промысловые поездки на север в тундру и обратно осуществлялись с помощью домашних оленей. В юкагирских и эвенских оленеводческих бригадах в 1950-х гг. применялись нарты чукотской конструкции. Легкие дугокопильные нарты (*анибэ*) из березы использовались пастухами, выезжавшими на дежурство в стадо, и охотниками; грузовые массивные нарты применялись для перевозок покрышек к чуму, постелей; нарты с кошевой — для перевозки утвари, посуды; короткие однокопильные нарты — для перевозки жердей от чума.

Однако, по словам наших информаторов, 20—30 лет назад тундровые юкагиры преимущественно использовали дугокопильную нарту, по конструкции креплений передка и форме отличавшуюся от чукотской.

Нарту *анибэ* нам пришлось видеть лишь в двух стойбищах. Обе пары полозьев и нащепов в юкагирской нарте соединены в передке специальной дугой, обращенной к седоку, что придает нарте особую прочность, в отличие от чукотской, где правые и левые полозья соединены только копыльями. Дуги от полозьев в юкагирской нарте круто загнуты вверх, в чукотской они лишь соединяют полозья с нащепами. В юкагирскую нарту, более примитивную и грубую по устройству, чем чукотская, впрягали только одного оленя⁷⁷. Чукотская легковая нарта, по-видимому, является дальнейшим усовершенствованием нарты юкагирского образца. То же следует сказать об юкагирской упряжи. Юкагиры употребляли простой недоузок из ременной петли без костяных и железных скоб. Упряжь состояла из мягких лямок, соединенных петлей с ремennым тяжем. По словам наших информаторов, тяж в юкагирской упряжи в прошлом был длиннее, чем в чу-

⁷⁷ В конце XIX в. юкагирская нарта, по свидетельству В. И. Иохельсона, широко бытовала в Нижнеколымской тундре. Ездили на ней сидя верхом.

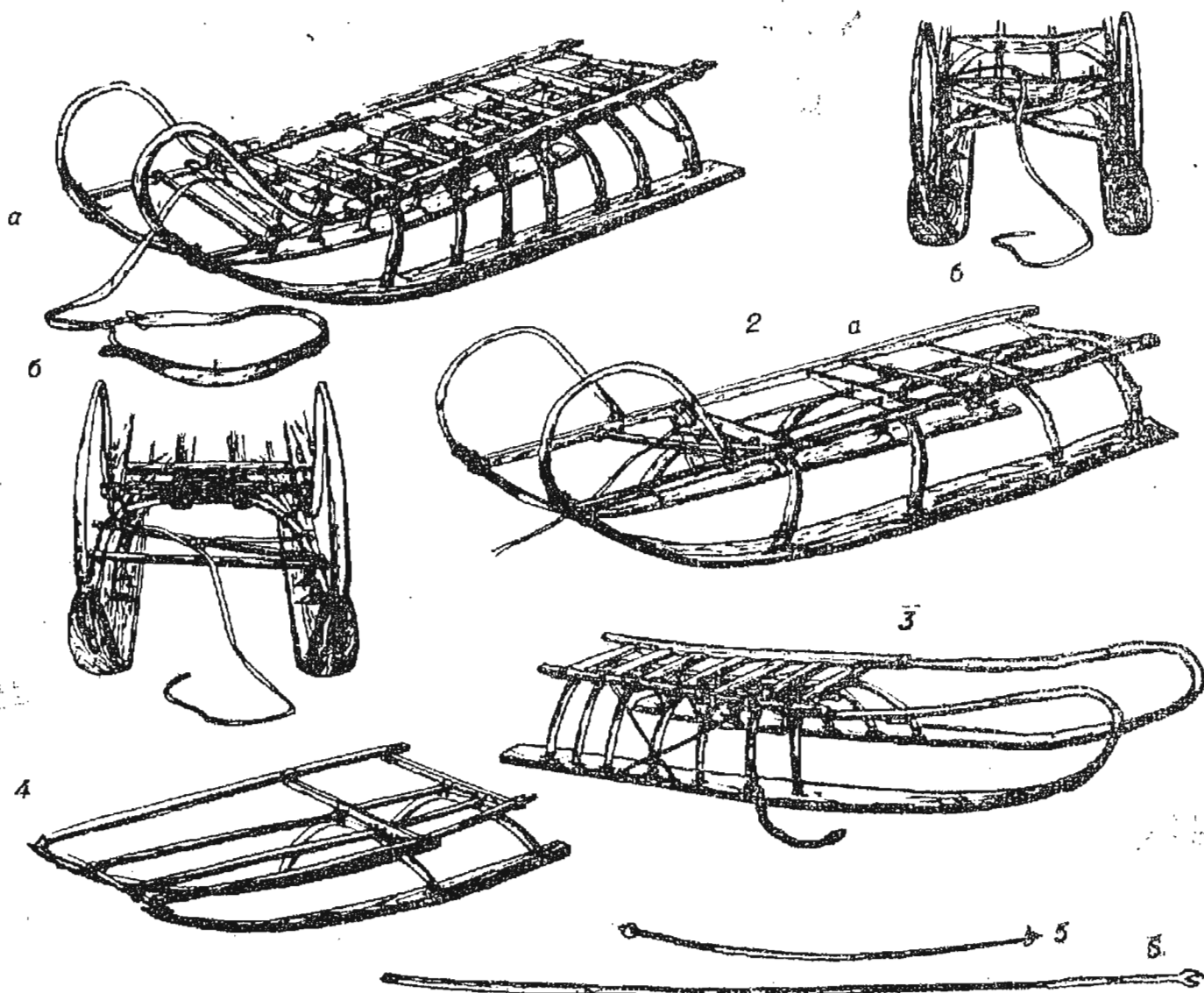

Рис. 12. Нарты. Нижнеколымский р-н.

1 — юкагирская нарта: а — вид сбоку, б — вид спереди; 2 — чукотская нарта: а — вид сбоку, б — вид спереди; 3 — чукотская легковая нарта; 4 — нарта для перевозок жердей от чума; 5 — чукотский прут с костяным клювом на конце для понукания оленей; 6 — юкагирский шест для понукания оленей.

котской. Погоньчем служил не прут с роговым клювом, а шест типа хорея, оканчивавшийся развилкой с тупыми концами или роговым кольцом.

Юкагиры, наши информаторы, рассказывали, что хозяйство их предков характеризовалось упряжным санным оленеводством. При этом они указывали, что чукчи называют юкагиров «нартыными людьми».

Все это свидетельствует, нам думается, в пользу того, что предки чукчей заимствовали у предков современных юкагиров и оленеводство, и оленью нарту. Характерно, что тундровые эвены, по их собственным воспоминаниям,

в прошлом использовали только верховых оленей и не ездили на нартах.

В летнее время юкагиры, как уже отмечалось, передвигались верхом на оленях. Для этого применяли седла эвенского типа с одной подпругой. Остов леткового седла состоял из двух роговых скобок-луков, соединенных полками-дощечками. Для упругости над полками между луками укрепляли две планки. Длина седла 50—60 см, ширина подушки 20—25 см. Выючные седла имели высокие деревянные луки без каких-либо украшений. Каждая полка обшивалась шкурой оленя мехом внутрь. Подушки нарядных праздничных женских седел расшивали спереди бисером. Седло покрывали ковриком из головных шкурок оленя. Поверх мужского седла наглухо нашивали коврик или шкуру оленя⁷⁸. Выючные сумы шили из камусов дикого оленя.

При зимних и весенних перекочевках юкагиры, как и их соседи эвены, передвигались не только на нартах, но и на лыжах. На охоте применялись лыжи, подбитые камусом или сохатиной шкурой (*мо'йэдин*), чтобы бесшумно подбираться к зверю. Для обычных случаев использовались голицы (*кайсар*). Ступательные лыжи-ракетки применялись для ходьбы по мокрому глубокому снегу. Эти лыжи, видимо, были заимствованы у чукчей.

Рыболовство имело важное, но все же подсобное значение. В способах добычи рыбы нижнеколымских юкагиров не обнаруживается каких-либо специфических особенностей. Рыболовные снасти — волосяные и нитяные сети — юкагиры приобретали у якутов. На хозяйство обычно приходилось 2—3 сети. У якутов покупали также морды из тальниковых прутьев, лодки-ветки. В прошлом лодки юкагиры изготовляли сами из плавниковых бревен⁷⁹. Нижнеколымские юкагиры и эвены ловили рыбу при помощи удочек с железным крючком, изготовленным из гвоздя, с красным лоскутом; применяли для ловли рыбы и переметы с костяными спицами. В мелких озерах с прозрачной водой летом лучили рыбу. Неводы, по словам наших информаторов, появились в тундре недавно. Большая часть выловленной рыбы употреблялась в пищу

⁷⁸ Описание эвенско-юкагирских седел см. Ischelson W. The Yukaghir, pt. III, p. 356.

⁷⁹ Крейнович Е. А. Из жизни тундровых юкагиров..., с. 86.

в вареном виде. Частично улов использовался на заготовку юколы. Осенний улов складывали в ямы, здесь рыба квасилась. Поздней осенью рыбу замораживали.

Однако основным продуктом питания тундровых юкагиров было мясо. Значительную часть мяса, добытого летом и осенью, они вялили. Для этого мясо разрезали на полосы и сушили на солнце. Затем вяленое мясо, *эхалэнэ* (юк.), *хорча* (эв.), дробили на мелкие кусочки и пересыпали в сумы. Зимой это мясо смешивали с кусочками кишечного жира оленей и варили. В случае отсутствия оленьего жира мясо смешивали с рыбьим жиром. В сыром виде употребляли костный мозг, печень, хрящи. Оленьи кости измельчали каменным молотом и вываривали жир. Осенью часть мяса диких оленей складывали в ямы, а зимой перекладывали в ледники из плит льда. Мясо с душком называли *дидиго улды* (эв.). Зимой мясо замораживали. Подобно русским старожилам юкагиры, когда убивали много диких гусей, тушки потрошили, освобождали от костей, разрезали и набивали ими одну тушку гуся через разрез в брюшке. Затем этот разрез «застегивали» лучиной. Таких гусей хранили в ямах в вечной мерзлоте⁸⁰.

В 1950-е гг. нижнеколымские тундровые юкагиры и эвены-оленеводы жили в коническо-цилиндрических чумах типа *чуора-дю*, называемых также *унэн* (эв.) и *нимэ* (юк.). Опорой для остова чума служили три или четыре массивные жерди (длиной 3,4—4 м) *ним'дайн* (юк.), *халкымча* (эв.), соединенные в вершине штыревым способом или ременным кольцом. Остов состоял из вертикально поставленных по кругу жердей — *чуора* (эв.), *цевтынг* (юк.) (1,2—1,5 м), скрепленных поперечными жердями в виде обвязки. От обвязки к вершине опоры отходили длинные жерди (2—2,3 м), представлявшие собой коническую обрешетку крыши чума. Виденные нами чумы на р. Чукочьей и около Олерских озер имели в диаметре 5—8 м. Ориентированы они были на восток. Зимой чум крыли сначала ровдужными покрывками, затем покрывками, сшитыми из хорошо выделанных оленьих шкур с подстриженной шерстью, мехом наружу. На пошив покрывки расходовалось до 40 шкур.

⁸⁰ И. И. Трофимова (40 лет), пос. Ойстунг; Е. И. Курилов, пос. Андрюшкыно.

Покрышки чума состояли из двух половин — верхней и нижней. На остовах покрышки закреплялись ремнями. Кроме того, их придавливали сверху жердями. Полы покрышек заваливали снегом. Во время сильных морозов к чуму пристраивали тамбур из шкур с дверью. При перекочевках с собой везли все жерди остова⁸¹.

В начале лета часть жердей остова и зимние покрышки оставляли на каком-нибудь стойбище. Летний чум с двумя выходами крыли только ровдужными покрышками. Нижнеколымские юкагиры и эвены вспоминали, что в прошлом на летовках они использовали облегченную конструкцию чума, называемую *бои* (так по-эвенски именуется верхняя покрышка чума). Это жилище нам пришлось видеть лишь в низовьях Индигирки у тундровых эвенов⁸². Возможно, оно в прошлом было вариантом летнего юкагирского чума. Е. А. Крейновичем выявлена для этого вида чума особая юкагирская терминология⁸³.

Из расспросов нижнеколымских тундровых юкагиров выяснилось, что своим древним жилищем они считают не коническо-цилиндрический, а конический чум с опорой остова из четырех жердей, соединенных попарно штыревым способом. Сообщения о том, что у юкагиров было коническое жилище, не лишено основания, так как ареал распространения стационарных конических жилищ, обложенных дерном или крытых корой, с остовом из четырех жердей охватывает районы расселения нижнеколымских, аллаиховских и верхнеколымских юкагиров.

Коническо-цилиндрический чум с опорой, состоявшей из четырех жердей, в 1950-е гг. еще бытовал в низовьях Индигирки. В связи с этим интересно отметить, что эве-

⁸¹ Об устройстве эвенского чума см. Иохельсон В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействия различных племенных элементов. — «Живая старина», СПб., 1900, вып. 1—2; Iochelson W. The Yukaghir, pt. III, p. 345—346; Василевич М. Г. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 326; Гурвич И. С. Эвены Камчатской области. Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера. — «Труды ИЭ, новая серия», М., 1960, т. 56, с. 71; Историко-этнографический атлас Сибири. Л., 1960, с. 134, 196; Крейнович Е. А. Из жизни тундровых юкагиров..., с. 69—72.

⁸² Гурвич И. С. Летний чум аллаиховских эвенов и варта-волокуша. — КСИЭ, М., 1963, вып. 38, с. 90—93.

⁸³ Крейнович Е. А. Из жизни тундровых юкагиров..., с. 83.

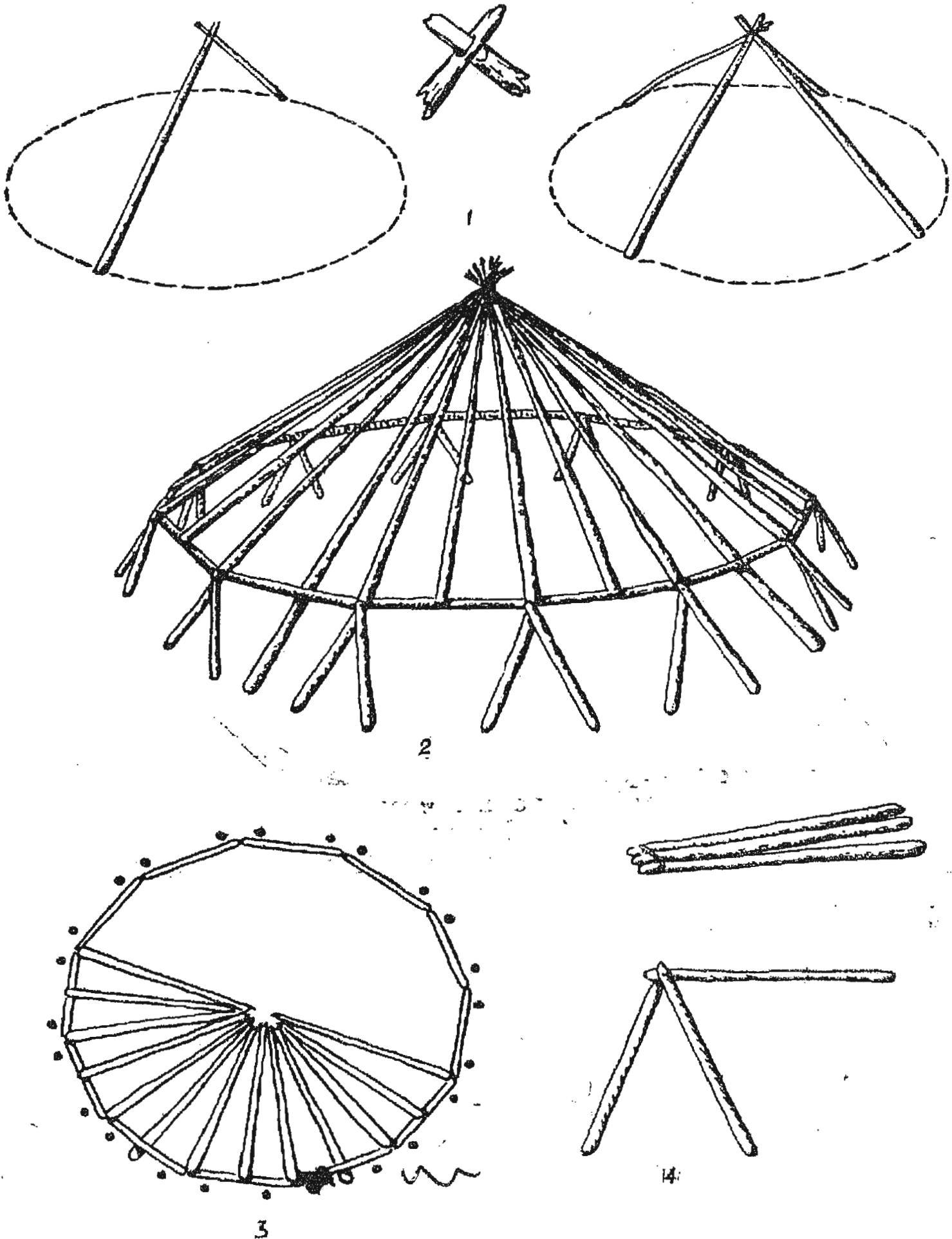

Рис. 13. Остов юкагирско-эвенского чума (Нижнеколымский р-п).
 1 — способ крепления остова чума; 2 — остов чума; 3 — план; 4 — способ крепления боковых жердей остова.

ны, согласно традиции, оставляют обычно на могиле три короткие жерди от стенок чума *чуора*, тогда как юкагиры в некоторых семьях ставили и ставят сейчас над могилами четыре большие жерди, символизирующие опору остова чума.

Все это позволяет утверждать, что в прошлом для индигирско-колымских тундровых юкагиров был характерен особый тип конического чума с основой из четырех жердей со ~~интервальной~~ соединением.

Одежда тундровых юкагиров, как показал в свое время В. И. Иохельсон, совпадает с эвенской и по набору вещей, и по покрою. Она состояла из нижней шубы (кафтана) без украшений, мехом внутрь, верхней шубы (кафтана) мехом наружу, расширенной на спине треугольными клиньями, нагрудника, расшитого бисером и подшейным оленьим волосом, надевавшегося под шубу, штанов мехом к телу, рукавиц, чепчиковобразной шапки, меховых чулок и камусных унтов. Мужская и женская одежда имела единый покрой, но различалась по отделке, украшениям. В 1950-е гг. в тундре женская традиционная зимняя одежда широко использовалась. По словам некоторых наших информаторов, в прошлом эвенские и юкагирские женские шубы различались тем, что первые расклеивались треугольным клином, а вторые трапециевидным. Однако шуб с трапециевидным клином нам видеть не довелось. И едва ли эта второстепенная деталь может быть принята во внимание при реконструкции древней одежды юкагиров.

В то же время в женском юкагирском костюме в Нижнеколымском районе удалось обнаружить некоторые особенности, сближающие этот костюм с глухой палеоазиатской одеждой. Выяснилось, что под передник и шубу юкагирки в большие морозы надевали своеобразный комбинезон — штаны с нагрудником. Такой комбинезон шили, по свидетельству В. И. Иохельсона, детям⁸⁴. В настоящее время детям шьют комбинезоны чукотского типа.

Полы и подола женских шуб (кафтанов), шапки, как и нагрудники, богато расшивали бисером, подшейным оленьим волосом. Однако в орнаментальном искусстве тундровых юкагиров трудно обнаружить какие-либо специфические черты.

⁸⁴ Иохельсон В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, с. 190.

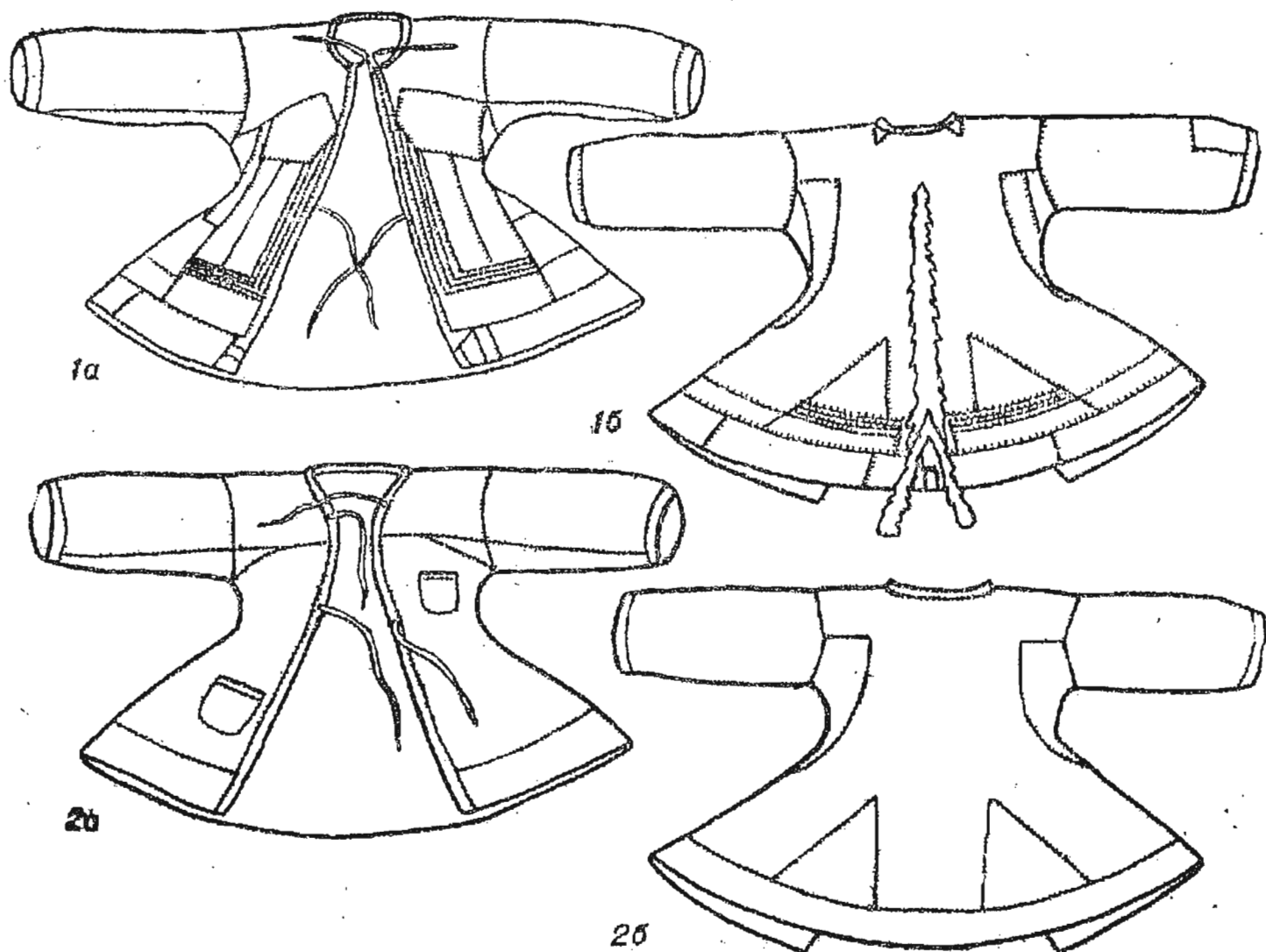

Рис. 14. Мужская юкагирская шуба (Нижнеколымский р-н).
Верхняя: 1а — вид спереди, 1б — вид сзади; нижняя: 2а — вид спереди,
2б — вид сзади.

Способ обработки шкур, применявшийся тундровыми юкагирами, близок к чукотскому. Шкуру сушили, затем мездру снимали каменным скребком из гальки (*аут*), после этого некоторые мастерицы размягчали шкуру и скребли железным скребком. Дубителем служил олений помет. Дубилась шкура обычно одни сутки. Затем дубитель счищали железным скребком, шкуру подсушивали и мяли каменным скребком. Красили мездру настоем тальника, после чего вновь скоблили каменным скребком.

Для того, чтобы сделать шкуру водонепроницаемой, ее коптили, подвешивая в чуме над очагом. Копчение продолжалось не менее двух недель⁸⁵.

⁸⁵ Сообщение А. Я. Слепцовой (эвенка, 49 лет).

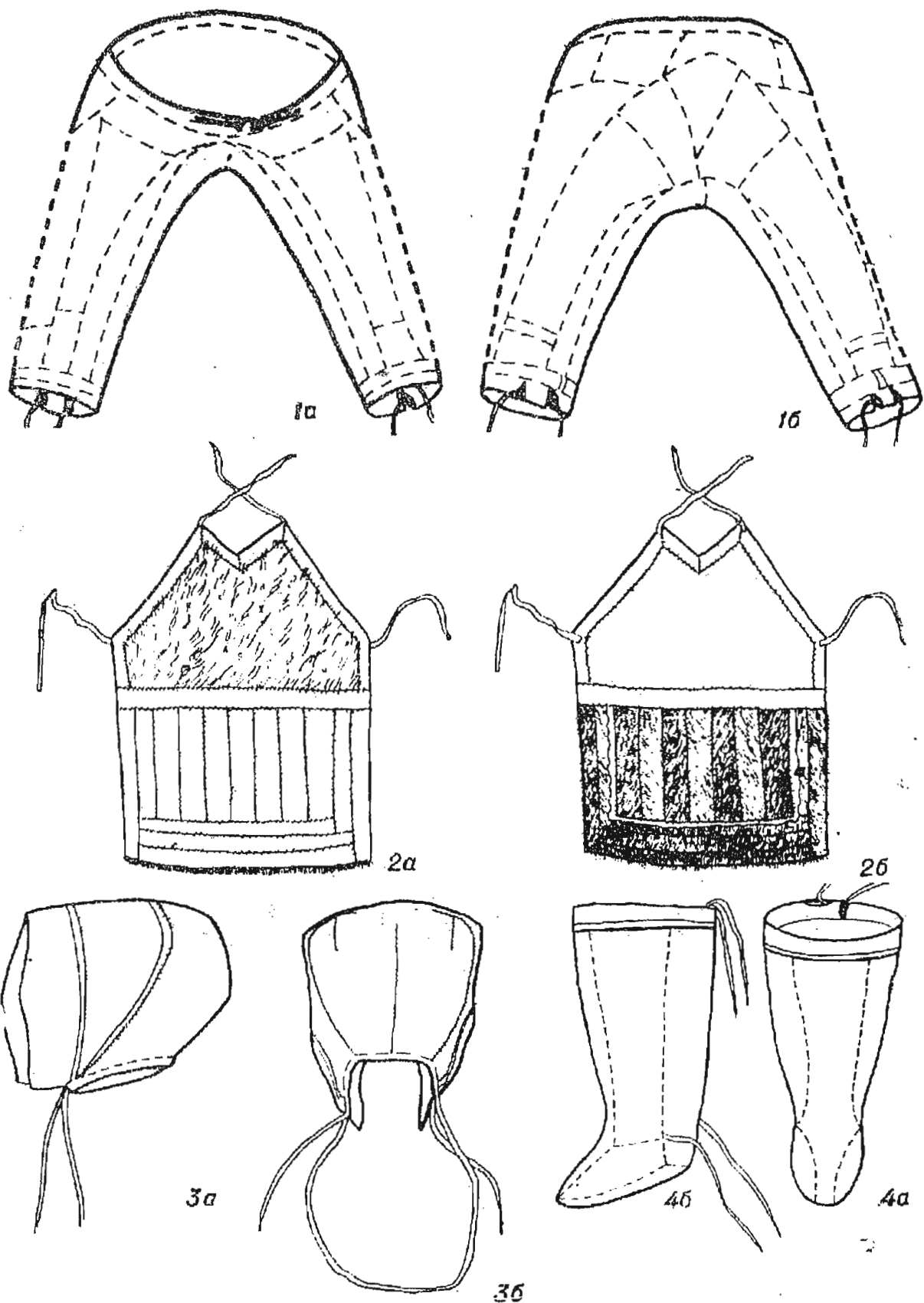

Рис. 15. Мужская юкагирская одежда (Нижнеколымский р-н).
 Штаны: 1а — вид спереди (раскрой), 1б — вид сзади (раскрой); передник: 2а — вид спереди (раскрой), 2б — вид сзади (раскрой); шапка: 3а — вид сбоку, 3б — вид сзади; торбаса: 4а — вид спереди (раскрой), 4б — вид сбоку (раскрой).

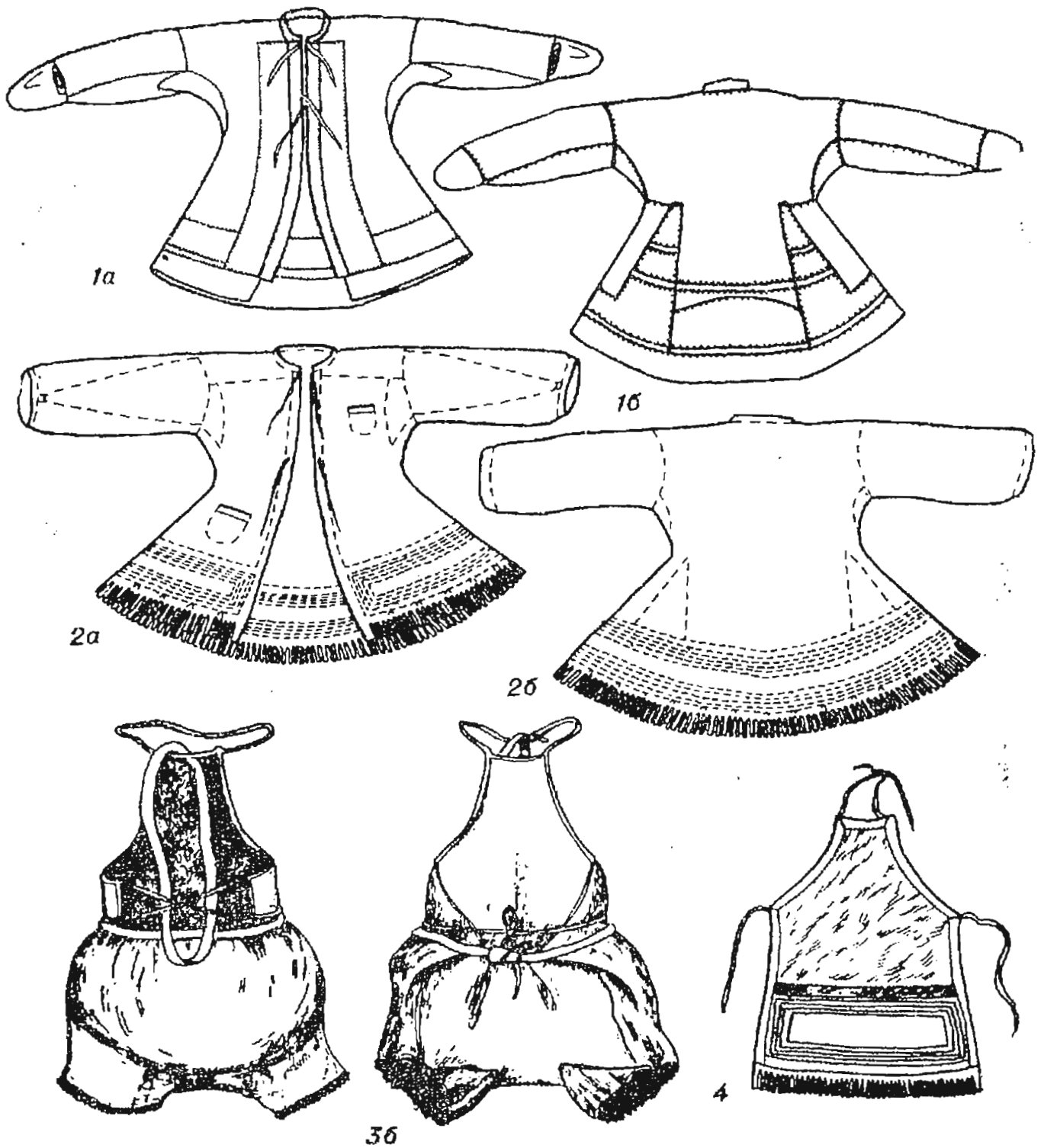

Рис. 16. Комплект якутской мехеной одежды (Нижнеколымский р-н).

Верхняя шуба: 1а — вид спереди, 1б — вид сзади; нижняя шуба: 2а — вид спереди, 2б — вид сзади; штаны: 3а — вид сзади, 3б — вид спереди; 4 — передник (штаны с нагрудником носили обычно девочки-подростки).

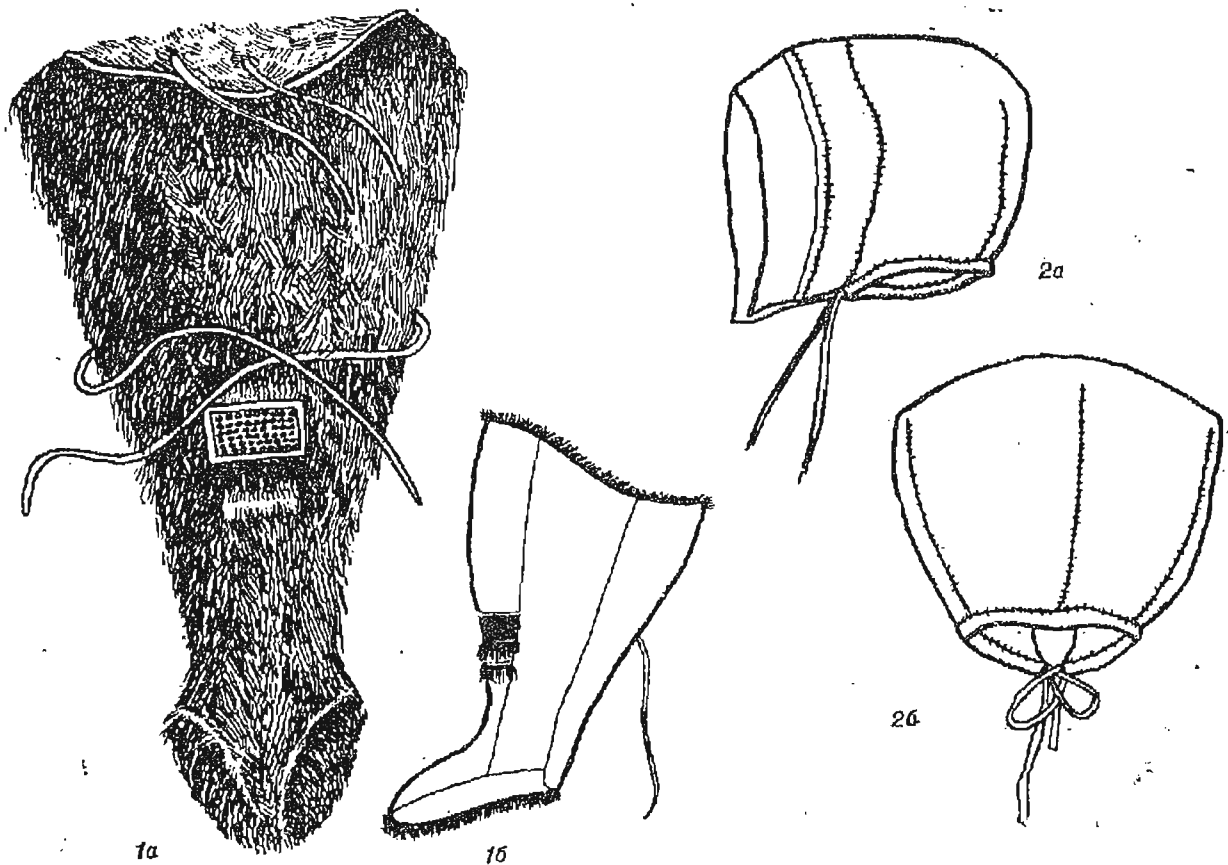

Рис. 17. Женская обувь и шапка (Нижнеколымский р-н).

Камусные унты: 1а — вид спереди, 1б — вид сбоку (раскрой); шапка: 2а — вид сбоку, 2б — вид сзади.

В духовной культуре тундровых юкагиров, особенно в свадебных обычаях, прослеживаются чукотские, эвенские и русские традиции.

По словам И. Е. Курилова, одного из старейших юкагиров из рода Алаа, женитьбе предшествовало сватовство:

Сначала родители жениха засылали свата, он узнавал, согласны ли родители невесты на брак, уговаривал их. Если он или родители жениха получали согласие, то жених отправлялся в чум невесты и работал у ее родителей до трех лет. В брак он имел право вступить после получения согласия родителей невесты, а они давали его после того, как он им понравится. Если женился богатый человек, то он платил калым и не работал за невесту.

Когда девушка подъезжала к дому жениха, ей завязывали глаза и кто-нибудь из родственников обводил ее парты или верхового оленя вокруг чума, по солнцу.

Жених с приданым невесты также объезжал чум по солнцу.

В доме жениха невеста здоровалась с родителями жениха, бросала в пламя жир, «кормила» огонь, просила считать своей, а затем со всеми принимала участие в угощении.

Отработка за жену в доме тестя рассматривалась В. И. Йохельсоном как пережиток юкагирского обычая

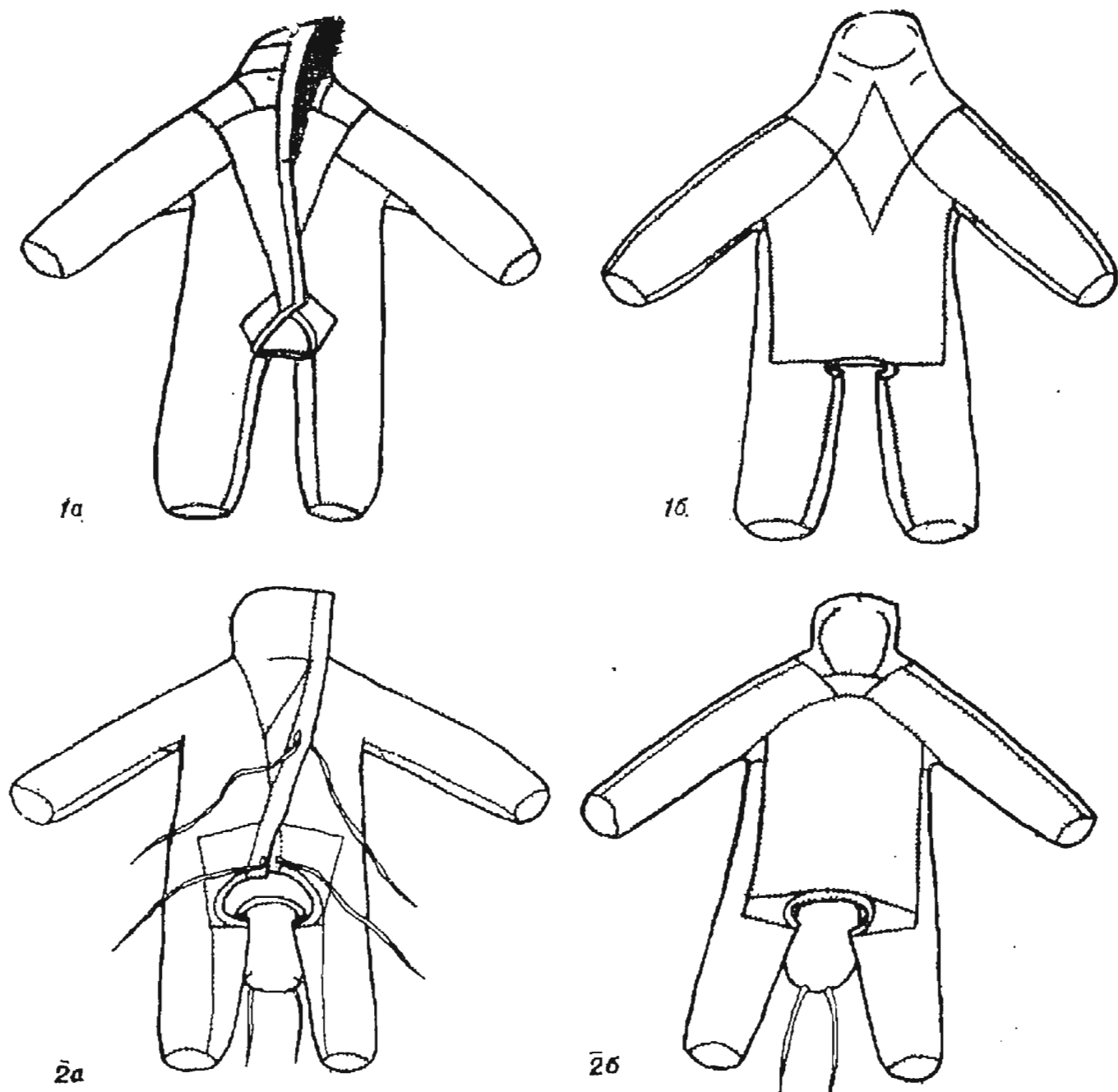

Рис. 18. Детский комбинезон (Нижнеколымский р-н).
Верхняя 1а — спереди, 1б — вид сзади; нижняя: 2а — вид спереди, 2б — вид сзади.

перехода жениха в группу невесты, к ее родне⁸⁶, т. е. пережиток матрилокального брака. Однако есть все основания видеть в этом влияние чукотских брачных норм. По-видимому, от русских через эвенков или якутов юкагирьы заимствовали обычай сватовства. Об этом вполне

⁸⁶ Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. I, с. 225.

Рис. 19. Юкагирка в верхней меховой одежде, орнаментированной кожей и мехом (Аллаиховский р-н).
а — спереди; б — сзади.

определенно свидетельствует записанный В. И. Иохельсоном текст сватовства у тундровых юкагиров⁸⁷.

У оленьих юкагиров, как и у эвенов, свадебное тор-

⁸⁷ Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, ч. I, с. 223—225.

Рис. 20. Юкагирки в юкагирско-эвенской летней одежде (Аллаховский р-н).

жество распадалось на две церемонии. Сначала свадебное угощение устраивалось в доме невесты, затем в доме жениха. Переезд невесты из отчего дома в дом мужа представлял собой особую церемонию. Все вещи невесты (лямки, парты, посох, даже нож и иглы) покрывали красной краской из настоя багульника. Лицо невесты после выезда из родного дома закрывали ровдужным покрывалом. Свадебный поезд объезжал, по словам наших информаторов, три раза родной чум и столько же раз чум родителей жениха. Невесту вводили в дом жениха и здесь свекровь снимала с ее лица покрывало. Угощение огня невестой рассматривалось как приобщение ее к очагу семьи мужа. За родителями невесты из дома жениха высылали особую парту. С их приездом начинался свадебный пир. Характерно, что свадьбу на диалекте тундровых юкагиrow называли *сарэл*, т. е. 'минька', 'потеря крыльев', что истол-

ковывается как потеря девушкой самостоятельности, подчинение мужу⁸⁸.

Среди тундровых юкагиров, как и у эвенов, заключались ранние браки. Иногда детей сватали, когда они еще находились в колыбели, и в дальнейшем им внушали, что они просватаны, но такие браки, по словам наших информаторов, часто не осуществлялись.

Хорошей невестой традиция считала девушку, умеющую быстро и аккуратно шить, вышивать, способную много работать; завидным женихом считался удачливый охотник, бегун, жадный до еды⁸⁹.

Добрачные связи девушек не осуждались традицией. Взрослой девушке ставили отдельный полог. Внебрачных детей записывали в род матери⁹⁰.

Собранные данные о родильных обрядах, обычаях по отношению к детям нижнеколымских юкагиров показывают, что эти обряды совпадают с эвенскими.

В отличие от эвенов, в среде нижнеколымских юкагиров строго соблюдались обычаи избегания. Они распространялись, как и у верхнеколымских, на свойственников (зять и теща, сноха и свекор), на родных, двоюродных и троюродных братьев и сестер. Эти категории родственников и свойственников избегали говорить друг с другом. В случае необходимости обращались в третьем лице и не смотрели друг на друга. Интересно отметить, что местная традиция объясняла этот обычай как правило, развивающее взаимное уважение, скромность и помогающее родичам лучше без слов понимать друг друга. Если сестра была моложе брата, то разговор начинал только ее брат. Если младшая сестра хотела что-нибудь передать старшему брату, то она это делала через родителей или его жену. Младшие братья и сестры не называли старших по имени. Напротив, невестка могла свободно общаться, шутить с младшими братьями и сестрами мужа; такими же правилами пользовался зять⁹¹.

⁸⁸ Сообщение С. Н. Курилова.

⁸⁹ Сообщение С. Н. Курилова, И. Н. Лаптева.

⁹⁰ Сообщение Д. Татаевой.

⁹¹ Об обычаях избегания и терминах родства см. Крейнович Е. А. Из жизни тундровых юкагиров, с. 60—61; Курилов Г. Н. О терминах родства и свойства тундровых юкагиров.—СЭ, 1969, № 2, с. 92—96.

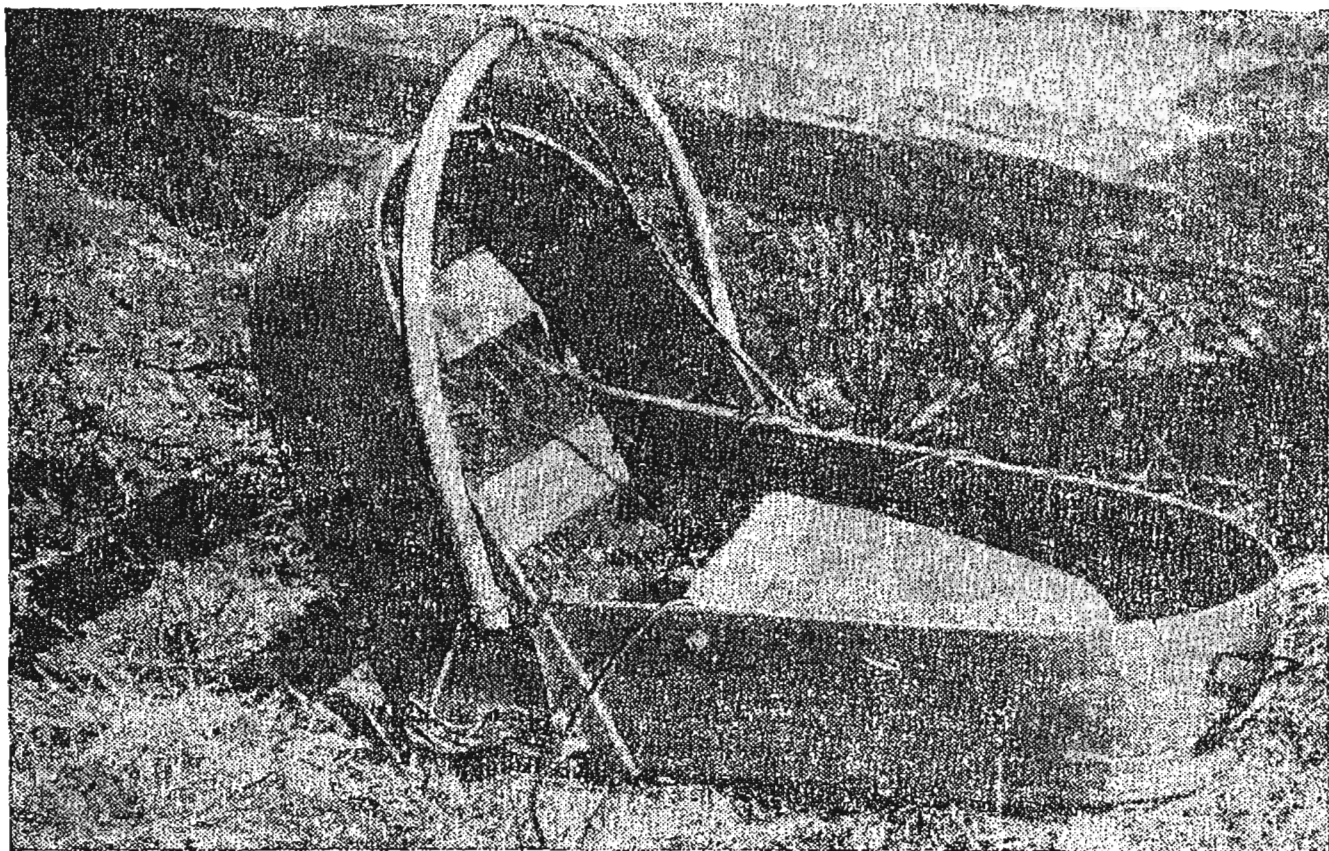

Рис. 21. Детская люлька (Нижеколымский р-н).

Как и эвены, нижеколымские юкагиры строго соблюдали обычай *нимат*. Тушу убитого оленя охотник дарил кому-нибудь из членов стойбища. Мясо распределялось между всеми семьями.

Некоторые самобытные архаические особенности сохранились в похоронном обряде тундровых юкагиров. В целом этот обряд осуществлялся по христианским правилам.

Пожилые люди, а в некоторых семьях и все взрослые примерно с 30 лет заранее готовили себе похоронную одежду. Эта одежда использовалась как праздничная. Ее бережно хранили и надевали в «божественные» дни, т. е. в дни церковных праздников. В отличие от обычной, похоронную шили из летних или осенних шкур и питки не закрепляли двойным узлом. В кафтани, штанах, переднике, унтах оставляли прорезы. Если умирал молодой человек и у него не было смертной одежды, то до похорон ему шили новую одежду.

Мужчине в гроб клали лук в рост человека и три стрелы (обычно модели), из дерева вырезали нож, топор, новую курительную трубку и роговую снеговывалку.

Покойному шили новый кисет и набивали табаком. В «дорогу» полагалось также дать мешочек с трупом и кремнем. Женщине в гроб клали игольник; кроильную доску, посох для посадки на оленя⁹².

Целость всех вещей нарушали. Подошвы унтов протыкали ножом, также поступали с рукавицами, надрезали и завязки на кафтане. Надрезание вещей покойного именовалось особым термином *јајэwэсул* — 'подравливание'.

Обряженного покойника завертывали в ровдугу, полотнище от чума и укладывали в гроб. Гроб обычно изготавливали из челнока-ветки — личной лодки покойного. Ее распиливали поперек и доски соединяли деревянными гвоздями.

Покойник, пока шили недостающую одежду, извещали родных и рыли могилу, два-три дня лежал в чуме на шкуре ногами к выходу. Около умершего постоянно сидели близкие. Когда ели, угощали (*логитал*) и покойника. Его еду сжигали. Выносили гроб утром и устанавливали на нарте. В нее запрягали одного оленя.

По дороге к могиле ставили небольшой шалаш. Около него убивали жертвенных оленей. Для мужчины забивали двух оленей, передового и оленя-манщика. Для женщины убивали ездового оленя и двух самок. Животных кололи ножом в сердце, но так, чтобы они, умирая, долго бились в конвульсиях. Присутствующие поочередно «гна-ли» оленя вожжами и били погоньчем. Понукание жертвенного оленя называлось *ан'мил јагаарајл* ('направление ездового оленя'). Если олень долго бился в конвульсиях, это рассматривалось как хорошее предзнаменование, если же сразу замирал или поворачивал голову назад, думали, что во время пути покойного что-то произошло.

У жертвенных оленей вырубали рога с черепной костью, а тушу разделывали левой рукой. Мясо тут же варили и ели. Шкуру расстилали около могилы. Полагалось съесть все мясо за один день. Кости, шкуру жертвенного оленя и одежду покойного сжигали. На могиле оставляли нарту в разобранном виде, каждую деталь надрезали ножом. На жердях, расставлявшихся около могилы и символизировавших опору остова чума, вешали рога с черепной костью жертвенного оленя и крест с иконой. Когда уходили с похорон, не оглядывались. После похорон

⁹² Сообщение Й. К. Курилова, Г. Н. Третьякова.

родственники пришивали к своей одежде кусочек ровдуги в знак траура. Как якуты, мясо после похорон ели через кольцо тальника⁹³.

Захоронение в земле, несомненно, позднее явление. Погребение на помосте неподалеку от кочевий тундровых юкагиров было зафиксировано В. И. Иохельсоном. Однако в открытой тундре этот способ захоронения не мог быть распространен. Возможно, у тундровых юкагиров имел место обычай трупосожжения, широко распространенный на северо-востоке Сибири. Косвенным свидетельством в пользу этого является то, что на юкагирских похоронах сжигали кости жертвенных оленей.

У тундровых юкагиров сохранялись воспоминания также об обычаях мумификации трупов шаманов. Во время поездки в Нижнеколымский район в 1951 г. нам удалось беседовать с лицами, видевшими амулеты («как куколки»), изготовленные из фаланг умерших шаманов. По словам наших рассказчиков, последний амулет был у старухи Татаевой. Когда она умерла, его захоронили вместе с ней.

Около оз. Омук-кель в бассейне р. Алазеи в 1951 г. нам показали череп, лежавший на пне, других костей здесь не было. При расчистке площади вокруг пня было обнаружено несколько синих и белых фарфоровых бисериннок. Местные якуты приписывают череп юкагирскому шаману. Юкагиры-старики не могли припомнить, когда и кто положил здесь череп. Наш информатор Т. Т. Трифонов (104 года!) высказал предположение, что это череп шамана — остатки амулета, оставленного какой-то семьей, лишившейся прямых наследников. Однако высказывались и предположения о том, что это останки стоявшего здесь *арангаса* ('погребения на помосте').

Заслуживает внимания материал, собранный экспедицией 1959 г. об охотничьих обрядах тундровых юкагиров и эвенов. Диких оленей, лосей, медведей, волков называли иносказательно. О своей добыче охотник говорил только мужчинам и использовал в повествовании особые слова. Если эвены черепа диких оленей и лосей и трубчатые кости этих животных клали на помосты, а в открытой безлесной тундре помещали на возвышенных местах и

⁹³ Похоронный обряд восстановлен со слов С. И. Курилова, И. К. Курилова, Н. Т. Трифонова, В. Т. Трифоновой.

обкладывали дерном, то юкагиры кости диких оленей и лосей сжигали, а рога клали на землю, направив в сторону востока.

Кости диких оленей, чтобы их не грызли собаки, мы раньше сжигали. Иногда особый костер раскладывали. Голову дикого оленя старики приказывали охранять, беречь, чтобы как-нибудь женщина не наступила, не перешагнула. Когда убивали большого дикого оленя, костер раскладывали. Огонь благодарили, в огонь бросали кусочки жира.

Если охотник не мог сразу доставить домой тушу добытого оленя, то брал с собой кусок жира или какую-нибудь лакомую часть туши. Это он отдавал хозяйке, матери или жене, она же «кормила» огонь.

Беременной женщине не давали разделять тушу дикого оленя. Ей запрещалось есть мясо с той стороны туши, куда попала пуля. Если под шкурой дикого оленя находили комок волос, то клали его в особый расшитый мешочек и привязывали к упряжному оленю. Нижние зубы диких оленей мы не собирали. Это ламуты собирают.

Если окружали стадо, одного обязательно выпускали. Старики говорили, нельзя всех убивать — грех.

Волка убивали редко. Это наш родич.

Когда донимали волки, «угощали» их самым жирным мясом. Это мясо давал (бросал в тундре) не сам хозяин, а его мать. Иногда стрихнином мясо отравляли. Если попадался на приманку волк, то его сжигали⁹⁴.

Материал о шаманстве нижнеколымских юкагиров крайне фрагментарен. Наши информаторы не могли ответить на задаваемые вопросы о становлении шаманов, их действиях. Некоторые указывали, что старики-шаманы погибли во время эпидемии оспы в конце XIX в. и унесли с собой свои знания и секреты.

Фольклор нижнеколымских юкагиров, возможно, потому, что записи его производились сравнительно недавно, носит менее архаический характер, чем фольклор верхнеколымских. Ничего не слышали наши информаторы и о рисунчатом письме. Таким образом, хотя в традиционной культуре тундровых юкагиров прослеживается несколько больше самобытных черт по сравнению с культурой верхнеколымских, она также в значительной мере испытала влияние культуры эвенков, чукчей, русских старожилов и потеряла свой былой самобытный облик.

⁹⁴ Сообщение И. Е. Курилова, пос. Андрюшкино.

Подведем некоторые итоги. Затерянные в дебрях Колымского края юкагиры прошли в составе Русского государства на протяжении трех столетий большой и сложный путь этнического развития. Обзор традиционной культуры таежных и тундровых юкагиров убеждает в том, что вследствие изменившихся экономических и социальных условий, под влиянием соседей архаические самобытные черты культуры этих двух групп в конце XIX — начале XX в. оказались уже в значительной степени утраченными.

При всей замкнутости быта, обособленности, юкагиры все же были тесно связаны в этот период с местным рынком, с окружающим иноземным населением. Верхнеколымские юкагиры не только добывали на продажу пушнину, но и изготовляли на продажу лодки; нижнеколымские обменивали на нужные им товары — чай, табак, конский волос, сети, порох, дробь, свинец — не только пушнину, но и оленье мясо и оленьи шкуры. Длительные контакты с эвенками, якутами, русскими старожилками и чукчами привели к тому, что юкагиры многое заимствовали у них не только в области материальной культуры, хозяйственных приемов и навыков, но и из представлений, понятий и верований.

Все же имеющиеся материалы позволяют сделать некоторые выводы относительно древней культуры юкагиров.

Направление традиционного хозяйства верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров вполне определенно свидетельствуют о том, что они восходят к разным типам.

По мнению В. И. Иохельсона, верхнеколымские юкагиры были потомками древних таежных речных рыболовов и охотников. «Мы имеем все данные утверждать, — писал он, — что древние юкагиры области р. Колымы были речными жителями, собаководами, рыболовами и охотниками»⁹⁵. Этот вывод нам представляется вполне убе-

⁹⁵ Иохельсон В. И. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, с. 161.

дительно. Имеющиеся материалы позволяют выделить в культуре таежных юкагиров некоторые древние элементы — скользящие лыжи, лук, стрелы, копьё, охотничья собака и подсобное ездовое собаководство, ручная нарта с рулем-оглоблей, тальниковый невод типа бредня, сети, перемет с костяными спицами, долбленые и берестяные лодки, корьевой конический чум, берестяная посуда, консервация мяса и рыбы путем вяления и квашения, изготовление блюд из рыбы и мяса с добавлением дикорастущих и лиственничной заболони.

Традиционное хозяйство верхнеколымских юкагиров-охотников на лося, речных рыболовов является, как мы полагаем, реликтом древнего неолитического культурного пласта, предшествовавшего в Восточной Сибири оленеводческой тунгусско-ламутской культуре.

Хозяйство предков тундровых юкагиров, видимо, было более специализированным. Они вели подвижный образ жизни, кочуя в погоне за стадами диких оленей от лесотундры к морю, т. е. с юга на север весной и с севера на юг осенью. Массовая загонная охота на этих животных, охота на переправах через реки (поколки) была основой существования этого населения. Менее доходной была индивидуальная охота на оленей в другие сезоны. Подсобными отраслями хозяйства служили загонная охота на линных гусей, рыболовство и собирательство.

Встреченные в XVII в. русскими служилыми и промышленными людьми тундровые юкагиры имели домашних оленей и кочевали, применяя олений транспорт. Можно полагать, что этот тип хозяйства возник на основе археологической культуры пеших бродячих охотников субарктического неолита северо-востока Азии.

В отличие от своих пеших предшественников тундровые юкагиры, располагавшие транспортным оленеводством, были более маневренны, следовательно, более обеспечены жизненными благами и менее зависимы от суровой арктической природы.

Для древней культуры тундровых юкагиров были, видимо, характерны следующие элементы: подсобное транспортное санный оленеводство, скользящие лыжи, охотничья собака, лук, стрелы, копьё, перемет с костяными спицами, долбленая лодка, конический чум, крытый оленьими шкурами или ровдугой, способы консервации мяса путем вяления и замораживания.

Промежуточный характер носило хозяйство «пеших», «сидячих», т. е. оседлых, юкагиров низовий Индигирки, Колымы, Анадыря. Скупые сведения исторических источников XVII в. позволяют заключить, что эти юкагиры занимались рыболовством, охотой на «зверовых плавежах», т. е. добычей диких оленей при переправах осенью через реки, охотой на линных гусей и имели ездовых собак⁹⁶.

Можно думать, что некоторые элементы этой культуры, унаследованные русскими старожилами низовий Колымы и Индигирки, дошли до нас в переработанном виде. Это транспортное собаководство, усовершенствованное в русско-старожильческой среде, лук, стрелы, копье, копье-металка и дротик для охоты на линных гусей, перемет с костяными спицами, долбленая лодка, возможно тальниковый невод, коническое жилище типа холмома из плавника, обложенное дерном.

При всей обособленности этих трех хозяйственных групп древних юкагиров между ними, очевидно, существовали какие-то обменные и родственные связи. Об этом свидетельствуют несомненная языковая близость верхне-колымского и нижнеколымского диалекта юкагирского языка, известные соответствия в общественном строе и духовной культуре.

Особый интерес для понимания происхождения юкагиров представляет вопрос об их связях с соседями. Приведенные материалы о способах охоты на диких оленей, применявшиеся тундровыми юкагирами, говорят о близости к нганасанским (тавгийским) приемам охоты (загоны, поколки, охота с собаками). Отметим, что совпадают не только отдельные способы охоты, но и в целом хозяйственный комплекс нганасан и тундровых юкагиров. Эти параллели не являются совпадениями, вызванными близкими условиями существования. Укажем, что древний чум юкагиров с остовом из четырех жердей со штыревым соединением соответствует нганасанскому чуму. Близок к нганасанскому и покрой юкагирского девичьего и детского комбинезонов⁹⁷.

⁹⁶ Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII в. на северо-востоке Азии. М., 1951, с. 143, 283. Поселения оседлых юкагиров в низовьях Индигирки и Колымы исчезли в XVII в. вследствие эпидемий и междоусобиц.

⁹⁷ Попов А. А. Нганасаны.— «Труды ИЭ, новая серия», М.—Л., 1948, т. III, с. 33—34, 80, табл. 18, 30.

Приведенные Е. А. Крейновичем вслед за И. Ангереновые данные о связях юкагирского языка с самодийским⁹⁸ и данные Б. О. Долгих о том, что в XVII в. юкагиры и тавги, предки нганасан, были разделены узким коридором из вклинившихся между этими племенами тунгусских родов⁹⁹ свидетельствуют, что юкагиры и предки нганасан имели в прошлом непосредственные контакты.

Современные различия между нганасанским и тундровым юкагирским типами хозяйства и культуры, видимо, сложилось у юкагиров под воздействием эвенов (ламутов), у нганасан под влиянием эвенков (тунгусов) и западных ненцев, а также вследствие обособления.

Вместе с тем в культуре юкагиров можно отметить и черты, сближающие ее с культурой северо-восточных палеоазиатов — пережитки трупосожжения, гадания по подвешенным предметам, жертвоприношение собак, особая роль ворона в мифах, хотя он не выступал, как у коряков и чукчей, в роли мироустроителя, представление о реорканации душ. Укажем также на то, что дугокопильная нарта и упряжь юкагиров близка к чукотской, юкагиры изготовляли блюда, напоминавшие корякско-ительменское лакомство — толокушу, и т. д.

Эти особенности свидетельствуют о том, что юкагирский этнос формировался во взаимодействии не только с западными соседями, но и с восточными.

Мы не касаемся позднейших эвенских, ламутских и русских влияний. Они выступают вполне отчетливо.

В целом традиционная юкагирская культура представляет собой, несомненно, интересное явление в сибиреведении, позволяющее видеть, насколько сложным было развитие древних охотничьих племен Северо-Восточной Сибири.

⁹⁸ Крейнович Е. А. Юкагирский язык. Л., 1958, с. 228—237.

⁹⁹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав Сибири в XVII в.; Он же. Происхождение нганасанов. — «Сибирский этнографический сборник», М.—Л., 1952, т. I, с. 72—86.

Глава II

РАСКОПКИ ЧАНДАЛОВ— ЖИЛИЩ ЮКАГИРОВ

Район заселения юкагиров малоизвестен археологической науке, хотя представляет огромный интерес в изучении далекого прошлого современных народов Восточной Сибири. В отличие от этнографической археологическая литература об юкагирах располагает чаще всего случайными и отрывочными сведениями.

Археологические материалы о юкагирах появились в XVIII в. в трудах первых исследователей северо-востока Сибири. Охватывая широкий круг вопросов (природные богатства, климат, быт, нравы, образ жизни северных народов), первые исследователи оставили отрывочные сведения и о древних памятниках этих народов.

В середине 30-х гг. XVIII в. для изучения северо-востока России была снаряжена географическая и астрономическая экспедиция под командованием капитана Биллингса, в составе которой работал Г. А. Сарычев. Он обследовал низовья Колымы и прилегающие к ней северные районы от устья Колымы до Берингова пролива. Далее Г. А. Сарычев проплыл до Среднеколымска, а оттуда совершил сухопутное путешествие через Алазейское зимовье в Зашиверск, на Индигирку, затем через Верхоянский хребет до Якутска. Среди его материалов для нас наибольший интерес представляют раскопки древних жилищ поселения низовьев Колымы, так называемых «чандалов». Обвалившиеся чандалы найдены им на берегу ручья «в небольшом изгибе на северной стороне Баранова камня... Сделаны они были сверх земли и казались круглыми, в диаметре сажени три. По разрытии земли в середине нашли кости тюленьи и оленьи, также много чере-

пьев от разбитых глиняных горшков и два камешных треугольных ножа, наподобие геометрического сектора — сторона, которая дугою, острая, другие две — прямые и толстые»¹. Раскопки Сарычева явились первой археологической работой на севере Сибири и, по выражению А. П. Окладникова, «положили начало полярной археологии как науке»².

О жилищах юкагиров писал Ф. П. Врангель³. После бесед с юкагирами и в особенности с юкагирским старшиной Корякиным он высказал предположение о переселении юкагиров (их называет он омоками) с Колымы на Индигирку. Как он пишет, омоки — многочисленный народ, занимавшийся оседлым рыболовством и охотой; жили они на Колыме к северу от Омолона и на устьях обоих Аююев. По его мнению, опустошительные болезни, сопутствовавшие русским при их движении по Сибири, вынуждали омоков покинуть обжитые места от устья Колымы и двинуться «двумя большими отделениями» на запад — в устье Индигирки, где «находятся до ныне явные и многочисленные следы юрт и других жилищ, о происхождении и существовании которых туземные старожилы ничего не помнят, кроме того, что сии развалины с незапамятных времен назывались омокским юртовищем»⁴.

Когда русские казаки впервые пришли в тундру Якутии, они встретили юкагиров, живущих в полуподземных жилищах. Ф. П. Врангель пишет: «На Яне Буза построил четыре коча и в следующем 1639 году пошел вниз по реке: восточным рукавом достиг к устью узкого протока, втекающего в Ледовитое море; близ сего места, у впадающей в море реки Чендоны нашел юкагиров, живущих в землянках, собрал с них ясак и пробыл в сих местах до 1642 года»⁵. Вблизи дер. Русское Устье Ф. П. Врангель видел на протоке «следы больших селений и станов, но неизвестно, кому они принадлежали... Первые русские

¹ Сарычев Г. А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, с. 83.

² Окладников А. П. Раскопки на Севере. — В кн.: По следам древних культур. М., 1951, с. 17.

³ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. Л., 1948, с. 217—218.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 46—47.

пришельцы, поселившиеся здесь, пашли на берегах Индигирки уже полуразрушенные юрты, землянки и очаги, и в них разные домашние сосуды. Дольше находят еще иногда топоры из яшмы и разные орудия, совершенно отличные от употребляемых ныне»⁶.

В. И. Иохельсон писал о подземных жилищах на севере Якутии, упоминаемых в отчетах и воспоминаниях путешественников. «В этих подземных домах некогда жили юкагиры. Это не оставляет никакого сомнения о том, что древним типом жилища юкагиров, во всяком случае тех из них, которые жили на морском или речных берегах, была подземная юрта. Приходится сожалеть, что в указанных отчетах и путешествиях отсутствует подробное описание остатков и устройства древних юкагирских землянок. Таким образом, мы не знаем в точности, каков был тип юкагирского подземного жилища»⁷. В. И. Иохельсон видел на реках Ясачной и Коркодоне жилища юкагиров — «землянки русского типа: бревенчатый сруб, наполовину или больше сидящий в яме»⁸.

В начале XX в. в дер. Русское Устье на Индигирке собирал сведения о местном населении В. М. Зензинов, отбывавший здесь ссылку. В его работах⁹ есть упоминания о чандалах, которые он считал юкагирским жилищем.

По предположению В. М. Зензинова, русские, спасаясь от тягот ратной службы при Иване Грозном, бежали по северным морям на ботах и кочах в восточные земли и остановились на берегах богатой рыбой и пушным промыслом Индигирки. Он считал, что целое столетие русскоустийцы прожили здесь никому неизвестными и только в 40-х гг. XVII в. русские казаки, двигавшиеся из Якутска к Колыме в поисках новой земли и ясака, открыли их и обложили податями. Впервые эти места посетил Постник Иванов в 1639 г. В своем описании он на-

⁶ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, с. 241.

⁷ Иохельсон В. И. Древние и современные подземные жилища племен северо-востока Азии и Северо-Западной Америки. (Доклад на Международном конгрессе американцев). Спб., 1908, с. 34.

⁸ Там же.

⁹ Зензинов В. М. Старинные люди у холодного океана. Русское Устье Якутской области Верхоянского округа. М., 1914; Он же. В гостях у юкагиров. — «Этнографическое обозрение», 1914, № 1-2, с. 108—109.

зывает эту территорию «Юкагирской землицей» и оценивает ее как «места людные и богатые».

Предположение В. М. Зензилова о появлении в устье Индигирки русскоустинцев в XVI в. интересно для нас тем, что датирует время существования чандалов. Поскольку это исконно юкагирская территория, чандалы принадлежали, вероятно, олюбенцам, с которыми и встретились приплывшие сюда русскоустинцы. За столетия время стерло из рассказов русскоустинцев реальные черты жителей чандалов, сохранив лишь название этих жилищ. Русскоустинцы с большой охотой рассказывают всевозможные легенды, в которых неоднократно называют жителей чандалов «дикими юкагирами», не знавшими железа, занимавшимися рыбной ловлей и охотой на дикого оленя.

В. М. Зензилов также дважды упоминает о находках местными жителями в чандалах каменных и костяных вещей, топоров и других орудий.

«Лишь кое-где, но обязательно возле реки, сохранились еще остатки старинных разрушенных землянок, где бывало паходили в земле каменные и костяные вещи и топоры; эти следы древнейших жилищ юкагиров носят здесь звучное название — чандалы»¹⁰. Как видно, Зензилов даже не сомневается в принадлежности чандалов древним юкагирам, называя их остатками древнего юкагирского жилья. Этими работами и исчерпываются сведения путешественников XVIII—XX вв. о чандалах.

Прежде чем начать раскопки, мы записали рассказы местных жителей о чандалах и их жителях¹¹. Ниже приводятся наиболее характерные рассказы.

Чикачев Тихон Васильевич, житель Русского Устья:

Деды дедов рассказывали, что в них жили дикари, которые питались мясом диких оленей. Из оленьих ребер делали ножи. Жилища строили из плавника «кокорой подверх» (т. е. кверху корнями.— *З. Г.*). Камнем дрова рубили (т. е. в строительстве чандалов пользовались каменными топорами.— *З. Г.*). На оленя охотились костяными стрелами, а некоторые живьем руками ловили. С уменьшением стада диких оленей жители чандалов вымерли от голода. Вверх по Индигирке чандалы не встречаются.

¹⁰ Зензилов В. М. В гостях у юкагиров..., с. 108—109.

¹¹ По мнению лингвиста Г. Н. Курилова, слово «чандал» в тундрном диалекте юкагирского языка, возможно, означает 'деревянное гнездо'.

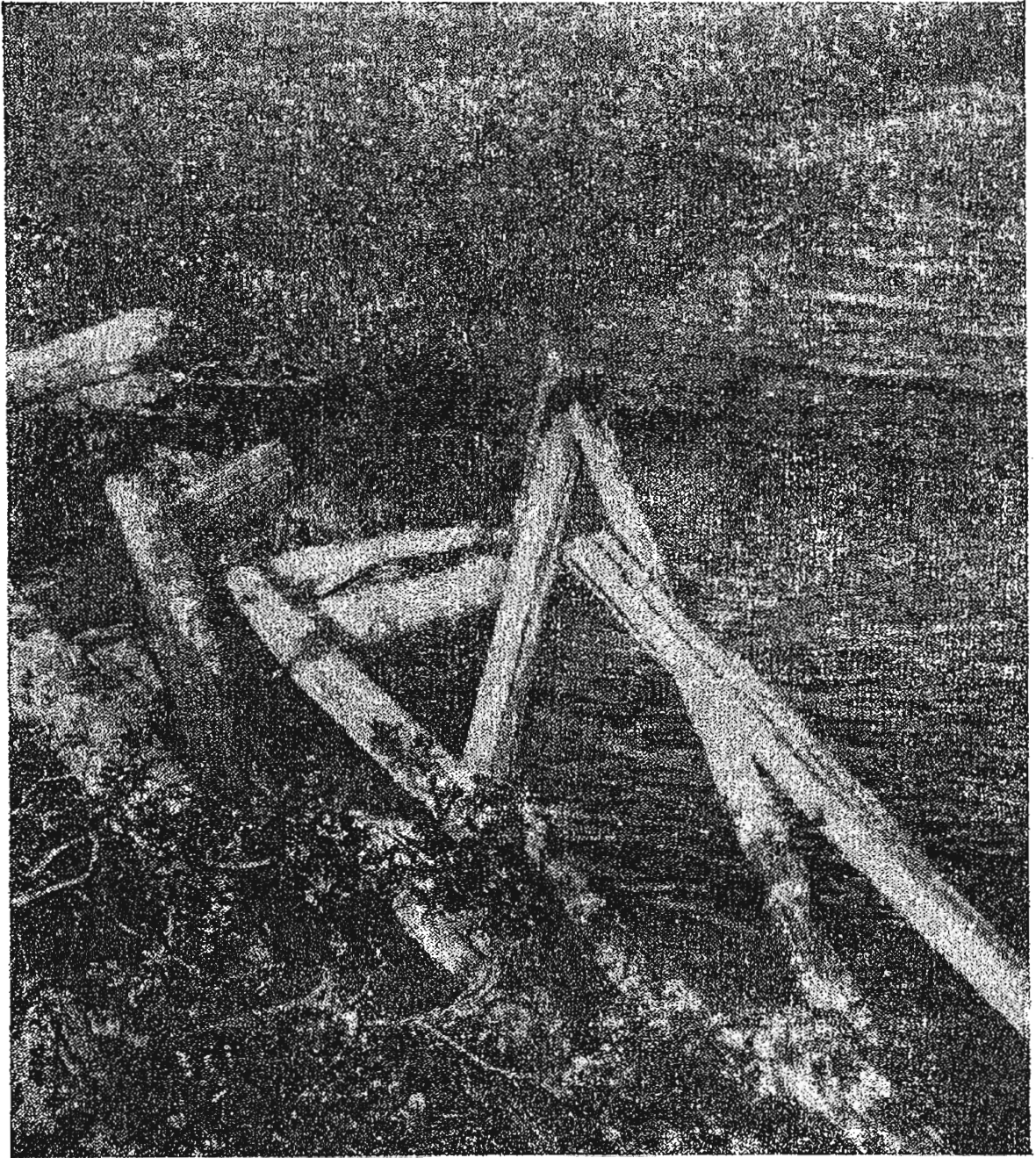

Рис. 22. Развалины чандала.

Чикачев Семен Егорович, 90 лет, житель рыбалки Лобазно:

Земля еще была неполной. Были песок и вода, горки и высокий песчаный берег. Зверь был диким. Люди ловили зверя и убивали его. Огня не знали. Одевались в звериные шкуры. Орудия делали из камня и кости. Деревья при сооружении жилища ставили как попало, концом вверх и вниз, лишь бы спастись от холода. В чандалах жили, как тарбаганы, дикие люди, у которых из носа спускались сосульки. Зимой сосульки появляются, и люди спят, весной сосульки исчезают — и они пробуждаются.

Шелоховский Гавриил Пантелеймонович, житель с. Русское Устье, много чандалов видел у рыбалки Верхняя Толста, расположенной в 2 км от зверофермы. Раньше их насчитывалось около двадцати. Чандалы стоят на большом расстоянии одна от другой. Иногда в одном месте стоят два чандала. Слышал, что где-то на Средней протоке тоже есть чандалы, но не видел их.

Чикачев Егор Семенович, житель Русского Устья:

В устье Голыжинской протоки, в 3 км ниже рыбалки Островок, в местности Чандальяна есть чандалы. Жили в них дикари.

Шкулев Василий Дмитриевич, житель рыбалки Островок:

На левом берегу Голыжинской протоки через каждые пятнадцать метров стоят чандалы. Все они вытянуты вдоль Илохинской протоки, ныне высохшей и заполняемой водой лишь в половодье.

Чикачев Прокопий Тихонович, 75 лет, житель рыбалки, расположенной на правом берегу Русско-Устинской протоки:

Я все время жил здесь. По рассказам стариков, юкагиры были сидячие и бродячие. Раньше особенно много их было по Средней протоке. Они занимались рыболовством и охотой. Рыбу ловили так: загораживали тальником мелкие протоки, в загородках делали проходы, в которых ставили морды из тальника. Прибывшие сюда русские переняли этот способ у юкагиров. В охоте на диких оленей юкагиры использовали лук и стрелы, но основным способом охоты на диких оленей были посылки при переходе их через реку. Юкагиры жили в чандалах. Около стрелки Липина было два чандала. Жилища обкладывались дерном. Окна затягивались шкурой палима. В детстве мы нашли в одном из чандалов деревянную чашку и каменный топор, прикрепленный к топорщику тальником. Одежду юкагиры шили из оленьей шкуры, подошвы делали из кожи гагары, прошивали тальником.

Киселев Гавриил Иванович видел чандалы на правом берегу Индигирки, напротив рыбалки Кузьмичево, в местности Курья:

Чандалов здесь около десятка, размеры их больше, чем на Голыжинской протоке. В горах чандалов нет. Люди жили только по протокам.

Чикачева Ефросинья Алексеевна, 76 лет, жительница Полярного, слыхала от стариков, что в «чандалах жили дикари, которые совсем не знали железа, пользовались каменными топорами. Никто не видел чандалы в неразрушенном виде. Охотились жители чандалов на оленей,

одевались в оленьи шкуры». Она видела два чандала (большой и маленький) на правом берегу Уточьей протоки, в 5 км выше рыбалки Осининово.

Чикачева Александра Петровна, русская, 92-х лет, жительница рыбалки, расположенной в 2 км выше Русского Устья:

В чандалах давным-давно жили юкагиры. Они кололи оленей при переходе через реку. Юкагиры делали корыто, наливали воду и бросали туда раскаленные камни. Там кипятили воду и варили мясо. Они не имели ни топоров, ни ножей. Строили жилища, не обрезаая корней плавников, кокорой вверх. Домашних оленей не имели. Что с ними случилось, не знаю. Следы чандалов имеются на Голыжинской протоке, там сама местность называется «Чандальная».

Таким образом, в преданиях и рассказах русскоустинцев о чандалах утверждается, что здесь жили древние юкагиры, пользовавшиеся каменными и костяными орудиями (этот факт подтверждается Сарычевым, Врангелем, Зензиновым) и исчезнувшие ко времени появления на Ингидирке первых русских землепроходцев, оставив свои жилища в заброшенном и разрушенном состоянии.

В результате археологической разведки, опиравшейся на рассказы местных жителей, отрядом было зафиксировано семь мест нахождения чандалов: в 40 км ниже поселка Полярного, в устье Голыжинской протоки, в местности Чандальная; на Средней протоке между протоками Крутой и Нижне-Средней; на берегу Русско-Устинской протоки в местности Шаманская курья, напротив рыбалки Кузьмичево, на речке Длинный Сэлиэк, левом притоке Индигирки; на Уточьей протоке; около рыбалки Осениново; между рыбалками Верхняя и Нижняя Толста.

Количество построек везде разное: больше всего их в местности Чандальная — 46 чандалов, меньше всего около рыбалки Осениново — 1 чандал. В местности Шаманская Курья насчитывается 12 чандалов, между рыбалками Верхняя и Нижняя Толста — 11, на р. Длинный Сэлиэк — 4, на Уточьей протоке — 2.

Все обследованные чандалы расположены на берегах мелких проток Индигирки, только в Верхней Толста они сгруппированы вокруг озера. Место, где ранее стоял чандал, как правило, покрыто мхом, из-под земли выступают небольшие бугры — полуистлевшие обрубки дерева.

По сохранности чандалов трудно определить время их постройки. Как известно, на Крайнем Севере, где процесс

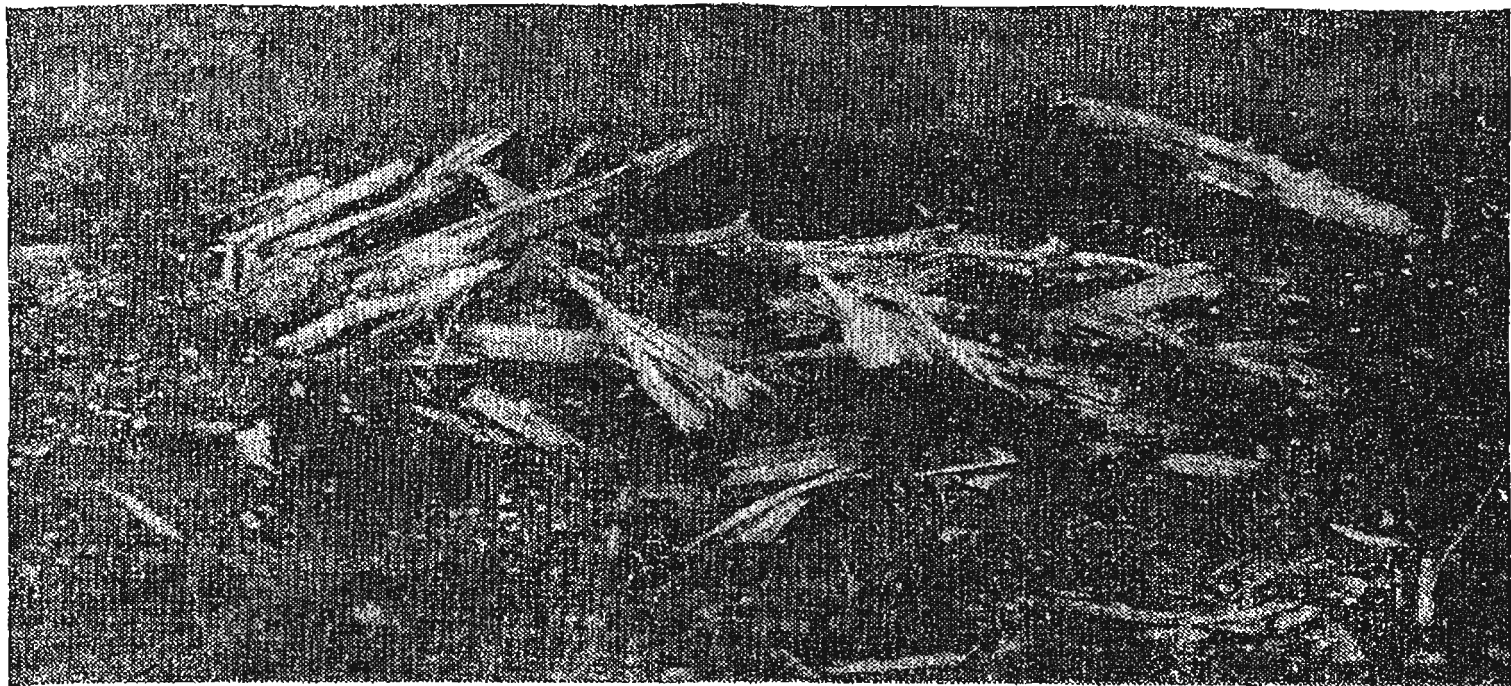

Рис. 23. Остатки чандала в местности Чандальной. Вид до раскопок.

гниения проходит медленно, дерево, особенно лиственница, сохраняется очень долго. Но, на наш взгляд, не все эти древние жилища были построены в одно время. Строительным материалом служил плавник разного размера. Следы обработки плавника нами не обнаружены, не были обрублены даже корни и сучья. Во время раскопки чандала в Шаманской Курье обнаружен тонкий столб с отверстием, в которое воткнута длинная палка. Отверстие сделано не железным инструментом, а каменным орудием (рис. 24). Этот столб, видимо, служил остовом конусообразного помещения (чандала). Такому предположению дают основание развалины чандала, обнаруженного на берегу озера.

Чандалы овальной формы строились иначе. Корнями вверх ставились два дерева, служившие столбами, на которые опиралось еще одно длинное дерево. К остову пристраивались в наклонном положении короткие бревна разного размера. Стены чандала снаружи, судя по следам, обкладывались дерном. Сравнительно поздние чандалы более округлой формы, они лучше сохранились и носят следы усовершенствованного инструмента (рис. 27).

Более детальное обследование чандалов было проведено в устье Голыженской протоки, в местности Чандальная. Здесь чандалы расположены вдоль изгиба ныне це-

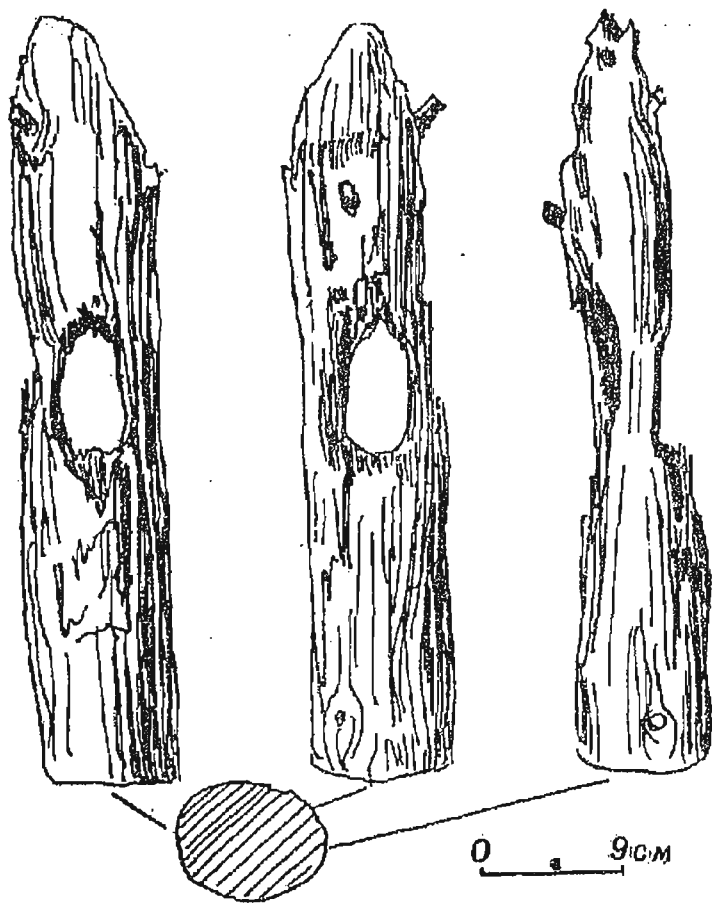

Рис. 24. Отверстия, выдолбленные каменными орудиями в остовах чандала (рис. М. М. Носова).

видны остатки стволов деревьев, лежащие радиально к его центру и некогда являвшиеся частями строения. Размеры чандалов следующие: одного — длина 9 м, ширина 7,65 м, площадь 68,85 м²; другого — длина 7 м, ширина 5,5 м, площадь 38,5 м².

На глубине 0,15 м начинается мерзлый грунт, помешавший дальнейшей раскопке чандалов. Мы не имели времени ждать полного оттаивания места раскопок и ограничились вскрытием трех слоев верхнего заполнения чандалов. Древних орудий здесь найдено не было. Контрольный шурф размером 1×1 м, пробитый на глубину до 1 м, тоже не дал возможности установить нижние слои заполнения внутри чандалов. В одном из чандалов обнаружены следы очага.

Чандалы рыбалки Верхняя Толста располагались на обоих берегах озера, причем большая часть их находилась на левом берегу. По способу построения они отличаются от вышеописанных, хотя обе разновидности в общем сходны между собой. Чандалы Верхней Толсты, по нашему

рессыхающей Илюхиной протоки, впадающей в Голыженскую. В полукилометре восточнее расположения чандалов Голыженская протока сливается с Русско-Устинской.

В Чандалной для раскопок были выбраны два наиболее сохранившихся чандала, отстоящих в 8 м один от другого. Ориентировка обеих построек — восточная.

Оба чандала конусообразной формы, в плане овальные. Стволы деревьев, являющиеся остатками стен, поставлены корнями вверх. Завал стены состоит из двойного ряда бревен, наклоненных к земле под углом 70 и 75°. Внутри постройки и вокруг нее

мнению, — позднего времени. Они почти округлой формы, длина 6, 5 м, ширина 5, 7 м. Основу чандала составляют четыре угловых столба, два из которых скреплены (один вставлен в прямоугольную выемку другого), а третий и четвертый, одинаковой длины, опираются на них. Длина основных стволов 4, 2; 4, 5 и 4, 6 м; с внешней стороны вокруг основы поставлено 72 тонких обрубка, из них 37 с корнями. Стволы с корнем и без корня чередуются, благодаря чему жилищу придается устойчивость. Сверху стены обкладывались дерном, который снизу поддерживался корнями деревьев.

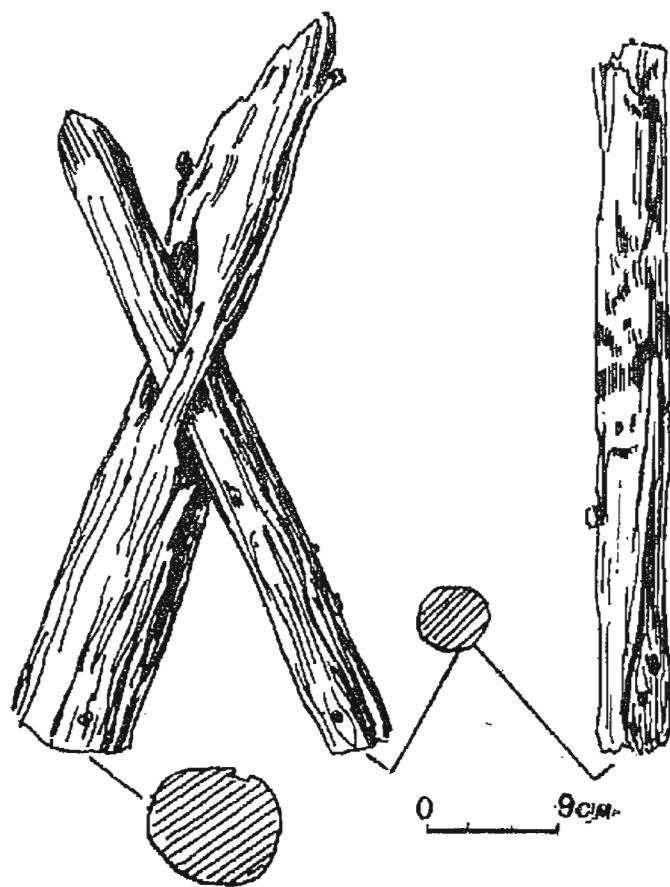

Рис. 25. Остатки остова чандала (рис. М. М. Носова).

По мнению Н. И. Спиридонова, первоначальным жилищем юкагиров был «односкатный шалаш, покрываемый веткой растений для защиты от ветра и снега... В дальнейшем односкатный шалаш превращается в двухскатный, затем обыкновенно глухой и с подвешенным куском дерна или шкурой дикого оленя вместо двери над входным отверстием»¹². Может быть, такова была эволюция жилища юкагиров, хотя трудно допустить, что люди в условиях северной стужи и суровых ветров тундры могли жить в односкатном шалаше, и где они каждый раз брали, кочуя зимою по тундре, «ветки растений для защиты от ветра и снега».

Обследованные чандалы были надземными сооружениями, а не подземными, как пишет В. И. Иохельсон. Мы

¹² Спиридонов Н. И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. — «Советский Север», 1930, № 9-12, с. 190.

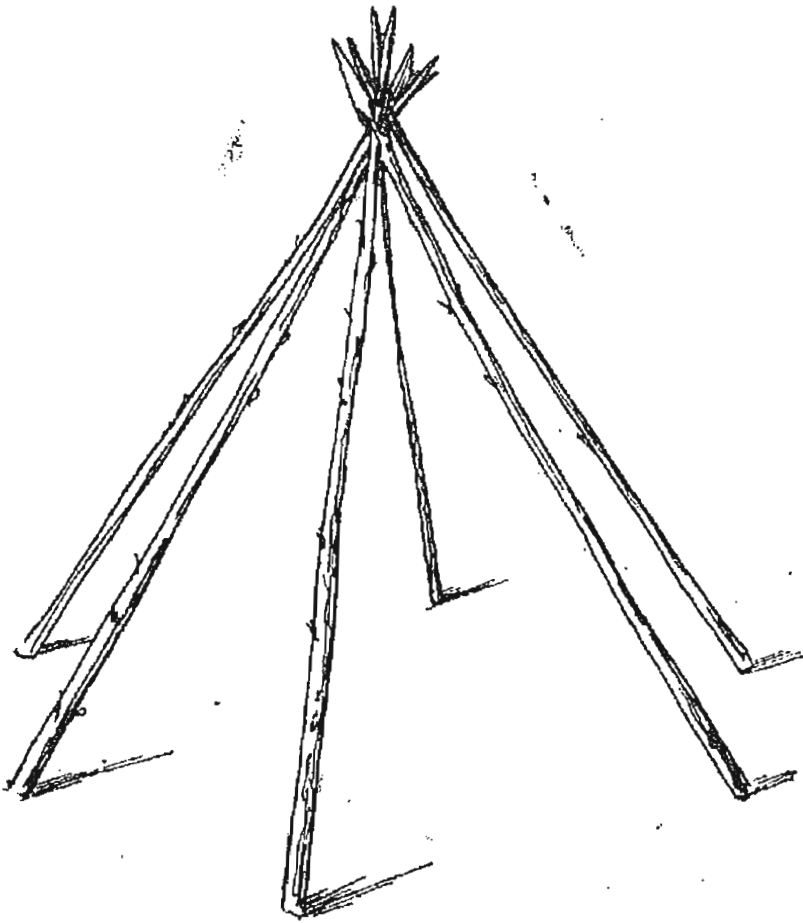

Рис. 26. Реконструкция
остова чандала (рис.
М. И. Угрина).

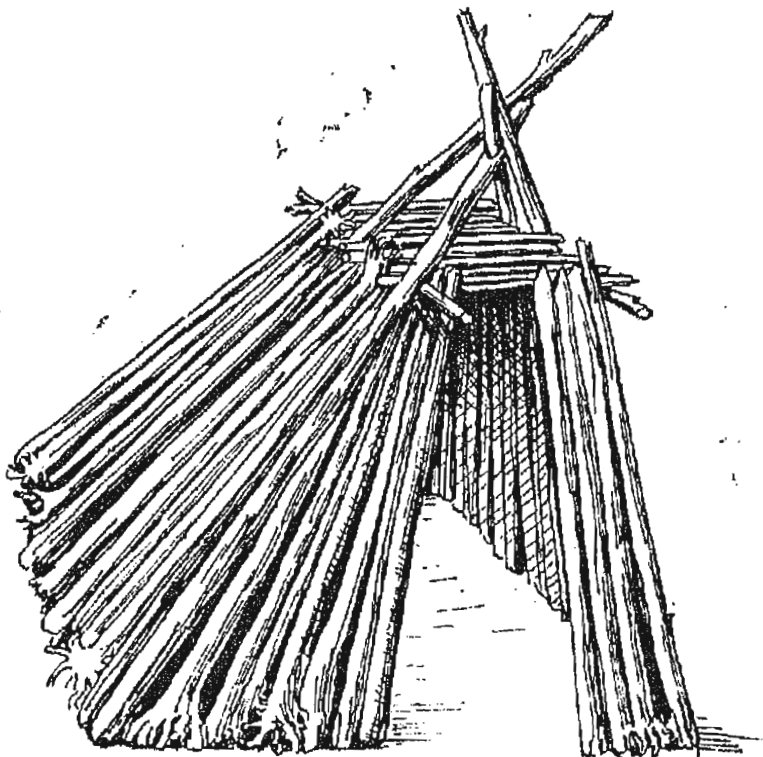

Рис. 27. Реконструкция
чандала (рис. М. И. Уг-
рина).

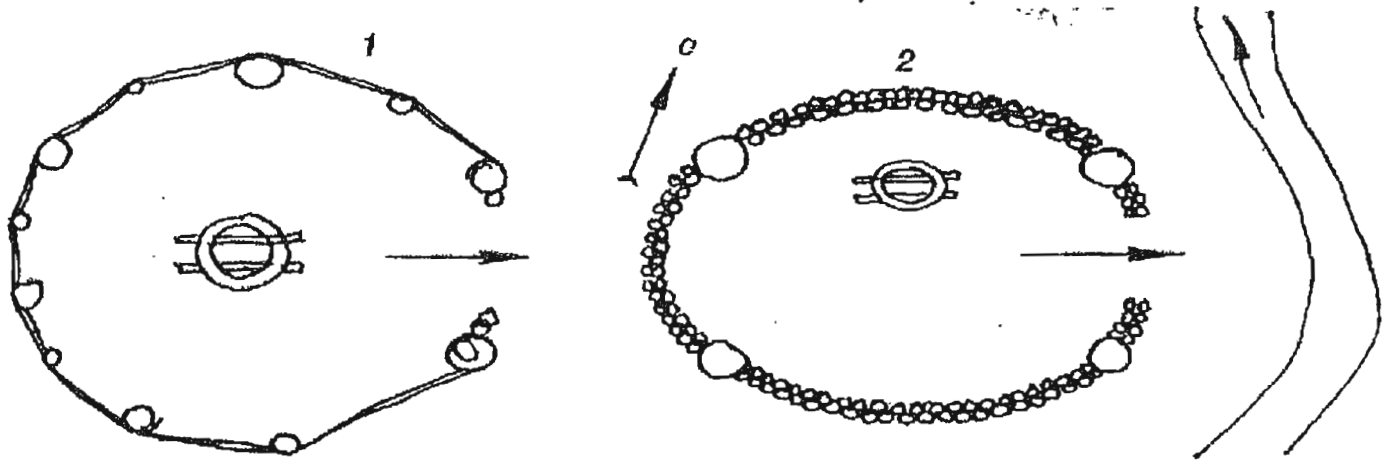

Рис. 28. Юкагирский чандал в плане.
1 — конусообразный; 2 — овальный.

не можем с уверенностью сказать о местоположении входного отверстия. У многих народов северо-востока в древнее время входное отверстие в жилищах находилось сверху, одновременно служа дымовым отверстием.

На пути к местам раскопки мы останавливались на рыбалках. Рыбаки жили во временных помещениях типа холомо (рис. 29). Такие жилища в основе своей мало отличались от чандалов позднего времени. Каркас их тоже состоит из четырех столбов, на которые опираются сте-

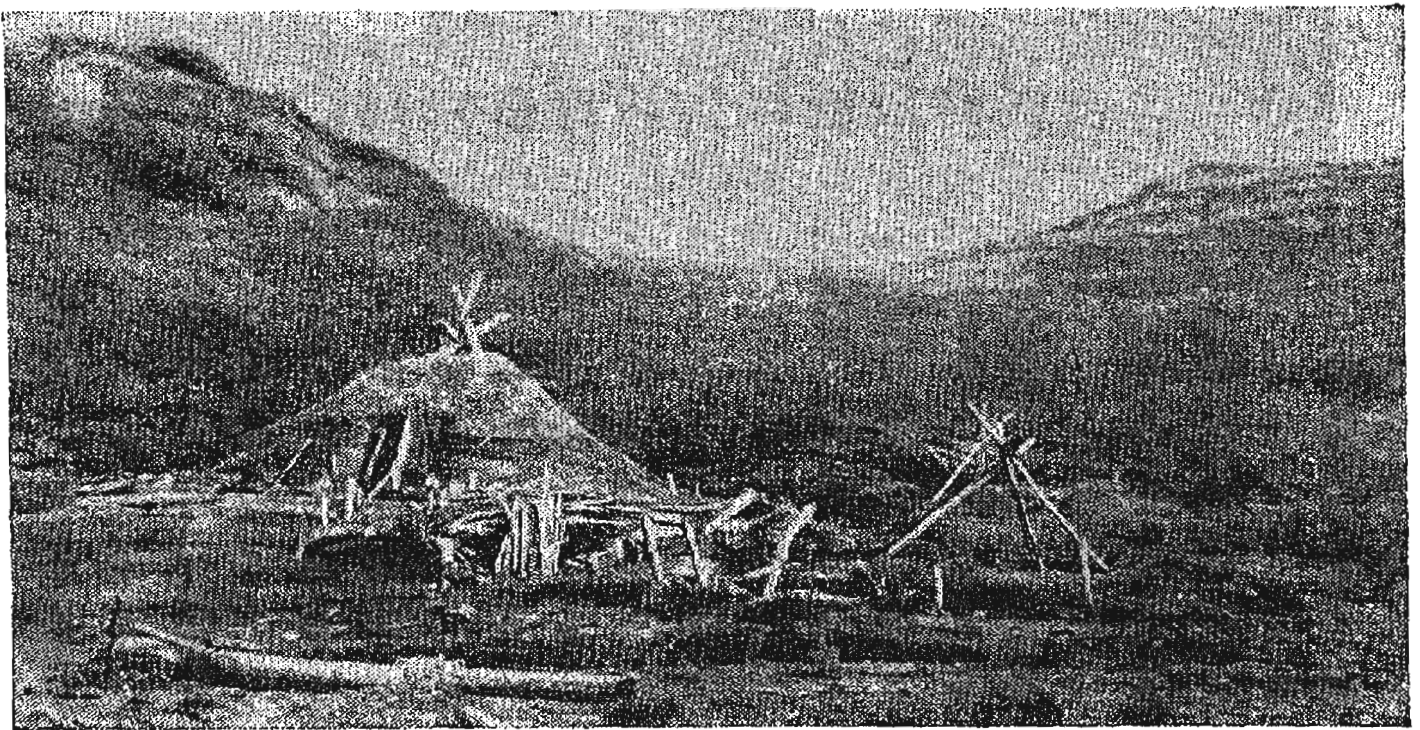

Рис. 29. Жилище-холомо.

ны. Вместо корней для крепления стен пользуются тройным рядом поперечных бревен, скрепленных «в лапу» под крышей жилища, оставляя четырехугольный проем для выхода дыма. Посредине помещения располагался очаг, в восточной стене — выход. В плане современное жилище прямоугольной формы, площадь его 7,43×7,30 м.

Таким образом, при сравнении древних и поздних чандалов с современными постройками наблюдается одна традиция, что позволяет проследить эволюцию чандала от примитивного строения, скрепленного корнями деревьев, до современного жилища рыбаков.

Раскопки показали, что обитатели чандалов жили по берегам неглубоких протоков р. Индигирки и тундровых озер. Здесь они занимались рыболовством. В тундре юкагиры, как рассказывается в преданиях, охотились на диких оленей. В устье Индигирки и на соседних озерах с весны до осени кормились шумные стаи прилетных птиц. Охота на них, особенно на линных гусей, была любимым занятием населения.

Чандалы, как видно, непременные юрты, в них жили оседло. Хозяева могли в летнее время уходить на охоту в тундру, где жилищем служили легкие шалаши.

Скопление в одном месте большого количества чандалов свидетельствует о том, что они принадлежали родовым группам. Основное занятие юкагиров — рыбная ловля и охота, очевидно, был коллективным. Все это свидетельствует о примитивной общественной организации обитателей древних жилищ — чандалов.

Глава III

АНТРОПОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОЙ СИБИРИ

Многолетними антропологическими исследованиями коренных народов Северной Сибири создана солидная фактологическая база, позволяющая с помощью данных физической антропологии способствовать решению вопросов этнической истории. Из многих народов, населяющих Северную Сибирь, нам кажется целесообразным рассмотреть антропологическую характеристику юкагиров и иганасан, относящихся к древнейшим этническим пластам на этой территории.

Юкагирские племена, как было показано исследованиями Б. О. Долгих¹, в XVII в. занимали огромные территории северо-востока Сибири, на западе доходя до Лены, на востоке — до Анадыря. Юкагирские роды XVII в. распадались на несколько больших групп: янскую (роды «яндыри», «хоромои», «онойди»), индигирскую (роды «янга», «олюбензи», «шоромба»), колымскую (роды «алаи», «омоки», «лавренцы», «колымцы») и анадырскую (роды «чуванцы», «ходынцы»).

Как показывает изучение архивных документов, к середине XVII в. юкагиров во всех этих группах насчитывалось примерно 4800 чел. (4775 чел.); после страшной эпидемии оспы в 1692—1693 гг. численность юкагиров сократилась почти наполовину², а некоторые мелкие роды вымерли целиком.

¹ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — «Труды ИЭ, новая серия», М., 1960, т. IV.

² Там же, с. 440.

В дальнейшем в результате различных причин (эпидемий, ясачного бремени, системы «аманатов», ассимиляции соседними, преимущественно эвенскими, группами) численность юкагиров продолжала падать и уже к концу XIX в. составляла немногим более 1000 чел.

По переписи 1897 г. юкагиров насчитывалось 754 чел., из которых в Анадырском крае проживало 90 и в Якутском округе — 664 чел.³ В это число не вошел Чуванский юкагирский род, рассматриваемый автором отдельно. Переписью 1897 г. чуванцев отмечено в Анадырском округе 453 чел. Перепись 1926 г. зарегистрировала 500 юкагиров⁴.

Уже к концу XIX в. чрезвычайно сузился и ареал распространения юкагирских родов. Они занимали главным образом бассейн Колымы, образуя две группы — на Верхней Колыме и по ее притокам Ясачной, Коркодону и в колымской тундре, между низовьями Колымы и Индигирки⁵.

Первые исследователи этнографии и антропологии юкагиров В. И. Иохельсон⁶ и Д. Л. Иохельсон-Бродская⁷, работавшие среди народностей Северо-Восточной Сибири в конце XIX — начале XX в., собрали материал большой научной ценности. Однако большая часть антропологических данных осталась неопубликованной, а краткая программа исследований (с точки зрения современных требований) не позволила достаточно детально охарактеризовать антропологические типы, представленные среди народностей этого края. На основе собранных материалов В. И. Иохельсон пришел к выводу о сходстве по антропологическому типу индейцев северо-западного побережья Америки и «палеоазиатов» Сибири, куда включил и юка-

³ Патканов С. П. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. 1. Спб., 1912, с. 110.

⁴ Терлецкий П. Е. Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926—1927 гг.). — В кн.: Труды науч.-иссл. ассоциации Ин-та народов Севера, т. I. Л., 1932.

⁵ Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. — «Труды ИЭ №, новая серия», М., 1966, т. 89.

⁶ Jochelson W. The Jukaghir and the Jukaghirized Tungus. — In: The Jesup North Pacific Expedition, vol. IX, p. I—III. Memoir of the American Museum of Natural History. N. Y. — Leiden, 1910.

⁷ Иохельсон-Бродская Д. Л. К антропологии женщин крайнего северо-востока Сибири. — РАЖ, 1907, № 1.

гиров. Однако в дальнейшем и конкретный материал, и теоретические концепции Йохельсона вызвали серьезные возражения и потребовали дополнительных данных для проверки⁸.

В 1945—1947 гг. Г. Ф. Дебец антропологически обследовал оленных и береговых чукчей, коряков, эскимосов, ительменов и эвенков. При сопоставлении азиатских групп с американскими индейцами, материалы по которым разрознены территориально и методически, Дебец пришел к выводу, что азиатские группы значительно более монголоидны и не обнаруживают специфического родства с американскими индейцами. Азиатские эскимосы оказались близки к береговым чукчам и не могут рассматриваться как этнический «клин», разобщиивший северо-восточных палеоазиатов и индейцев северо-западного побережья⁹.

В работе, посвященной исследованиям на северо-востоке Сибири, Г. Ф. Дебец приводит характеристику небольшой краниологической серии юкагиров, на основании которой автор относит юкагиров к байкальской группе типов¹⁰.

М. Г. Левин, рассматривая проблемы расогенеза тунгусской общности, пристальное внимание уделял антропологическому типу юкагиров. Анализ очень неполных антропологических данных и изучение фотографических коллекций Йохельсона также привели его к заключению, что среди юкагиров распространен комплекс антропологических особенностей, который характерен для байкальской группы типов¹¹. В своей концепции расогенеза и этногенеза тунгусов, используя этнографические и лингвистические данные, М. Г. Левин отводил юкагирскому компоненту ведущую роль древнего этнического пласта,

⁸ Золотарев А. М. Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии. — «Известия Воронежского гос. пед. ин-та», 1938, т. IV; Левин М. Г. Краниологические типы чукчей и эскимосов. — «Сборник МАЭ», М.—Л., 1949, т. X.

⁹ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. — «Труды ИЭ, новая серия», М., 1951, т. XVII; подробное критическое рассмотрение этой проблемы см. Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — «Труды ИЭ, новая серия», М., 1958, т. XXXVI.

¹⁰ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области, с. 71.

¹¹ Левин М. Г. Этническая антропология..., с. 151.

легшего в основу антропологического типа тунгусов Восточной Сибири. Вернуться к этим проблемам заставляют антропологические материалы, собранные нами уже после выхода в свет указанных работ.

В 1959 г. Институтом этнографии АН СССР совместно с Якутским филиалом АН СССР была организована экспедиция для проведения этнографических, антропологических и археологических исследований на территории расселения современных юкагиров. Автором данной статьи были собраны соматологические и серологические материалы среди ныне существующих групп юкагиров и соседних с ними народов: в Колымской тундре — в низовьях Колымы, Индигирки, по рекам Алазее, Чукочьей были обследованы тундровые юкагиры, эвены, якуты, чукчи. На Верхней Колыме, по Ясачной и Нелемной были обследованы юкагиры таежной зоны и якуты.

Обследованные группы невелики, но следует иметь в виду и вообще малую численность этих народностей — тундровых оленеводов или таежных охотников и рыболовов. Соматологическая характеристика по признакам представлена в таблицах (Прилож. I, табл. 1—18).

Якуты и чукчи по своему антропологическому типу вполне четко отделяются от юкагиров и эвенов. Отклонения величин признаков, характеризующих якутскую группу, наиболее значительны и по многим признакам весьма резко отличают якутов от сопоставляемых групп юкагиров, эвенов, чукчей: длина тела у якутов больше, голова шире и короче, лицо значительно выше и шире, нос выше и заметно уже, верхняя губа ниже и губы толще в слизистой части. Антропологическая характеристика якутов с очевидностью должна быть отнесена к кругу центральноазиатских вариантов. Своеобразие типа чукчей и его отличия от сравниваемых групп выявляются также отчетливо. Нижнеколымская, наиболее западная группа чукчей отличается весьма темной пигментацией, умеренно слабой профилировкой лица и средним выступанием скул, умеренно низким переносьем, относительно невысоким лицом, заметно расширенным на уровне нижней челюсти, широким носом, относительно толстыми губами. В перечисленных особенностях нетрудно увидеть характерный комплекс арктического антропологического типа, выявленного Г. Ф. Дебецом среди чукчей и коряков. Соматологические данные демонстрируют вполне очевидные

различия между типами юкагиров, якутов и чукчей и не дают оснований видеть в физическом типе юкагиров смеси центральноазиатского или арктического происхождения.

Юкагиры как тундровой, так и лесной зоны (с Верхней Колымы) характеризуются следующими основными чертами: ниже среднего длиной тела, умеренно большим диаметром головы, мезокефальной по указателю, умеренной высотой и шириной лица, большой степенью уплощенности лицевого скелета в целом и носовой области в частности, сильной степенью развития эпикантуса и складки века, высокой кожей губой, сравнительно тонкими губами, умеренно темной пигментацией волос и глаз. Перечисленное сочетание признаков характерно для байкальской расовой группы¹².

Нам представляется нецелесообразным связывать байкальский антропологический тип с какой-либо одной локальной группой, приписывая ей «наиболее выраженный комплекс» этого типа. Тип северо-восточных эвенов, отличающийся очень большой степенью депигментации, свидетельствует, скорее всего, об его изолированности, локальности и менее других подходит для роли носителя «наиболее типичного комплекса» байкальского комплекса. По-видимому, правильнее понимать байкальскую антропологическую общность более широко, как «палеосибирскую расу», допускающую при общем характере основной антропологической характеристики известные границы variability признаков. В пользу подобной точки зрения высказывался и Ю. Г. Рычков¹³. Если же все-таки для создания своего рода сравнительной шкалы удобнее наметить какой-то «отправной» комплекс признаков, то этот комплекс должен занимать нейтральное положение, без экстремальных характеристик. В этом случае, как нам кажется, для байкальской группы типов роль такого нейтрального комплекса (кстати, логически более связанного с древними типами) может взять на себя антропологический тип юкагиров.

¹² Золотарева И. М. Юкагиры (антропологический очерк). — В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968, с. 148—177.

¹³ Рычков Ю. Г. Материалы по антропологии западных тунгусов. — «Труды ИЭ, новая серия», М., 1961, т. LXXI, с. 246.

В рамках этой байкальской общности, которая принимается нами в данном случае в широких границах и охватывает многие группы эвенков и эвенов, юкагиры в наибольшей степени оказались близки к типу эвенов северо-восточных, причем из двух обследованных групп несколько большее сходство с последними обнаруживают юкагиры лесной зоны (верхнеколымские).

Антропологические материалы позволяют считать, что тундровые юкагиры более всего сохранили комплекс признаков древнего антропологического типа юкагирских племен. Материалы, которыми мы располагаем в настоящее время, позволяют предположить, что собственно юкагирская этническая среда, видимо, связана с внутрисибирскими расогенетическими процессами.

Таким образом, анализ антропологических материалов по юкагирам заставляет обратиться к рассмотрению более западных (по отношению к области расселения современных юкагиров) этнических групп, прежде всего северных самодийцев. В связи с этим следует иметь в виду указания этнографов и лингвистов, которые свидетельствуют в пользу концепции генетических связей между юкагироязычным и самоедоязычным населением Северной Сибири¹⁴.

Нам представляются также весьма важными выводы И. С. Гурвича о длительных и глубоких контактах западноюкагирских племен и восточных самодийцев в Енисейско-Ленском междуречье¹⁵. С этой точки зрения целесообразно рассмотреть и антропологические особенности восточных самодийцев по отношению к юкагирам.

Соматологическая характеристика самодийских народов все еще недостаточно полна, несмотря на ряд проведенных крупных исследований. Наиболее значительными антропологическими работами по самодийским народно-

¹⁴ Angere J. Die Uralo — Jukagirische Frage. Stockholm, 1956; Крейнович Е. А. Юкагирский язык. М., 1958; Симченко Ю. Б. Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии. — В кн.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968, с. 194—213.

¹⁵ Гурвич И. С. К вопросу об этнической принадлежности древнего населения между Енисеем и Леной. — В кн.: Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (тезисы докладов Всесоюзной конференции). Новосибирск, 1973, с. 105—106.

ствам и сейчас являются исследования, выполненные в 30-е гг. XX в.

Антропологическое изучение ненцев (как европейских, так и зауральских) провел С. А. Шлугер. К сожалению, в полном виде работа не опубликована, имеется лишь предварительный отчет¹⁶. Им были обследованы значительные (для населения Крайнего Севера) контингенты ненцев, которые можно считать представительными для отдельных районов расселения этой народности: это группы больше- и малоземельские (для европейских ненцев) и ямальские — северная и южная. Всего С. А. Шлугером было обследовано более 450 чел. взрослого мужского населения. Материалы по различным территориальным группам ненцев указывают на неоднородность их антропологического типа, причем можно говорить об усилении степени выраженности монголоидных особенностей с запада на восток — в целом ненцы, обследованные в европейской части своего ареала, менее монголоидны по сравнению с ямальскими. Укажем лишь некоторые особенности. Так, ненцы большеземельской и особенно малоземельской группы имеют и меньшую высоту лица и меньшую его ширину. Разграничительное значение величин морфологической высоты лица и скулового диаметра у западносибирских групп очень велико, и здесь наблюдается большой диапазон колебаний этих признаков. Важной измерительной характеристикой, на наш взгляд, является ширина носа. Абсолютная величина этого признака колеблется от 35,0 до 37,9 мм и заметно отличает европейских ненцев от зауральских. В пределах одного этнического массива эти различия означают очевидную неоднородность. Приведем некоторые данные по группам, мм:

	Малоземельская	Большеземельская	Ямальская северная	Ямальская южная
Морфологическая высота лица	121,6	123,9	126,6	127,2
Скуловая ширина	145,0	146,0	148,8	146,3
Ширина носа	35,0	35,2	37,9	37,5

¹⁶ Шлугер С. А. Антропологическое исследование ненцев. — В кн.: Краткие сообщения о научных работах Ин-та и Музея антропологии МГУ за 1938—1939 гг. М., 1941. Материалы С. А. Шлугера из его неопубликованной работы «Антропологический тип ненцев (самоедов) в связи с вопросами этногенеза народов Севера» см. Алексеев В. П. Лесные ненцы. — ВА, М., 1971, вып. 39, с. 61—75.

Если сопоставить приведенные характеристики с данными по другим народам северной части Западной Сибири, то увеличение этих значений в направлении с запада на восток становится еще более заметным. Наши материалы по восточным группам самодийцев — енисейским ненцам, энцам и иганасацам — демонстрируют постепенное «нарастание» выраженности монголоидных особенностей в восточной части ареала расселения самодийских народностей.

В 1962 г. мы провели соматологические исследования среди ненцев Усть-Енисейского района Красноярского края, причем ненцы были обследованы в двух территориальных группах — в поселках Мунгуй и Воронцово. В пос. Воронцово были также собраны соматологические материалы по группе тундровых энцев. Таким образом, усть-енисейские ненцы представлены двумя контингентами: мунгуйским и воронцовским. Из каждой локальной группы было обследовано около 30% выборки. Как показывают средние величины измерительных признаков, обе группы представляют единый комплекс признаков, с чрезвычайно близкими значениями средних. Исключение составляет лишь длина тела: у мунгуйских ненцев она очень мала — 155,8 см для мужской группы; ненцы воронцовские имеют длину тела 158,5 см. Известно, что рост подвержен большим колебаниям в зависимости от внешних условий, чем черепные размеры, и здесь в большей мере сказалась случайность выборки. В целом ненцы усть-енисейские имеют средние размеры головы, при умеренном поперечном диаметре (157 мм), среднеширокое и невысокое лицо (по масштабу размаха этих величин у монголоидных групп — около 130 мм), широкий нос, относительно невысокую кожную часть губы и среднюю толщину губ (см. табл. 2, 4. Прилож. I).

Распределение форм описательных признаков также весьма близко в обеих группах ненцев, поэтому целесообразно дать их общую характеристику (табл. 5—18. Прилож. I).

Из важнейших описательных признаков пигментации отметим значительный процент смешанной окраски радужины, малую частоту № 27 цвета волос (от 7 до 19%) и значительную (около 28%) частоту каштановых оттенков. Волосы преимущественно по форме прямые и мягкие (70%), отмечено 18% волнистых форм. Около одной

трети (33%) взрослых мужчин имеет эпикантус при преимущественно слабом его развитии, складка века развита в средней и дистальной части. Уплощенность лица в половине случаев имеет среднюю (балл 2), а не крайнюю плоскую форму, в выступании скул редки формы сильного выступа, в развитии борозды преобладает средняя степень и балл довольно высок — 1,67.

Рассмотренные признаки группы ненцев Усть-Енисейского района вполне определенно выражают метисный характер антропологического типа и этой крайне восточной группы ненецкого этноса. Приведем некоторые сравнительные данные по зауральским ненцам (см. таблицу).

Ненцы усть-енисейские по сравнению с ненцами Ямала (исследованными С. А. Шлутером) обнаруживают большую долю монголоидной примеси, у них более темная окраска радужины, большая частота эпикантуса, более плоское лицо, более низкое переносье. Лесные группы ненцев, обследованные Г. Ф. Дебецом¹⁷ по нижнему течению р. Таз и В. П. Алексеевым в пос. Тарко-Сале (на р. Пур), имеют, как можно судить, более монголоидный антропологический комплекс. Наши материалы лучше сопоставимы с данными Г. Ф. Дебеца.

Таким образом, имеющиеся данные по антропологии ненцев, бесспорно, выявляют нарастание степени выраженности монголоидных особенностей от европейских ненцев к восточным, западносибирским группам.

Рассмотрим далее антропологическую характеристику энцев. В настоящее время это очень небольшая группа: по переписи населения 1959 г. энцев отмечено несколько более 300 чел.¹⁸

Архивные документы очерчивают в XVII—XVIII вв. значительную территорию, которую занимали родовые группы тундровых энцев между районами расселения и кочевок нганасан на востоке и ненцев — на западе¹⁹. Б. О. Долгих, по материалам 1926—1939 гг., включавшим переписи населения, документы землеустроительных экспедиций, похозяйственные карточки, определил числен-

¹⁷ Дебеч Г. Ф. Селькупы (антропологический очерк). — «Труды ИЭ, новая серия», М., 1947, т. II.

¹⁸ Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970, с. 6.

¹⁹ Долгих Б. О. О родоплеменном составе и расселении энцев. — СЭ, 1946, № 4.

Соматологические признаки зауральских ненцев

Признак	Североямальные, Южноямальные, Обской губы (по Шлугеру)	Тазовские (по Дебецу)	Тарко-Сале (по Алексее- ву)	Усть-Енисейские (по Золотаревой)
Число наблюдений	152—51—55	52	28	70
Цвет глаз	1,53—1,50—1,41	1,42	1,20	1,64
Рост бороды	1,59—1,58—1,89	1,61	1,52	1,67
Эпикантус, % наличия	11,8—20,0—21,0	37,4	42,8	32,9
Складка верхнего века <i>p</i>	1,45—1,86—2,20	1,32	2,21	1,23
<i>m</i>	1,64—2,00—2,20	1,63	2,50	2,19
<i>d</i>	1,65—1,94—2,20	1,63	2,50	2,19
Горизонтальный профиль лица	1,82—1,68—1,80	1,31	1,46	1,61
Высота переносья	1,98—1,94—1,93	1,44	1,50	1,61
Поперечный профиль спинки носа	2,41—2,10—2,09	2,00	1,57	2,10
Вогнутый профиль спин- ки носа	15,2—31,4—27,3	21,2	53,5	37,7
Наклон лба	2,14—2,02—2,13	2,73	1,68	2,37
Развитие надбровья	1,36—1,47—1,71	1,10	2,11	1,46

ность тундровых энцев (хантайских «самоедов») в 238 чел.²⁰ Изучение общественного строя энцев привело исследователей к заключению, что собственно энецкие роды появились на Енисейском Севере позднее ненцев²¹. Не вдаваясь в обсуждение этой специальной проблемы, отметим факт самого отделения энецкого этногенеза от ненецкого.

Антропологические материалы хорошо подтверждают эту концепцию. Энци вполне реально и демонстративно отличаются от енисейских ненцев по своему антропологическому типу, в сторону усиления выраженности монголоидных особенностей. Усиление черт восточносибирского монголоидного комплекса выражается по всем

²⁰ Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири.— КСИЭ, М., 1949, вып. 5, с. 70—85.

²¹ Берг Л. С. О древнем расселении енисейских «самоедов» или энцев.— «Известия ВГО», 1945, № 5; См. также Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан.— В кн.: Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970, с. 187.

признакам диагностического значения: у энцев в сравнении с ненцами более плоское лицо, значительно ниже переносье, выше частота эпикантуса, сильнее развита складка верхнего века; значительна (35%) частота черных, прямых, жестких волос (35%), окраска радужины немного темнее. По измерительным признакам энцы также достаточно резко отличаются от ненецкого комплекса: у энцев заметно большие размеры головы, особенно поперечного диаметра, лицо выше и шире по скуловому диаметру, а также на уровне углов нижней челюсти. У энцев заметно шире нос, выше кожная часть губы.

Таким образом, антропологический тип тундровых энцев совершенно четко отделяет эту группу от ненцев енисейских. Этот факт тем более интересен, что энцы данной территориальной группы живут в одном поселке с ненцами, и этнографические отличия между тундровыми энцами и ненцами все более стираются. Отмеченная устойчивость расового типа такой малочисленной группы, как тундровые энцы, указывает на разные пути образования антропологических комплексов, характерных для ненцев и энцев. Энцы, несомненно, в гораздо большей степени связаны с аборигенным населением северной части средней Сибири, в частности с нганасанами²².

Изучение антропологии нганасан имеет особое значение для изучения и этногенеза, и расогенеза на севере Енисейского края. По свидетельству специалистов-этнографов, прежде всего Б. О. Долгих, нганасаны — одна из самых своеобразных этнических групп Северной Сибири. Вопросам происхождения нганасан посвящены специальные работы, где на основании главным образом архивных документов прослежены основные линии сложения нганасанской народности из различных этнических элементов²³.

Антропологические материалы по соматологии нганасан Таймыра были собраны нами во время экспедиции 1961 г.

²² Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М., 1970.

²³ Долгих Б. О. Происхождение нганасанов — «Труды ИЭ, новая серия», М. — Л., 1952, т. XVIII, с. 15; см. также Васильев В. И., Симченко Ю. Б. Современное самодейское население Таймыра. — СЭ, 1963, № 3.

Нганасаны обследовались в Авамском и Хатангском районах Таймырского национального округа. Работа велась среди авамских нганасан (пос. Авам), наиболее консолидированной группы, куда входили потомки родовых групп Чунанчера, Лианчера, Нгомде, Ньюонде и Нгамтусуо, которые вполне четко назывались не только в 1926—1927 гг., но и во время наших исследований в 1961 г. Группа вадеевских нганасан, потомков бывших родовых объединений Асянду, Кокары, Купчик, Лапсаха, Мойбу и Нерхо, была обследована в Хатангском районе, на фактории «Новая»²⁴.

Характеристика соматологического типа нганасан очень своеобразна и занимает особое место в системе расовых типов Сибири и Азии вообще²⁵. Антропологические материалы приводятся по двум территориальным группам нганасан — авамским и вадеевским, которые имеют и различный родо-племенной состав. Сопоставление характеристик соматологических и антропологических признаков, данных по пигментации, особенностям волосяного покрова и другим указывает на большую близость этих групп нганасанской народности. Следует отметить, что нганасаны вадеевские по некоторым признакам отличаются более резкой степенью выраженности общенганасанского типа: они имеют более низкий рост, еще более крупный поперечный диаметр головы (162,9 мм); большие величины скулового диаметра (у авамских 152,8 мм, у вадеевских 154,8 мм!), нижнечелюстного диаметра (у авамских 119,3 мм, у вадеевских 120,5 мм), еще большую ширину носа. Антропологическая характеристика нганасан в высокой степени специфична и не находит прямых аналогий в известных нам типах современного

²⁴ Перед обработкой антропометрические бланки были просмотрены специалистами-этнографами Б. О. Долгих и Ю. Б. Симченко для правильной разбивки материала по группам, за что автор приносит глубокую признательность.

²⁵ Золотарева И. М. Антропологическое исследование нганасан. — СЭ, 1962, № 6, с. 131—136; Она же. The Khalkha-Mongols and race types of Northern Asia. — In: VIII Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Tokyo — Kyoto, 1968. p. 177—179; Она же. О некоторых проблемах этнической антропологии Северной Азии. — СЭ, 1971, № 1, с. 36—45.

населения Сибири²⁶. Нам кажется существенным подчеркнуть, что в физическом типе нганасан не обнаруживается примеси европеоидных компонентов. С этой точки зрения целесообразно сопоставление нганасан с ближайшими самодейскими группами — энцами и ненцами²⁷.

Антропологическая характеристика нганасан, энцев и ненцев не образует единого комплекса. Отмечается существенное расхождение по важным расово-диагностическим признакам между типом нганасан и ненцев прежде всего и в меньшей мере — нганасан и энцев. Из комплекса описательных признаков были выбраны 10 основных, имеющих наибольший размах вариаций на данной территории: № 27 цвета волос, № 5—8 цвета глаз, балл 1 формы волос, процент эпикантуса, балл 1 роста бороды, низкое переносье (балл 1), балл 1 уплощенности лица, балл 3 выступания скул, сумма баллов (3+4) профиля спинки носа, балл 3 высоты верхней губы.

По важным признакам нганасаны статистически достоверно отличаются от ненцев. Характеристика энцев занимает промежуточное положение, сближаясь с морфологическим комплексом нганасан. Следовательно, самодейское население Енисейского Севера гетерогенно по своему происхождению.

Тундровые ненцы низовья Енисея, имея большую степень монголоидности по сравнению с западными группами этого народа, тем не менее относятся к метисным формам, сочетающим черты монголоидных и европеоидных типов. Очевидно, генезис ненецких групп проходил в западной части их современного расселения и в малой степени связан с Енисейским Севером. Энцы по физическому типу занимают промежуточное положение между ненцами и нганасанами, в большей мере сближаясь с нганасанами.

Древнейшим этносом в данном регионе являются нганасаны, генетически восходящие, вероятно, к самым ранним этническим пластам на этой территории. По своему

²⁶ Подробное обсуждение оценок антропологического типа нганасан исследователями см. Золотарева И. М. Антропологическое исследование нганасан.

²⁷ Золотарева И. М. Антропологическая дифференциация восточных самодейцев. — В кн.: Антропология и геогеография. М., 1974, с. 215—231.

типу нганасаны не могут быть отнесены к уральской расе, так как характеризуются яркой формой монголоидных особенностей. Само же сочетание признаков в антропологическом типе нганасан следует рассматривать как сохранение одного из древних монголоидных комплексов на территории Северной Сибири.

При сопоставлении антропологического комплекса признаков, выявленного у нганасан, с одной стороны, и юкагиров — с другой, отмечается их большая близость по ряду признаков, которые, по нашему мнению, относятся к древнейшим расовым типам на территории Сибири. Представляется несомненным, что в своем генезисе эти типы восходят к единой исходной форме. Можно с достаточной определенностью считать, что этот древний монголоидный антропологический тип характеризовался крупной головой и широким лицом, большой степенью утолщенности лицевого скелета, но умеренным выступанием скулы, весьма низким переносьем, широким носом с хорошо оформленной спинкой в поперечном сечении, сильно развитой складкой верхнего века и эпикантусом, средней толщиной губ, низким ростом. Из признаков, определяющих пигментацию, следует отметить темную окраску волос и радужины глаз. Волосы, однако, умеренно густые.

Некоторую гиперморфность, отмеченную у нганасан (очень большие величины поперечного диаметра головы и скулового диаметра); по-видимому, следует рассматривать как особенности, возникшие в условиях длительной изоляции этой группы.

Таким образом, можно считать реальностью большую близость антропологического типа современных юкагиров и наиболее восточной из самодийских групп — нганасан. Антропологические данные позволяют предполагать еще большую связь этих типов в прошлом, когда они образовывали достаточно однородную антропологическую общность, связанную с древнейшим населением Енисейско-Ленского междуречья.

Глава IV

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ЮКАГИРОВ ПО ФОЛЬКЛОРНЫМ ПАМЯТНИКАМ

Первым исследователем фольклора юкагиров был В. И. Иохельсон, собравший обширный материал во время экспедиционных работ в Верхней Колыме в 1895—1897 гг. Тексты он записал у юкагиров, кочевавших по Ясачной и Коркодону. Эти материалы опубликованы еще в дореволюционное время¹. В сборник вошли 102 текста (с подстрочным переводом на русский язык).

Собранные фольклорные тексты В. И. Иохельсон рассматривал как источник для изучения юкагирского языка. В примечаниях к текстам он сообщает и ценные этнографические сведения. Причем автор указывает, что фольклор тундровых юкагиров остался наименее изученным. Во введении к русскому изданию он пишет, что недостаток средств и трудности сообщения летом 1896 г. не позволили ему поехать в тундру. «По указанным причинам, — подчеркивает он, — у меня оказывается мало записей на тундренном наречии»². В. И. Иохельсон записал у тундровых юкагиров только 4 текста (у одного алазейского юкагира и его сына, живших в устье Омолона). Сам В. И. Иохельсон не владел тундренным диалектом, помогал ему верхнеколымский юкагир А. Долганов, учивший его верхнеколымскому диалекту юкагирского языка.

Недостаток текстов по фольклору тундровых юкагиров восполняют материалы, собранные экспедицией 1959 г. Большая часть фольклорных текстов записана у юкаги-

¹ Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. Образцы народной словесности юкагиров. Спб., 1900.

² Там же, с. XIV.

ров, живущих в Халерчпинской (Западной) тундре и в низовьях Индигирки. Записи производили сотрудники экспедиции юкагиры А. П. Лаптев и Г. Н. Курплов. Более 60 текстов с подстрочным переводом на русский язык хранятся в фондах Архива Якутского филиала АН СССР. Нельзя сказать, что они представляют весь юкагирский фольклор на тундренном диалекте; в этих текстах некоторые стороны материальной и духовной культуры юкагиров не получили полного отражения. Юкагирский фольклор, как и фольклор других народов, не датирует описываемые события. Однако для историка-этнографа эти материалы представляют большую научную ценность.

В настоящей главе рассматриваются фольклорные тексты, записанные у тундровых юкагиров, в качестве одного из источников изучения материальной культуры этого народа. Здесь мы не анализируем язык и стиль, идейное содержание и художественные особенности фольклорных произведений юкагиров, это — предмет особого исследования специалистов-филологов.

Оценивая народное творчество верхнеколымских юкагиров, В. И. Иохельсон писал, что «весьма мало сказок можно назвать произведением исключительно юкагирского фольклора»³. То же самое можно сказать о сказках тундровых юкагиров: сюжеты большинства из них заимствованы из фольклора якутов, русских и других соседних народов. Так, находчивый хитрец якутской сказки «Чарчахан» бытует и в юкагирском фольклоре; только юкагирский Чарчахан обманывает не людоеда Ала Монгуса, а своей хитростью становится обладателем богатства проезжих купцов⁴. Сюжет одной из юкагирских сказок похож на сюжет «Сказки о царе Салтане», в фольклор юкагиров вошла сказка о якутском богаче Харахан тойоне и др. В рукописном фонде содержится немало произведений устного народного творчества юкагиров, где действующими лицами являются цари, «начальники», казаки, священники, князцы и другие должностные лица, которые стали известны юкагирам после прихода русских. Герои юкагирских сказок появляются в городах и дворцах, т. е. в обстановке, о которой юкагиры в дореволюционное время только слышали.

³ Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I, с. III.

⁴ Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 12, д. 24, л. 65—80.

Сказки, рассказы и предания отражают жизнь и быт юкагиров до Октябрьской революции. О тяжелом положении юкагиров в дореволюционное время свидетельствуют архивные документы, а также сочинения путешественников — Ф. П. Врангеля, Ф. Ф. Матюшкина, Г. Майделя, В. И. Иохельсона, С. А. Бутурлина и др.⁵

Устные рассказы самих юкагиров дополняют описанные путешественниками ужасы голода и тех бедствий, которые постоянно сопутствовали кочевникам в снежных пустынях Крайнего Севера, в дебрях тайги и в суровых долинах диких гор. Об этой кочевой жизни рассказал в 1895 г. в своей автобиографии юкагир И. Спирidonов:

— На трехкопильной нарте десять рыб складываем, покрывку для урасы складываем, двух собак впрягаем... Мы тянем с собаками вместе. Так живя, кочуем. Так кочуя, наша еда кончается. Одну куропатку найдя, ее едим все; одного дикого оленя убив, его едим все. Сеть закинем, один хариус попадет, его все едим. Так на завтра (на следующий день.— *З. Г.*) кочуем, переходим. Вечер настанет, сети снова спускаем, лед по пояс стоит. На завтра одного ленька поймали. Его все едим. Потом снова пойдем, в тот день кочуем до вечера⁶.

Картины кочевой жизни ярко показаны в текстах фольклора, собранных сотрудниками юкагирской экспедиции 1959 г.

Если верхнеколымские юкагиры впрягают в парты собак, то, по свидетельству фольклора, тундровые юкагиры кочуют пешком и очень редко используют оленей (рис. 30). Герой одной из сказок, старик Сэмтэнэй, во время кочевки кладет свой чум на нарту из тальника и сам ее тащит⁷. Герои других фольклорных произведений и на охоте, и на войне были пешими. Недаром на тундренном диалекте вместо «Счастливого пути» или «Будь-

⁵ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948; Майдель Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах, т. I. Спб., 1894; Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена. Спб., 1898; Бутурлин С. А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского краев. Спб., 1907.

⁶ Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I, с. 177.

⁷ Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 12, д. 27, л. 2 (очевидно, здесь отражен быт юкагиров до обзаведения оленями).

Рис. 30. Легкая оленья упряжка в тундре.

те здоровы!» говорят «Хорошо ходи», — это было самым лучшим пожеланием.

Верхнеколымские юкагиры, как было описано в XIX в. путешественниками, плавали по рекам на маленьких лодках, а также строили по русскому типу большие лодки-карбасы и пользовались шитыми челноками.

Тундровые юкагиры не знали ни больших, ни малых лодок, по крайней мере, в их фольклоре не упоминается об этих средствах передвижения. Герои сказок преодолевают реки и озера вплавь или при помощи какого-либо волшебства. Самый популярный герой юкагирских сказок — Идильвей (Эдильвей) по рассказам современных юкагиров не имел ни оленей, ни ветки, ходил пешком и перепрыгивал реки⁸. Только его противники-чукчи и храбрец Нелдуде владели оленьим транспортом. У старика Сэмтэнэя была только одна собака, оленей он не

⁸ Только в двух случаях из многих вариантов Эдильвея представляют оленеводом. См. Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 12, д. 27, л. 2.

имел⁹. Герои сказок «Сын Похтыкана», «Два юноши», «Юноша», «Перстневосанная» и другие также не имели ни оленей, ни собак. В некоторых сказках, заимствованных от разных народов, действующие лица в фольклоре ездят на лошадях, на оленях, даже на коровах.

Фольклорный материал дает основание предполагать, что в древнее время юкагиры не знали оленеводства. Но в XIX и начале XX в., как свидетельствуют путешественники, тундровые юкагиры, тесно соприкасаясь с оленеводами, в частности с эвенгами (ламутами) и чукчами, стали заниматься оленеводством. Е. А. Третьякова (родилась в 1883 г.) рассказывает: «Когда я была маленькая, знали только кочевую жизнь... Кочевали за поиском пищи. Со своими оленями кочевали»¹⁰. Другая старая юкагирка рассказала, что «люди (из ее рода) оленей приобретали», имели 1—2 головы. У ее мужа «оленей было мало»¹¹.

Даже в XIX в. оленей имели немногие хозяйства. Домашних оленей забивали только в самых крайних случаях. Кто имел оленей, тот использовал их для передвижения и очень редко в качестве мапщиков.

В связи с этим не совсем справедливым становится категорическое утверждение В. И. Иохельсона о том, что юкагиры Колымского округа «давно лишились своих стад»¹². Когда путешествовал В. И. Иохельсон, верхнеколымские юкагиры из-за тяжелых жизненных условий действительно потеряли свои стада, а юкагиры, кочевавшие по Халерчинской тундре, наоборот, как сказано выше, обзавелись оленями. Из домашних животных кроме оленей в текстах редко встречается собака, но не ездовая.

Значительное место в записанных сказках и рассказах занимают поиски пищи, постоянная борьба за существование. Тяжела эта борьба в суровых условиях Крайнего Севера. В условиях частых голодовок среди как верхнеколымских, так и нижнеколымских юкагиров встречались случаи людоедства, что нашло отражение в их фольклоре.

⁹ Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 12, д. 27, л. 7.

¹⁰ В оригинале написано: «Когда я была маленькой, только кочеванием жили... Ища еды, кочуем. Своими оленьими кочуем». — См. Там же, д. 27, л. 82.

¹¹ Там же, оп. 6, д. 315, л. 439—440.

¹² Иохельсон В. И. Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении. Якутск, 1894, с. 25.

В. И. Иохельсон, говоря о чудовищах-людоедах, описанных в фольклоре верхнеколымских юкагиров отмечал: «Мы имеем следы существования на Севере племен каннибалов, пожиравших пленников или вообще иноплеменников»¹³.

Основным источником существования юкагиров была охота. В фольклорных произведениях много говорится об охоте на дикого оленя. Знаменитый Эдильвей был страстным охотником¹⁴, дикого оленя он пригонял к своему чуму, ловил чаутом, хватал руками¹⁵. В одной сказке сироты (мальчик и девочка) жили отдельно от людей. Мальчик луком и стрелой убивал диких оленей¹⁶. В сказках «Два юноши»¹⁷, «Юноша»¹⁸ и других герои произведений не имели своего стада, а жили охотой на диких оленей. В фольклоре рассказывается, что юноша Нираха поймал диких оленей, приручил их и ездил на нартах, потом отпустил по совету своего дяди¹⁹.

Описывается несколько способов охоты. Убивали луком и стрелой, летом при помощи собак гнали диких оленей в озеро, догоняли их и кололи копьями²⁰. Охотились при помощи оленей-манщиков. Одного прирученного домашнего оленя отпускали к пасущимся диким оленям. Олень-манщик, подойдя к стаду, ложился, дикие олени тоже ложились. Охотник, спрятавшись за вторым оленем-манщиком приближался к стаду на расстояние полета стрелы. Таким способом охотились довольно часто и успешно.

В записанных текстах устного народного творчества юкагиров Халерчинской тундры не упоминается охота на дикого оленя загоном, применявшаяся верхнеколымскими юкагирами в лесной зоне; отсутствуют сведения об охоте на лося и медведя. В юкагирских сказках медведи не трогают людей, они, напротив, являются советниками, учителями и спасителями людей. Жена известного героя

¹³ Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора..., с. V.

¹⁴ Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 12, д. 24, л. 45.

¹⁵ Там же, оп. 6, д. 315, л. 258.

¹⁶ Там же, л. 444.

¹⁷ Там же, д. 27, л. 57.

¹⁸ Там же, л. 73—74.

¹⁹ Там же, оп. 6, д. 315, л. 448.

²⁰ Там же, оп. 12, д. 27, л. 79.

Эдильвея убегала из чукотского плена. От голода и усталости она потеряла сознание. К ней подошел медведь, накормил, посадил на спину и принес в родные места. В пути медведь спросил: «Ты меня не знаешь?» Женщина ответила: «Нет, откуда мне знать?» — «Предки у нас одни»²¹, — сказал медведь. По свидетельству других фольклорных произведений, женщины имели медведя-сожителя. В сказке «Как появился Птичий род» женщина от медведя родила мальчика²². В другой сказке одна женщина заблудилась. После долгого скитания она нашла берлогу, где стала жить с медведем и также родила ребенка²³. В другом произведении подобного сюжета девушка родила «шерстистого ребенка»²⁴.

Мальчик сирота по имени Пираха хотел убить медведя.

А медведь спросил:

— Ты знаешь меня?

— Нет, — ответил мальчик.

— Откуда ты можешь знать. Мы же из одного предка... Не будем бояться друг друга²⁵.

Медведь помогал советами, тренировал и сделал его сильным, быстрым и ловким. Тундровые юкагиры рассказывают, что Гусиный (Эрбэтский) род происходил от потомков Корэла, который родился от женщины и медведя²⁶.

Наиболее распространенной была охота на куропаток. Если охота на дикого оленя являлась прежде всего делом мужчины, то на куропаток могли охотиться старики, женщины и дети. Однажды, говорится в сказке, мальчик и девочка шли по тундре. Люди кочевали далеко, а они были голодны. Мальчик увидел куропаток и сказал сестре: «Экэ, проснись! Смотри, куропатки бегают...». Сестра попросила: «Подожди, остановись! Волосы у меня длинные, сошьем нитки и поставим петли». Так они и сделали, ста-

²¹ Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 6, д. 315, л. 271.

²² Там же, л. 323.

²³ Там же, л. 370.

²⁴ Там же, оп. 12, д. 24, л. 89.

²⁵ Там же, оп. 6, д. 315, л. 445.

²⁶ Там же, л. 32 (л. 421). В. И. Иохельсон считает, что Гусиным род у юкагиров назывался потому, что их древний шаман летал вместе с птицами. См. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора... с. 215. Современные юкагиры на вопрос: «Почему называют Гусиным родом?» отвечают: «Если называть Медвежьим родом, как-то неудобно».

ли ловить куропаток и питаться ими²⁷. В другой сказке жена старика Сэмтэнэй сучила нитки, а Сэмтэнэй из этих ниток делал петли и ловил зайцев и куропаток²⁸. Юкагирка М. И. Горулина рассказывала в своих воспоминаниях, что летом окружали липших гусей и убивали их²⁹. В фольклорных текстах нет подробных описаний занятий юкагирами рыболовством. Только юкагирка Е. А. Третьякова сообщает: «Летом такое время... настанет, только рыбу преследуя, кочуем»³⁰, т. е. кочевали по местам, где ловили рыбу. Вероятно, в летнее время рыболовство у тундровых юкагиров занимало не последнее место.

Орудиями охоты и рыболовства также служили тальниковые сети (сети из конских волос распространялись по мере усиления обмена с якутами), охотничьи ножи и топоры, а с XIX в. — кремневое ружье. Дедушка рассказчицы М. А. Горулиной убивал диких оленей кремневым ружьем. В текстах фольклорных произведений не встречаются многочисленные ловушки, кляпцы и «пастышки», которые удалось видеть известному путешественнику Ф. П. Врангелю в 20-х гг. XIX в. на берегах Малого и Большого Анюев.

Основу пищи тундровых юкагиров составляло мясо дикого оленя и куропатки. В летнее время стол разнообразили мясом липших гусей, рыбой и ягодами. Оленину и рыбу потребляли в вареном и мороженом (сыром) виде. Съедались также хрящи, костный мозг, копыта, молодые отростки рогов, желудок, кишечник, печень — все внутренние части животного. Большим лакомством считалась кровь. Пили кровь в свежем виде, варили в воде и т. д. В сказках упоминаются каменные котлы, в которых варили мясо³¹.

В безлесной тундре кочевники не могли строить жилище из коры лиственницы и из бревен, как это делали верхнеколымские юкагиры. Их соплеменники в Халерчинской тундре, говорится в фольклорных произведениях, строили чум (ураса) из шкуры диких животных, из таль-

²⁷ Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 6, д. 315, л. 442—443.

²⁸ Там же, оп. 12, д. 27, л. 1.

²⁹ Там же, оп. 6, д. 315, л. 439.

³⁰ Там же, оп. 12, д. 27, л. 82.

³¹ Там же, оп. 6, д. 315, л. 439.

ника и веток. В одной сказке брат и сестра строят шалаш из веток³².

Мальчик этот хорошим охотником стал, дикого оленя всегда убивал. Сестра сказала:

— Жилище из шкуры сделали бы. У нас иглы нет, сделай!

— Из чего иглы делают? — спросил ее брат.

— У диких оленей в мышечной мякоти тонкие кости есть. Я видела, как люди из этого делают, — ответила сестра.

Мальчик стал делать много игл, заготовил шести и сделал остов чума. Сестра из шкуры диких оленей сшила покрывку чума³³.

По-видимому, были распространены и полуземлянки (типа якутского холомо), обложенные дерном. Герой сказки Дорбу лежал в своем жилище. Приходит черт к нему и говорит:

— Дорбу, выходи, я съем тебя.

Дорбу ответил:

— Если хочешь есть меня, то войди.

Черт копал, копал, но войти в жилище не смог³⁴.

В одном из вариантов жизнеописания героя Эдильвея говорится о том, как однажды его жилище окружили чукчи, а он выскочил через дымовое отверстие. Причем в сказке уточняется, что «верхнее дымовое отверстие широким было, низеньким было»³⁵.

В фольклоре подчеркивают разницу между жилищем юкагиров и чукотской ярангой. Сказитель, повествуя о деяниях Эдильвея, подчеркивает: «Чукотский дом большой бывает»³⁶. Такие указания встречаются часто и в других произведениях устного народного творчества.

В собранных материалах можно обнаружить следы многоженства и эндогамии в брачных отношениях, матрилокальность брака. В сказке «Утакая» говорится, что старуха жила со своим сыном. Потом ее сын уходит за своими сестрами и женится на младшей сестре³⁷. В опубликованной В. И. Иохельсоном сказке «О лунном лице» женятся брат и сестра. Как видно, экзогамия у юкагиров соблюдалась не всегда строго.

³² Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 6, д. 315 л. 444.

³³ Там же.

³⁴ Там же, л. 392.

³⁵ Там же, оп. 12, д. 24, л. 48.

³⁶ Там же, л. 49.

³⁷ Там же, оп. 6, д. 315, л. 389.

Из легенд об Эдильвее известно, что он имел двух жен. Однажды за ним погналось много людей. Когда его догнали, он, «защищая свою жизнь, убил семнадцать человек. Остался один человек. Этот человек и Эдильвей один день и одну ночь копьями бились». Его жены послали племянника (сына сестры Эдильвея), с ним отправился один юноша-сирота. Когда они пришли на место битвы, великий герой Эдильвей «был весь в щене», он обессилел. Племянник вступил в борьбу и сломал противнику Эдильвея бедро. Тот сказал Эдильвею: «Если бы знал, что у тебя есть сын, то давно бы порезал твои сухожилия... Пока не остыл, убей скорее меня». Когда его убили, то увидели, что это женщина. Эдильвей сказал: «...Дошел до того, что от женщины потерпел поражение». Эдильвей возвратился домой и младшую жену отдал юноше-сироте³⁸. Очень интересна для понимания семейно-брачных отношений и такая сказка. Сироту Хабану взял к себе его дядя Чайлэру. Жена дяди была и не кормила Хабану. Он голодал, рос медленно, был худым и маленьким. Однажды Хабана пошел искать себе жену. После долгих скитаний, пришел к одному старику.

Старик своей старшей дочери сказал:

— Эней, я к тебе хочу обратиться.

— Что, отец?

— Этого человека не попросим ли тебе в мужья?

— Фу, неужели я живу, чтобы выйти замуж за такого человека? — ответила на это его дочь.

Через некоторое время старик обратился к младшей своей дочери:

— Лайбуо, я хочу вымолвить тебе слово.

— Отец, что такое?

— Не возьмем ли этого человека тебе в мужья?

— Фу, что это такое! — сказала она и даже пинала этого человека.

Хабана пошел дальше. Он пришел к брату старика. Тот сказал:

— Я двух дочерей имею и одного мальчика... Оленей у меня много, не можем держать. Если бы ты согласился, я с удовольствием бы оставил у себя зятем.

Он, как первый старик, обратился к одной своей дочери, та ответила:

— Фу, некрасивый на вид.

А вторая согласилась выйти замуж за Хабану. Хабана остался у них, он вырос и стал сильным и хорошим бегуном³⁹.

³⁸ Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 6, д. 315, л. 431 — 432.

³⁹ Там же, л. 316—317.

Здесь мы видим не отработку за невесту, встречающуюся у юкагиров, коряков и чукчей. Хабана остался в хозяйстве невесты потому, что нужен был работник.

Матрилокальность встречается и в других фольклорных произведениях. Но накануне Октябрьской революции древние обычаи уже не имели широкого распространения. Об этом свидетельствуют воспоминания юкагирок М. А. Горулиной и Е. А. Третьяковой. Они переехали к своим мужьям, даже не зная их. Если в сказке три девушки отказались выйти замуж за Хабану вопреки воле своих отцов, то положение авторов воспоминаний было совершенно другим. Е. А. Третьякова жила у Куриловых далеко от своих родителей. Дядя выдал ее замуж, не спрашивая ее согласия⁴⁰. М. А. Горулину выдали замуж тоже без ее согласия. «Несмотря на мои нежелания, люди начали сватать. Увезли. Раньше никогда не видела этих людей»⁴¹, — вспоминала она. Когда умер первый муж, ее выдали замуж второй раз. «Мой отчим, — рассказывала Е. А. Третьякова, — не спрашивая меня выдал. Что поделаю, опять же мой отец, как же не послушаюсь»⁴². Здесь нет ни эндогамии, ни матрилокальности, ни отработки за невесту, нет и прежней свободы женщины в выборе мужа.

Фольклорные материалы проливают свет также на общественные отношения юкагиров. В глубокой древности уважением пользовался хороший охотник, воин-кормилец, защитник рода и своей семьи. «Жил старик, хороший охотник, человек по имени Эдильвей, — говорится в легенде. — Своей добычей он кормил и других, поэтому люди всегда следовали за ним. Тогда хороший охотник становился начальником, что он скажет, так и делали»⁴³. Даже в позднее время бедные семьи ходили за хорошими охотниками. Как рассказал Е. И. Курилов (родился в 1878 г.), не все юкагиры умели дрессировать оленя и готовить из него манщика. Таких охотников с манщиком было всего 1—2 чел. За ними ходили остальные семьи. Если увидят диких оленей, то дают охотнику знать. Он с манщиком убьет оленя и всем разделит мясо. Он не ска-

⁴⁰ Там же, оп. 12, д. 27, л. 82, 83.

⁴¹ Там же, оп. 6, д. 315, л. 439.

⁴² Там же, л. 441.

⁴³ Там же, л. 325.

жет: «Мною убитое пусть не едят, все время будет делить», — заключает рассказчик. После поколки оленей в озерах также делят все, в том числе шкуры убитых зверей⁴⁴.

В фольклорных материалах тундровых юкагиров отражена жизнь патрилокальных семей. Кочуют они отдельно или группами. В более позднем фольклоре известно имущественное и социальное расслоение. Так, в сказке «Хабата» богатый человек с батраками ездил на оленьих нартах за золотом, чтобы разбогатеть еще больше. Это произведение отражает жизнь юкагиров позднего времени, когда среди них появились богатые и батраки.

После прихода русских царская администрация поставила во главе юкагирских родов старост, иногда их называли князьями или родоначальниками. В рассказах и легендах говорится в основном о русских начальниках и якутских князьях, юкагирские князцы называются только дважды. В одном случае на горах Алазея князец заставил бить юкагира Ичена (о нем речь будет идти дальше)⁴⁵, а в другом описывается приезд юкагирского князца в город к якутскому голове⁴⁶.

В двух рассказах повествуется о шаманах. В одном из них (о шамане Ичене) говорится: «На стойбище, в самом заднем жилище, в урасе (*тордохе*) Ичен со своей женой жил». Он все время лежал, становился шаманом. Соседи говорили, что он лежит от лени. За это князец сначала заставил его шаманить, а затем приказал бить тальником. Шаман умер, и умерли все люди в тордохах, стоявших впереди его жилища, а некоторые превратились в гагар⁴⁷. В другом рассказе к одному шаману приехали на собачьей нарте и хотели отобрать у него бубен. Но шаман своим волшебством накормил их собак тюленем, зубами схватил белого медведя, показал и другие фокусы; тогда ему сказали: «Твой бубен не возьмем, камлай до

⁴⁴ Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 6, д. 27, л. 78—79. По обычаю верхнеколымских юкагиров шкуры убитого зверя обязательно достаются охотнику.

⁴⁵ Там же, д. 315, л. 422а.

⁴⁶ Там же, л. 433—434.

⁴⁷ Там же, л. 422а—423.

самой смерти»⁴⁸. К сожалению, эти факты не являются достаточным основанием для характеристики социального положения шаманов.

Если по фольклорным источникам верхнеколымские юкагиры в столкновениях с коряками и другими племенами захватывали пленных и превращали их в рабов, то в записанных текстах сказок, рассказов и легенд тундровых юкагиров рабы и пленные не встречаются. Наоборот, в них говорится о том, что чукчи захватывают юкагирских женщин и детей, превращают их в работников. Так, известный герой юкагирских легенд Эдильвей воевал с чукчами. Среди них встретил увезенных чукчами в плен юкагирских мальчиков и старую женщину, он их освободил и привел с собой⁴⁹. Однажды чукчи захватили его сестру и еще одну девушку, в другом походе чукчи захватили его жену; всех они превратили в рабынь⁵⁰. В одной сказке якут приехал на лошади к старушке, живущей с тремя сыновьями, и увел ее сыновей, а потом мать якута заставила их чистить навоз в хотопе (хлеве)⁵¹.

* *
*

Таким образом, фольклорные материалы тундровых юкагиров отражают их отсталую дореволюционную материальную культуру, примитивные орудия труда и пережитки матрилокального брака в семейных отношениях. Под влиянием соседних народов — эвенков, чукчей, якутов, русских — юкагиры приобщились к оленеводству, более широко стали пользоваться такими орудиями труда, как железные топоры и ножи, волосяные сети, огнестрельные ружья и т. п. Отдельные группы юкагиров были ассимилированы эвенками и русскими.

Коренные изменения в материальной культуре и общественной жизни юкагиров, происшедшие после Октябрьской революции, отразились в их современном фольклоре.

⁴⁸ Там же, л. 424—425.

⁴⁹ Там же, оп. 12, д. 24, л. 54—56, 60—61; оп. 6, д. 315, л. 260—261, 330, 409—411.

⁵⁰ Там же, оп. 12, д. 24, л. 49; оп. 6, д. 315, л. 266.

⁵¹ Там же, оп. 6, д. 315, л. 383—384.

Юкагирка М. И. Горулина, сравнивая дореволюционный быт с советским, говорила: «Спичек, чая не было, пользовались только огнивом. Тарелок, ложек, котлов не было, ели чем пошало, так. Деревянные миски, деревянные, роговые ложки были». Звучит ее радость и восторг, когда она говорит, что ее дети «за нею ухаживают, как за своим ребеночком»⁵².

Об огромных изменениях в жизни юкагиров и других народов Севера рассказывает юкагир Н. Т. Трифонов:

Помню, очень бедные мы были. наших оленей было три. Моя мать, нас воспитывая, у богачей батрачила. По целому дню работала. У богачей [вот что] делала: дрова заготовливала, воду носила, оленей стерегла. Кроме того, многое другое делала... Вот мой отец в то время у начальников батрачил: у князцов, у голов как слуга (в качестве человека) ходил. Кто богаты были, очень хорошо жили, бедные люди плохо жили. В то время пищи не привозили. Одной хлебной крошки даже не бывало... нужных вещей не привозили... В тундре жившие люди совсем ничего не знали, скажем, дикому оленю подобно ходили.

Н. Т. Трифонов вырос, стал охотником и оленеводом, но не освободился от эксплуатации баев и князцов. И вот установилась Советская власть.

Эту власть взявши, — продолжает он, — меня в совет избрали, с теми меня бывшими богачами [я] сурово разговаривал. Скажем, жизнь людей в сравнении с прежней теперь хороша стала. Пища, одежда — все улучшается (вверх идет), умножается. Теперь говорим, кто хорошо работает, [тот] хорошо одевается, хорошо питается, кто плохо работает, плохо питается — [это] работать не желающий человек⁵³.

Юкагиры в содружестве с другими народами подняли свою культуру, перестроили быт и живут в настоящее время лучше, чем когда-то мечтали в своих сказках и легендах.

⁵² Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 6, д. 315, л. 438—441.

⁵³ Жизнь юкагира Н. Т. Трифонова. Приложение к книге Е. А. Крейновича «Юкагирский язык». М.—Л., 1958, с. 262—267 (перевод с юкагирского Е. А. Крейновича).

Глава V

НАРОДНЫЕ ТАНЦЫ ЮКАГИРОВ

Как свидетельствуют этнографы, от самобытной юкагирской культуры уже к концу XIX в. сохранились только язык и фольклор. Сведения о народных танцах и связанных с ними обрядах и обычаях юкагиров были зафиксированы весьма скудно и отрывочно. Мы попытались собрать материалы о народном танце юкагиров и предприняли попытку реконструировать его, сравнивая с танцами соседних народов. Наблюдения над исполнением народных танцев юкагиров и сбор соответствующих материалов проводились в 1959 и 1964 гг. Обследовались Нижнеколымский, Верхнеколымский и Аллаиховский районы Якутской АССР — основные места расселения юкагиров, в которых, по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1959 г., проживало 90% общего количества юкагиров республики.

Народный танец ведет свое начало с глубокой древности. В нем находят художественное отражение самые разнообразные стороны жизни народа: производственная деятельность и мировоззрение. Лежащие в основе танца разнообразные телодвижения, жесты связаны с трудовыми навыками человека, его эмоциональными впечатлениями об окружающем мире.

Плясками были насыщены магические обряды, которые совершались у священных скал. Эти обряды посвящались размножению и магическому убиению животных, росту растительного и животного мира, удаче в охоте, рыбной ловле и др. Исполнители подражали движениям изображаемых реальных или фантастических образов, на которых нужно было воздействовать. Подробные описания

таких обрядов у некоторых народностей северо-востока Сибири содержатся в работах А. Ф. Анисимова, Г. М. Василевич и др.¹

К сожалению, достоверных материалов об обрядах, праздниках и плясках юкагиров, относящихся к XVII—XVIII вв., мы не имеем. По своему содержанию этим обрядам соответствуют древние наскальные рисунки, на которых часто изображались разнообразные сцены охоты. О наскальных антропоморфных изображениях акад. А. П. Окладников высказал мнение, что «эти изображения отличаются одной специфической особенностью: они имеют специфический изгиб туловища, придающий им сходство с сидячей или танцующей фигурой»². Таким образом, можно предположить о существовании у юкагиров в древности обрядов, неотъемлемой частью которых были пляски.

К моменту прихода русских и появления письменных источников и вплоть до конца XIX в. у юкагиров сохранялся родоплеменной строй³. «Весной племена тундры сходились на общеплеменные весенние торжества — игрища, по-юкагирски называемые шахадзиба, где проводили время в пении, плясках, играх и состязаниях. Шаманы камлали, приносили жертвы духам, воины рассказывали о боевых подвигах и промысле.

...Для этого юкагиры строили плоты, на которых сплывали к устьям рек, где устраивались племенные сходбища»⁴.

Для конца XIX в. В. И. Иохельсон отмечал, что «с приездом юкагиров река Ясачная у Верхнеколымска оживляется, берег покрывается кощическими урасами, парни и девушки по целым дням ведут круговой танец»⁵.

¹ Анисимов А. Ф. Представление эвенков о шингках.— «Сборник МАЭ», М.—Л., 1960, т. XII; Василевич Г. М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков.— «Сборник МАЭ», М., 1957, т. XVII.

² Окладников А. П., Запорожская В. Л. Ленские писаницы. М.—Л., 1959, с. 95.

³ Антропова В. В. Военная организация у народов крайнего северо-востока Сибири.— «Сибирский этнографический сборник», М.—Л., 1957, ч. II., с. 144—145.

⁴ Окладников А. П. История Якутской АССР, т. I. М.—Л., 1955, с. 126.

⁵ Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону.— «Известия РГО», Спб., 1898, т. 34, вып. 1-2, с. 274.

Интересные сведения о том, что юкагиры — страстные любители музыки, мы находим у Ф. П. Врангеля⁶. Однако в этом раннем сообщении, относящемся к 1821 г., нет никаких разъяснений о том, что и как исполнялось.

Только в конце XIX — начале XX в. В. И. Иохельсон, участник Сибиряковской и Джузепповской экспедиций, во время которых он занимался всесторонним этнографическим изучением юкагиров и коряков, оставляет более содержательные упоминания о состязаниях, плясках и играх этих народов. В своей работе «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» он указывает, что «юкагиры очень жизнерадостный народ, любят веселиться. Когда молодые люди начинают танцевать один за другим, то старики и дети, здоровые и больные, в особенности старухи, начинают присоединяться к ним и так продолжается до тех пор, пока жители деревни все не начнут танцевать»⁷. Наблюдая исполнение танцев юкагиров и их соседей, В. Иохельсон отмечал, что «танцы современных юкагиров представляют смесь между круговыми танцами тунгусов, с движениями, подражающими животным, как танцы у коряков и чукчей. Круговые танцы напоминают тунгусские.

Танцоры, мужчины и женщины, рука об руку, но без особого определенного порядка, образуют круг и, топая ногами, начинают медленно двигаться справа налево по солнцу... и дальше... Движения, сначала медленные, становятся быстрее: круг вращается с большой скоростью. Постепенно другие лица захватываются танцами, старики и старухи образуют круг; дети и дряхлые люди, которые стояли в стороне, наблюдая, начинают ударять в землю пяткой, подражая танцорам»⁸.

Описание движения юкагирского танца, оставленное В. И. Иохельсоном, дает возможность установить, какие элементы сохранились в современном юкагирском танце от танца, бытовавшего у них в прошлом.

⁶ Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. Л., 1948, с. 219.

⁷ Iochelson W. The Jukaghir and the Jukaghirized Tungus.— In: The Jesup North Pacific Expedition. Memoir of the American Museum of Natural History, vol. IX. N. Y. — Leiden, p. XXXIV—XXXV.

⁸ Там же.

В то же время трудно согласиться с В. И. Йохельсоном, что танцы юкагиров заимствованы у тунгусов, коряков и чукчей, так как исследователь не дает сравнительного анализа танцев всех этих народов. В. И. Йохельсон отрицал наличие у юкагиров своего традиционного танца или хотя бы даже варианта кругового юкагирского танца. Он считал все их танцы заимствованными на основании того, что они массовые, хороводные, подражательные и что направленные движения у всех танцев по ходу солнца.

Но если обратиться к анализу движений танца, манерам исполнения, можно сделать вывод, что у каждого народа, эвенков, эвенов, юкагиров и чукчей, как в прошлом, так и в настоящее время есть свой вариант танца, а у некоторых даже несколько вариантов.

Дошедшая до нас пляска юкагиров хранит в себе, очевидно, сравнительно поздние «па» ног и движения других частей тела. Безусловно, постоянные контакты юкагиров с соседними племенами способствовали взаимообогащению танцев. Но юкагиры принимали от соседей лишь то, что соответствовало их укладу жизни и быта и сложившейся традиции. Сравнивая описания движения юкагирского танца Йохельсона с нашими наблюдениями, мы убедились, что изменения основного движения танца юкагиров за это время не произошло.

В. И. Йохельсон в 1909 г. так описывал юкагирский танец: «Весь танец состоит из четырех «па». Сперва левая нога двигается по земле налево, после этого правая нога тем же движением продвигается к левой и, наконец, танцор ударяет о землю дважды обеими подошвами, ставясь на полупальцы и не двигаясь с места»⁹.

Нами в 1959 г. в пос. Нелемное Верхнеколымского района зафиксировано следующее основное движение юкагирского народного танца:

- на «раз» сделать легкий прыжок влево по кругу на полупальцы левой ноги, правую ногу приподнять и подвести к левой, на полупальцы, одновременно опуститься с полупальцев на обе стопы ног, носки и пятки вместе;
- на «и» подняться на полупальцы обеих ног;
- на «два» опуститься с полупальцев на обе стопы ног;
- на «и» подняться на полупальцы обеих ног.

⁹ Yochelson W. The Yukaghir..., p. 129—130.

Таким образом, основное движение танца осталось неизменным. И то, что видел Иохельсон 60 лет тому назад, сохранилось до наших дней. Зато исполнение этого движения, ритм и темп танца изменились.

Если четыре «па» движения юкагирского танца, описанные В. Иохельсоном, разложить на такты, то размер такта будет $4/4$; само движение исполнялось без отрыва ног от земли. В настоящее время размер исполнения движения танца $2/4$. Движение исполняется с легким прыжком, пружиня в коленях. Причем темп исполнения быстрый, затем он доходит до очень быстрого и, если бы не отстукивание стопами о землю, то казалось бы, что весь круг почти висит в воздухе. Такое исполнение требует большой слаженности и чувства ритма. Этим объясняется то, что юкагирский танец танцуют не более 20 чел.

Иохельсоном записаны отдельные слова пения, сопровождающего танец: «heuo-heuo» и «he'ke-поко». («Тунгусские юкагиры, — пишет Иохельсон, — не знают их значения и считают их чистым звукоподражанием».)¹⁰

{Нам удалось записать со слов юкагира П. И. Турпапова (пос. Нелемпое) отдельные запевы к танцу: «эрахатхля жохутхля» (повторяется 2, 3 раза) и «этхлеугэгэ» (3 раза). Слова произносятся запевалой, а затем повторяются всеми исполнителями танца. Это призыв ко всем желающим встать в круг. По словам П. И. Турпанова, есть еще один запев к танцу, он звучит так: «Талэ-талэ-ку, талэ-талэ-ку, Ала найде галику» (2 раза). Все эти отдельные слова перевода не имеют, значение их никто не мог объяснить.

Слова произносятся и повторяются до тех пор, пока не образуется замкнутый круг. Как только круг замкнулся, все участники издают голосом придыхательные звуки «hm», «ha». Танцующие как бы подготавливают себя к новому движению, внутренне собираясь, ритм танца убыстряется. Среди исполнителей паходятся один или два человека, которые искусно имитируют различные звуки, издаваемые птицами и животными. И в то время, когда круг вращается, они выкрикивают отдельные подражательные звуки, иногда два человека на отдельных звукоподражаниях устраивают переключку птиц или животных.

¹⁰ Там же, с. 129.

Таким образом, юкагирский народный танец, как и танцы их соседей, сопровождался отдельными звукоподражаниями, ритмическими придыханиями, возможно хорканьем. Песен-импровизаций, как правило, не бывает. Основу танцевального сопровождения любого танца составляет ритм, а у юкагиров ритм прослеживается особенно четко, он создается от ударов стоп о землю, от подвесок на костюме и переднике. Слова, сопровождающие танец, по всей вероятности, являются более поздними по происхождению; возможно, они заимствованы от эвенков и чукчей.

Приведем описание юкагирского народного танца с запевом, сделанное нами в пос. Нелемное Верхнеколымского района Якутской АССР.

Начало танца простое: переступание с ноги на ногу. Ведущий, взявши под руки стоящих рядом, начинает заводить танец на «раз» вместе со словом «эрэхат»... Исполнители делают шаг левой ногой влево по кругу, корпус наклоняется влево, правая нога чуть отрывается от земли. На «два», слог «хля», тяжесть корпуса переходит на правую ногу, левая нога чуть отрывается от земли. Как только образовался замкнутый круг, все участники переходят на придыхательные звуки «һм», «һа» и начинают делать основное движение юкагирского танца: легкие перескоки и удары стоп, описанные нами выше.

Кроме основного кругового танца В. Иохельсон отметил паличие у юкагиров танца «Лебедь». В этом танце в центре круга имелась сольная пара, которая представляла любовную пару — лебедя и лебедку. Весь круг вращается по ходу солнца вокруг этой центральной пары. Центральная пара проделывает свои самостоятельные движения, не связанные с общим кругом, а именно «лебедь кружится кругом лебедки, поднимая попеременно то правое, то левое крыло (т. е. руку), в то время как лебедка старается избежать его прикосновения»¹¹.

По мнению В. Иохельсона, этот танец преобразован из кругового танца. По имеющимся у нас материалам можно предположить, что в прошлом у юкагиров, как и у их соседей, существовали отдельные движения, подражающие птицам. Эти движения вполне могли существовать и исполняться в качестве самостоятельного парного танца.

¹¹ Iochelson W. The Jukaghir..., p. 129—130.

Со слов юкагирки Е. И. Долгановой (пос. Нелемное) мы записали следующее предание о такого рода танцах: «В прошлом у нас был танец “Лебедь”, танцевали его два человека — обычно женщины. Они становились рядом, проделывали поочередно взмахи то правой, то левой рукой, подражая взмахам крыльев. Головой проделывали резкие движения, забрасывая ее то вправо, то влево, как лебедь своей шеей, а голосом подражали разным звукам, издаваемым лебедем; то трубному пению, то звукам “ганг-гонг”, то шипящим “кли-кли-кли”. Ноги в танце участия не принимали». Все это дает право утверждать о существовании такого танца в прошлом. Наблюдая за лебедем, юкагиры перенесли в свой танец его движения крыльев и звуки пения. Предание о бытовании в прошлом танца «Лебедь» подтвердили также юкагиры А. И. Турпанов, М. Лихачева и др. Подтверждение бытования этого танца мы находим и в современном народном юкагирском танце, который исполняется в Верхнеколымском районе в пос. Нелемное.

Юкагиры называют свой хоровод «Лонгдол», что в переводе на русский язык означает танец. По нашему мнению, современный юкагирский народный танец образован из двух бытовавших в прошлом танцев: хоровода — в дальнейшем мы будем его называть «Лонгдол», и из парного танца «Лебедь».

В современном юкагирском народном танце «Лонгдол», в отличие от эвенского, чукотского, якутского танцев, в центре хоровода танцует пара солистов. Весь круг танцующих проделывает ногами описанное нами движение, корпус и руки приподнимаются четко, чуть вверх с подъемом ног на полупальцы и опускаются вниз одновременно с опусканием на стопы. Движения сольной пары переосмыслены, они хранят некоторые следы подражания взмахам крыльев, но поэтичность, лирика, ухаживание лебедя за лебедкой потеряны. Старики, говоря об этом, подтверждают, что центральная пара в танце существует с давних пор. Молодежь, исполняющая сольную партию, считает, что пара изображает охотников, которые показывают способности охоты и рассказывают о своих успехах.

Сольную пару с основным кругом танцующих связывает один и тот же ритм, размер и темп танца. Когда солисты заканчивают показ отдельных движений, имитирующих действия охотника, повадки животного или птицы,

Рис 31. Юкагирский танец «Лонгдол». Положение рук и ног.

они становятся в общий круг. Тогда выходит новая пара или танец заканчивается.

В Нижнеколымском районе юкагиры с давних времен находились в тесном контакте с чукчами и эвенками, частично с якутами и русскими. По собранным материалам, в исполнении движения танца и его характере ясно прослеживаются элементы движения чукотского танца, и только у некоторых юкагиров сохранилась память о существовании народного юкагирского танца с наличием в центре пары. Но каковы были движения этого танца, они не знают и не могут воспроизвести, заявляя: «Сейчас мы танцуем по-чукотски».

В Нижнеколымском районе все знают о существовании танца «Пичгэйн'эн», что в переводе с чукотского языка на русский означает 'горлом кричать'. Танцуют его чукчи вместе с юкагирами, но чукчи считают его своим народным танцем. Движения этого танца исполняются на расслабленных ногах, с расслабленным корпусом. По выражению чукчи Н. И. Таврата, «у танцующих нет костей».

При исполнении танца «Пичгэйн'эн» для начала собирается небольшое количество людей, образуется круг. Положив руки друг другу на плечи, танцующие корпус

наклоняют чуть вперед, голова полуопущена книзу, в коленях ноги чуть согнуты. Движение начинается влево по кругу. На «раз» сделать небольшой шаг влево левой ногой, ступня повернута вправо вовнутрь, левое плечо повернуто вправо по направлению в центр круга, правая нога приставляется к левой на невысокие полунальцы, с небольшим акцентом (ударом) о землю, пятка ноги чуть приподнята, в колене нога расслаблена. На «два» делается небольшой шаг вправо правой ногой, ступня правой ноги повернута влево, левая нога приставляется к правой на невысокие полунальцы, чуть ударяя носком о землю, в колене нога расслаблена, правое плечо повернуто налево по направлению центра круга. Одновременно поворачивается голова направо и налево. Запев чукотского танца состоит из хорканья (подражание различному храпу оленей на разные голоса).

Рис. 32. Сольная пара из юкагирского танца «Лонгдол». Федора Слепцова и Панкратий Турпанов (Верхнеколымский р-н).

При сравнении юкагирского танца «Лонгдол» с чукотским танцем «Пичгэйн'эн» отчетливо прослеживаются различия и в самих движениях, и в манере исполнения, и в сопровождении.

Юкагиры, проживающие в Нижнеколымском районе, восприняли, по-видимому, чукотский народный танец, сохранив память о существовании юкагирского танца. Такую же картину мы наблюдали в Аллаиховском районе, где юкагиры с давних времен ассимилировались эвенками. Они танцуют эвенский танец «Һэдэ», забыв о существовании своего национального танца. Эвенский танец «Һэдэ» в разных районах имеет свой вариант, и ни один из них не похож на танец юкагиров.

Таким образом, лишь небольшая локальная группа юкагиров, проживающая в Верхнеколымском районе по рекам Нелемной, Ясачной и Коркодону, сохранила в своем танце движения, присущие юкагирскому танцу только этой группы юкагиров.

До сих пор у юкагиров сохранилась традиция встречать пробуждение весны. Молодежь, старики собираются вечером чаще всего в клубе, иногда возле него, исполняют современные танцы. Влияние русских балльных танцев огромное. На всех вечерах преобладает исполнение русских танцев, вальса, польки. Народный юкагирский танец «Лонгдол» исполняется один или два раза за вечер, но в него включаются все присутствующие с большой охотой.

На сцену колхозного клуба в репертуар танцевальных кружков самодеятельности вошли танцы: якутский, юкагирский, танцы стран народной демократии и др. В связи с подготовкой к I Республиканскому фестивалю молодежи в 1959 г. участники танцевального коллектива Верхнеколымского района создали сценическую постановку юкагирского танца «Лонгдол» и привезли в столицу республики. Танцевальный коллектив за исполнение юкагирского танца получил высокую оценку у зрителей г. Якутска и был награжден Дипломом первой степени.

Работа танцевального коллектива художественной самодеятельности Верхнеколымского района положила начало широкой популяризации народного юкагирского танца. Изучение народного танца в современных условиях развивает базу для развития художественной самодеятельности.

Изучение такого частного вопроса культуры, как народные традиционные танцы, несомненно способствует выявлению некоторых самобытных особенностей юкагирской культуры.

Глава VI

ЮКАГИРЫ В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Коренные обитатели северо-востока Якутии — юкагиры — в конце XIX — начале XX в. представляли собой одну из самых отсталых и обездоленных групп населения Сибири. Ясачный гнет, хищническая деятельность скучищиков пушнины, полное отсутствие медицинской помощи, голод в неблагоприятные годы (недоход рыбы, откочевки диких оленей) поставили юкагиров перед угрозой вымирания. Данные XVIII — XIX вв. свидетельствуют о резком уменьшении численности юкагиров. Особенно пострадали юкагиры в 80-х гг. XIX в. от эпидемии оспы. Так, в январе 1885 г. колымский частный комиссар в связи с тем, что смертных случаев было очень много и мертвых не успевали хоронить, специально приказал «при наличии мертвых хоронить их, не вступая между собой в пререкания»¹.

После эпидемии ясачный налог на юкагирские роды хотя и не увеличился, но стал особенно обременительным, так как число плательщиков резко сократилось. В декабре 1886 г. юкагиры Омолонского рода, I, II и III Омотских родов вынесли следующий общественный приговор: «Просить Колымское окружное полицейское управление об избавлении нас от платежа за мертвые души, так как во время существования воспенной эпидемии у нас много примерло, и осталось довольно мало, например, в Омолонском роде числилось по ревизии 16 работников, а в настоящее время только 6 работников; у I Омотского рода было 12 работников, теперь 4 работника; во II было 14 работников, теперь 3 работника и в III было 9 работников, теперь

¹ ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 678, л. 76.

4 работника, за которых мы платим бездоимочно, а так как мы платим за число работников не один ясак, а и прочие повинности по раскладке в настоящее время по малочисленности работников приходится каждому работнику платить довольно крупную цифру»².

В 1895 г. юкагиры нижеколымской части округа доносили, что они имеют 19 наличных работников, а платят за 135 ревизских душ³. Выплата столь значительных платежей была непосильна для юкагиров. Их задолженность из года в год росла. Местные полицейские власти в счет уплаты недоимок изымали у них имущество: лодки, одежду. Юкагиры владели жалкое нищенское существование. По описанию В. И. Иохельсона, наиболее зажиточная вышеколымская семья В. Шалугина не знала русских рубах, по полгода не пила чаю, а весной жила впроголодь или голодала⁴. Нищие юкагиры попадали в кабалу к купцам. Сообщения местных властей свидетельствуют о том, что в начале XX в. юкагиры ежегодно, часто с осени, испытывали голод.

Особенно жестокий голод постиг юкагиров в 1904 г. От голода погибли на промысле две семьи — 9 чел.⁵ Яркую картину обнищания и бедствий юкагиров рисует С. А. Бутурлин, уполномоченный по борьбе с голодом на Колыме. Он отметил, что юкагиры лишились не только своих ездовых оленей, но и ездовых собак. Теплую одежду в некоторых семьях носили по очереди. Охотники в холодное время года ходили на промысел также по очереди, так как ждали возвращения сородича, чтобы взять его теплую одежду. С. А. Бутурлин указал и на обременительные налоги. В Юкагирском роде (имя собственное. — З. Г.), где числилось 13 работников, писал он, остался один работник с двумя престарелыми родителями и два старика с женами⁶. «Итак, один сорокалетний работник должен вносить тринадцать окладов!» Такая политика царской администра-

² ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 578, л. 190.

³ Бутурлин С. А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского краев. Спб., 1907, с. 33.

⁴ Иохельсон В. И. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена. — «Известия РГО», 1898, т. XXXIV, вып. 3.

⁵ Бутурлин С. А. Указ. соч., с. 33.

⁶ Там же.

ции являлась одной из главных причин подрыва экономической основы юкагиров.

Призывы передовой русской общественности, в особенности этнографов-сибиреведов, помочь юкагирам не встречали поддержки ни со стороны царского правительства, ни местных властей⁷.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории народов России, в том числе юкагиров. Были отменены законы царского правительства, утверждавшие неравноправие народов, налог в виде ясака и другие повинности. Декретами Советского государства и Конституцией РСФСР (1918 г.)⁸ юкагирам, как и всем народам бывшей Российской империи, было предоставлено право самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Политическое равноправие явилось первым шагом в разрешении национального вопроса. Предстояло уничтожить фактическое неравенство народов. Созданные в 1920—1921 гг. в Колымском и Верхоянском округах партийные организации приступили к практическому осуществлению ленинской национальной политики.

После победы социалистической революции несколько лет продолжалась гражданская война в Якутии. Она охватила и территорию, где жили юкагиры. Белобандитские отряды, действовавшие на Севере, нанесли огромный урон народному хозяйству, в том числе хозяйству юкагиров. Они отбирали одежду и оружие у населения, захватывали имущество советских торговых и кооперативных организаций, уничтожали средства связи. Так, белобандиты захватили направленные в районы расселения верхнеколымских юкагиров продовольственные и промышленные товары, орудия охоты и рыболовства. Нарушился завоз боеприпасов и рыболовецких снастей. Охотники стали использовать архаические орудия промысла: ловушки, петли-самоловы, поставные луки со стрелами. Естественно, что добыча пушнины резко сократилась. Большинство юкагиров, опасаясь грабежей белобандитов, откочевало с Колымы

⁷ Гурвич И. С. К вопросу об эволюции ясачного сбора в Якутии. — В кн.: Доклады на пятой и шестой научных сессиях Якутского филиала АН СССР. Якутск, 1954, с. 16—36.

⁸ Декларация прав народов России. — В кн.: Декреты Советской власти, т. I. М., 1957, с. 40—41; Конституция РСФСР. — «СУ РСФСР», 1918, № 5, ст. 582.

в далекие труднодоступные места. Все это усугубило их тяжелое экономическое положение.

Между тем с первых дней установления Советской власти на Колыме принимались меры по оказанию материальной помощи юкагирам. Следует отметить, что сами юкагиры активно участвовали в обсуждении мероприятий местных органов Советской власти. Так, делегаты юкагиров участвовали в работе I съезда Советов Колымского округа (февраль 1922 г.), где наряду с другими обсуждался вопрос о положении верхнеколымских юкагиров. Однако осуществлению принятых решений помешала вновь вспыхнувшая борьба с белобандитами (в 1924—1925 гг.).

Для оказания всесторонней помощи отсталым народам Севера в 1924 г. при Президиуме ВЦИК был создан Комитет содействия народностям северных окраин (КСНСО). При Президиуме ЦИК Якутской АССР также был создан КСНСО⁹. Комитет содействия как орган правительства координировал деятельность всех советских, хозяйственных, кооперативных и культурных органов и организаций, работающих в районах расселения народностей северных окраин.

По решению Совнаркома в 1923 г. из Владивостока на Колыму был направлен пароход «Ставрополь»¹⁰. Он доставил 23,5 тыс. пудов разнообразных грузов: промышленные товары, порох, дробь, патроны и ружья. Этот рейс положил начало постоянным торговым связям бассейна Колымы с портами Дальнего Востока.

Правительство РСФСР освободило юкагиров, как и другие народности Севера, от сельскохозяйственного налога и сборов. Органы советской власти всячески оберегали малые народы Севера от частных торговцев и спекулянтов. Совет Народных Комиссаров Якутской АССР постановлением от 8 февраля 1924 г. запретил ввоз в северные районы алкогольных напитков и игральных карт¹¹. Снабжение кочевого населения, в том числе юкагиров, мукой и солью производилось на условиях долгосрочных кредитов. На Колыме были открыты хлебо- и рыбозапасные магазины для

⁹ История Якутской АССР, т. 3. М., 1963, с. 103.

¹⁰ На пароходе прибыл отряд Красной Армии, очистивший Колыму от остатков белобандитских групп. См. Очерки по истории Якутии советского периода. Якутск, 1957, с. 145.

¹¹ ЦГА ЯАССР, ф. 62, оп. 15, д. 200, л. 38—39.

предупреждения голода. Якутский областной комитет партии и правительство Якутской АССР принимали срочные меры по восстановлению разрушенного промыслового хозяйства северных районов. Ежегодно оказывалась натуральная и денежная помощь обнищавшим (*кумаланам*) и бедным семьям юкагиров. Промысловое население Севера вовлекалось в интегральные кооперативы.

Во время гражданской войны и в первые годы нэпа в кочевых стойбищах Колымского округа скупали ценную пушнину частные торговцы и иностранные купцы Вудсмитсон, Кассель и Олаф Свенсон. В 1925 г. постановлением Якутского ЦИКа районы, заселенные малыми народностями Севера, в том числе юкагирами, были объявлены на особом положении в отношении условий ведения пушной торговли, снабжения охотничьими припасами и предметами первой необходимости. В порты Якутской АССР был запрещен заход иностранных судов¹², были закрыты магазины иностранцев в северных округах, аннулированы долги населения частным торговцам. Правительство Якутской АССР установило твердые цены на товары. В юкагирские стойбища их стали доставлять агенты Якутторга.

В 1926—1927 гг. в юкагирских стойбищах проходили выборы родовых Советов. По данным юкагира Н. И. Спиридонова, принимавшего участие в проведении похозяйственной переписи Приполярного Севера, в это время тундровыми юкагирскими родами с юкагирским языком были Хангайский, Юкагирский, Эрбекчен, Дудкины и Каменный Юкагирский. Со смешанным юкагирско-эвенским языком, по его сведениям, были Хододинский, Кункугурский, Делянский и Балаганчик¹³. В верховьях Колымы, по Коркодону и Ясачной кочевали юкагиры-ушканцы. Но родовые советы были созданы не во всех группах юкагиров. Тундровые юкагиры вплоть до 1927 г. сохраняли старое административное устройство и подчинялись бывшим родоначальникам-князцам. Там, где родовые советы были созданы, они руководствовались решениями общего собрания, защищали интересы трудящихся.

Однако в связи с неграмотностью большинства населения тайги и тундры родовые советы часто бездействовали.

¹² История Якутской АССР, т. 3, с. 104.

¹³ Спиридонов Н. И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. — «Советский Север», 1930, № 9-12, с. 184—185.

Сказывалась отдаленность юкагирских стойбищ от больших центров. Из Якутска до верховий Колымы добирались зимой за полтора-два месяца, летом и весной связь прекращалась. Для оказания помощи населению Крайнего Севера необходимы были сведения о численности отдельных народностей, их расселении, занятиях, имущественной и социальной дифференциации.

Всесоюзная перепись 1926 г. дала весьма приблизительные данные о численности юкагиров. Было выявлено всего 396 юкагиров обоего пола¹⁴. Более подробные сведения о юкагирах дала Приполярная похозяйственная перепись 1926/27 г. Всего было выявлено 36 оседлых и 59 кочевых юкагирских хозяйств — 454 чел. обоего пола¹⁵. Анализ полученных сведений показал, что и эта перепись имела недостатки¹⁶. По материалам разработки переписи невозможно определить численность верхнеколымских таежных и нижнеколымских тундровых юкагиров.

Численность верхнеколымских юкагиров пытался в 1926 г. установить Н. И. Спиридонов. По его данным, вся группа состояла из 136 чел.¹⁷ По данным С. В. Обручева, в верховьях Колымы насчитывалось 125 юкагиров¹⁸.

Немногочисленные хозяйства юкагиров по сравнению с другими народами северо-востока были маломощными. Похозяйственная перепись Приполярного Севера 1926/27 г. выявила в Якутской АССР только одно хозяйство из 40 хозяйств юкагиров, имеющее свыше 100 оленей, в то же время среди чукчей, кочевавших на территории Якутии, таких хозяйств оказалось 81 из 249, тугусов (эвенков) — 43 из 622, ламутов (эвенов) — 16 из 102 хозяйств. Причем, 2 чукотских хозяйства имели свыше 10 000 оленей, 9 хозяйств — 3000—10 000 и 16 хозяйств — 1000—3000 оленей¹⁹. Перепись не зарегистрировала ни одного юкагирского хозяйства с наемными работниками

¹⁴ Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. VII; Дальневосточный край, Якутская АССР, родной язык, возраст, грамотность. М., 1928, с. 168, 180.

¹⁵ Похозяйственная перепись приполярного севера СССР 1926—1927 гг. М., 1929, с. 2, 8.

¹⁶ Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966, с. 216—217.

¹⁷ Спиридонов Н. И. Одулы, с. 186.

¹⁸ Обручев С. В. В неизведанном крае. М., 1954, с. 144.

¹⁹ Гоголев З. В. Социально-экономическое развитие Якутской АССР в 1917—1941 гг. Новосибирск, 1972, с. 128.

или отдающего оленей на выпас. Таким образом, социальная дифференциация среди юкагиров была развита слабо. Однако и среди них не сохранялось равенство. Из 40 тундровых хозяйств 32 имели до 10 голов оленей, 4 — от 11 до 25, 1 — от 26 до 50, 2 — от 51 до 100 и 1 хозяйство — более 100 голов оленей²⁰.

Малоимущая часть юкагиров активно участвовала в проводимых советскими органами мероприятиях. Представители юкагиров вошли в высшие органы власти Якутской АССР. В феврале 1927 г. состоялся V Всеякутский съезд Советов. На съезде присутствовал юкагир Т. Тайшин — делегат с Нижней Колымы. В своем выступлении он говорил о тяжелом положении оленеводческих и охотничьих хозяйств и о путях их восстановления и развития. Он просил правительство Якутской АССР «оказать помощь и поддержку населению тундры и найти возможность для снабжения оружием и огнеприпасами». Излагая просьбы своего народа, Т. Тайшин говорил о необходимости оказания срочной медицинской помощи, о ликвидации неграмотности, об урегулировании цен на промышленные и продовольственные товары, а также на пушнину и мамонтовую кость²¹.

Представители юкагиров были делегатами I съезда малых народов Севера Якутской АССР (1927 г.). Съезд заслушал доклады о деятельности КСНСО при ЦИК ЯАССР, о кредитовании и кооперировании кочевого населения, о переходе на оседлость и др.

В 1929 г. в стойбище Нелемное, где находилось несколько зимних избушек юкагиров, состоялись выборы в первый юкагирский сельский Совет. В этом же году юкагиры-кочевники обратились в КСНСО с просьбой оказать им помощь в переходе на оседлый образ жизни. Просьбу удовлетворили, на жилищное строительство в пос. Нелемное была выделена денежная ссуда²².

Вопросы восстановления и развития оленеводства, пушного хозяйства, рыболовства, народного образования, здравоохранения, коллективизации и другие жизненно важные для народностей Севера проблемы неоднократно

²⁰ Там же.

²¹ 5-й Всеякутский съезд Советов. Протоколы и постановления. Якутск, 1927, с. 79.

²² Народы Сибири. Серия «Народы мира». М.—Л., 1956, с. 894.

обсуждались на партийных конференциях Якутской областной организации и съездах Советов ЯАССР. В 1931 г. VIII Якутская областная партийная конференция, рассмотрев вопрос «Об очередных задачах работы среди малых народностей Севера ЯАССР», постановила: «Всемерно развпвать производительные силы северного хозяйства, развертывать строительство совхозов и реорганизаацию колхозов и ускорить развитие морского, воздушного и сухопутного транспорта на севере»²³.

В 1931 г. в Якутской АССР проводилось национально-территориальное районирование. Были ликвидированы округа и улусы, вместо них созданы районы. Основная масса юкагирского населения вошла в Нижнеколымский и Верхнеколымский районы, а небольшое количество хозяйств — в Аллаиховский район. Родовые советы перешли на «Положение о кочевых Советах»²⁴. Новое Положение устанавливало вместо родового территориальный принцип. Это объединяло все население, жившее на данной административной территории, и способствовало укреплению местных Советов как власти трудящихся.

В 1930-х гг. на Севере Якутской АССР пачалась коллективизация. Юкагиры, обитавшие в бассейне Ясачной, организовали в 1930 г. товарищество «Юкагир». Председателем его был избран юкагир Е. И. Шадрин. Впоследствии товарищество превратилось в колхоз «Светлая жизнь» («Почерходол модол») с центром в пос. Нелемное на берегу Ясачной. На р. Коркодон образовался юкагирский колхоз «Новый путь». Оба юкагирских колхоза получили от государства ссуды на приобретение инвентаря и оленей. На эти ссуды были закуплены сети из конского волоса, невода, пещни, ломы, охотничьи ружья, патроны и палаточный материал²⁵.

В 1930-х гг. основными источниками денежных и натуральных доходов юкагиров были рыболовство и охота. Летом и осенью рыбу ловили большими неводами. Перед ледоставом на Ясачной и Рассохе устраивали заездки²⁶

²³ VIII Якутская областная конференция ВКП (б). Якутск 1931, с. 64—70.

²⁴ «СУ РСФСР», 1933, № 49, с. 209.

²⁵ Материалы этнографической поездки И. С. Гурвича на Колыму в 1956 г. — Архив ИЭ АН СССР.

²⁶ Заездки — кратковременный способ лова рыбы, так как ледоход заездки сносит.

с мережами. Подледный лов рыбы производился только поздней осенью. Если в прошлом юкагиры добытую рыбу вялили, изготовляли из нее юколу или сваливали в земляные ямы, где она квасилась, то после организации колхозов рыбу стали хранить в основном в специально выстроенных ледниках.

С организацией колхозов увеличилась добыча пушнины: белки, лисицы и горноста́я. Для пушной охоты колхозы приобретали транспортных оленей. Каждому промысловику правление осенью выделяло по 4 оленя, палатку, печку, запас продовольствия. На оленях звенья охотников обычно без семей откочевывали к отведенным им участкам.

Добыча лосей и диких оленей, в прошлом являвшаяся основой существования верхнеколымских юкагиров, превратилась в условиях колхозного производства в подсобную отрасль хозяйства. Охота на лосей и диких оленей стала практиковаться для удовлетворения личных нужд в мясе. Так как результаты охоты и рыбной ловли в верховьях Колымы в значительной мере зависят от капризов природы, то юкагирские колхозы стали заниматься разведением рогатого скота. В 1955 г. в колхозе «Светлая жизнь» было 185 голов крупного рогатого скота, в том числе 52 дойные коровы²⁷. Вполне оправдало себя коневодство. Разведение гулевых лошадей на мясо в условиях верховий Колымы оказалось весьма доходной статьей хозяйства.

Правление колхоза «Светлая жизнь» в целях расширения производства, увеличения денежных доходов предприняло ряд дорогостоящих опытов по внедрению таких новых отраслей хозяйства, как птицеводство и свиноводство. Однако разведение кур оказалось убыточным. Не оправдала себя и свиноферма из-за недостатка соответствующих кормов. Свиной приходилось кормить рыбой. В основе экономики колхоза «Светлая жизнь» остались в известной мере реконструированные отрасли традиционного хозяйства юкагиров, оленеводство и разведение рогатого скота, заимствованное у якутов. В 1959 г. колхоз «Светлая жизнь» объединился с якутским колхозом «Советская конституция». Укрупненный колхоз, получивший название

²⁷ Материалы экспедиционной поездки 1955 г. И. С. Гурвича на Колыму (отчет).

«Юкагир», стал развивать преимущественно животноводство и звероводство.

Колхоз коркодонских юкагиров «Новый путь», специализировавшийся главным образом на пушной охоте и рыболовстве, в 1941 г. объединился с якутским колхозом с центром в пос. Балыгычан. Укрупненный колхоз им. Третьей пятилетки стал заниматься огородничеством и животноводством.

Материальное благосостояние юкагиров после коллективизации намного улучшилось. Верхнеколымские юкагиры перешли на оседлый образ жизни. Большая часть юкагиров сосредоточилась в пос. Нелемное. Первоначально он располагался на левом берегу Ясачной в 3 км ниже устья Рассохи, где издавна зимовали члены Ушканского рода. Так как это место затапливали весенние воды, то юкагиры вскоре перенесли свой поселок на 6 км ниже по течению реки на высокий берег. Здесь были выстроены пятнадцать срубных домов, контора колхоза, школа, интернат, больница, клуб, баня, зооветпункт, фактория, пекарня, коптильня, хлев, склады, ледник, коптильня, радиоузел, электростанция, парники. Но в 1938 г. пос. Нелемное во время наводнения затопило. Изменившееся течение р. Ясачной стало подмывать берег около поселка. В 1947 г. вновь произошло затопление, а в 1954 г. во время наводка водой была смыта часть площади поселка.

Новую центральную усадьбу колхоза перенесли на 27 км ниже старого поселка на Ясачной (территория Якутской АССР). В связи с этим колхоз «Светлая жизнь» был передан из Магаданской области в Верхнеколымский район Якутской АССР. Правительство Якутской АССР выдало колхозу «Светлая жизнь» ссуду в размере 150 тыс. руб. на переустройство поселка. Весной 1955 г. на автомашинах, выделенных промышленными предприятиями пос. Зырянка, в новый поселок были перевезены в разобранном виде жилые дома, здания школы, больницы, конторы колхоза, склада и зооветпункта. Вскоре были выстроены ледник, электростанция, подсобные хозяйственные мастерские²⁸.

Коллективизация, строительство поселков способствовали приобщению юкагиров к просвещению. В 1931 г. для детей нелемских юкагиров была открыта начальная шко-

²⁸ Материалы экспедиции 1959 г.

ла с интернатом. Первым учителем здесь был П. П. Борисов, уроженец Лены²⁹. Среднее образование дети юкаги-ров получали в поселках Зырянка и Сеимчан. Так как юкагирский язык бесписьменный, преподавание в нелем-ской и балыгычанской школах велось на русском языке. Однако делопроизводство в юкагирских колхозах велось на русском и на якутском языках. Юкагирский язык используется главным образом в быту. Собрания в пос. Нелемно обычно ведутся на якутском языке.

Переход к оседлому образу жизни, распространение грамотности, нововведения в быту внесли глубокие изменения в жизнь верхнеколымских юкаги-ров.

Несколько по-иному происходило переустройство жизни нижнеколымских юкаги-ров. В низовьях Колымы, где кочевали тундровые юкаги-ры, эвены и чукчи, в начале 30-х годов были организованы артели³⁰. Колхозники жили за счет своего индивидуального хозяйства. По постановлению ЦК ВКП(б) от 1 сентября 1932 г. «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего Севера»³¹, указавшего на необходимость организации простейших производственных объединений, смешанные промысловые артели в 1933—1934 гг. были реорганизованы в товарищества.

Юкаги-ры на р. Чукочьей вместе с эвенами объединились в товарищество «Чайреуль-одул» — «Поднимающийся одул», в документах оно называлось «Чукочий бадул» ('Одулы р. Чукочьей' — як.). Часть хозяйств тундровых юкаги-ров вошла в эвенское товарищество «Сутаня омчук» на р. Алазее, а часть — в чукотское товарищество «Харг-наргы» на р. Колыме. Товарищества, согласно уставу, 10% всей вылавливаемой рыбы и 10% стоимости реализованной пушнины сдавали в общественный фонд. Олени оставались в личном владении, их объединяли только на лет-

²⁹ Борисов П. П. Солнце над Сеимчаном. Странички из дневника. — «Магаданская правда», 1955, 1 февраля.

³⁰ Тарасов И. А. КПСС — организатор социалистического преобразования хозяйств малых народностей Севера. Якутск, 1967, с. 95.

³¹ Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере. М., 1934, с. 133.

ний период, чтобы освободить часть людей для заготовки рыбы³².

Создание товариществ сыграло в жизни тундровых юкагиров важную роль. Появление в Халорчинской тундре в 1920 г. больших стад домашних оленей привело к тому, что к 1930 г. на всем протяжении тундры и лесотундры от Колымы до Индигирки количество диких оленей резко сократилось, и в 1933 г. дикие олени исчезли. Юкагиров и эвенов ожидал голод, так как основу их существования составляла охота на мигрирующих диких оленей. Коллективизация позволила юкагирам и эвенсам избежать бедствий. Товарищества нижнеколымских юкагиров и эвенов на предоставленные им кредиты приобрели оленей и перешли от охоты к оленеводству мясо-шкурного направления. Индигирские юкагиры (они пользовались эвенским языком) вынуждены были из-за отсутствия диких оленей заняться рыболовством. Сети-снасти были приобретены у якутов на специальные средства, отпущенные правительством ЯАССР.

Коллективизация в низовьях Колымы совпала с проведением земельно-водного устройства. В результате этого мероприятия в 1931—1934 гг. лучшие пастбища, охотничьи угодья и рыболовецкие пески были изъяты у кулаков, пришлых самовольных поселенцев, бывших скупщиков пушнины и переданы товариществам и трудовым единоличным хозяйствам. В 1940 г., окрепнув экономически и накопив опыт работы, товарищества юкагиров, эвенов и чукчей низовий Колымы стали переходить на «Устав сельскохозяйственной артели». Товарищество «Чайреуль одул» было преобразовано в колхоз «Оленевод». На Алазее был организован колхоз «Сутаня удиран» («Красная тропа»), на Колыме — колхоз «Турваургин». Ведущей отраслью всех трех колхозов стало оленеводство. Изменились и приемы выпаса оленей. В 1946 г. были завезены оленегонные собаки. Они значительно облегчили труд пастухов. Перекочевки стад стали производиться по специально разработанным маршрутам с учетом пастбищеоборота. Для летних перекочевок оленеводческих бригад колхо-

³² Гурвич И. С. Быт и культура колхозов Нижнеколымского района. — В кн.: Доклады на пятой и шестой научных сессиях Якутского филиала АН СССР. Якутск, 1954, с. 6—79.

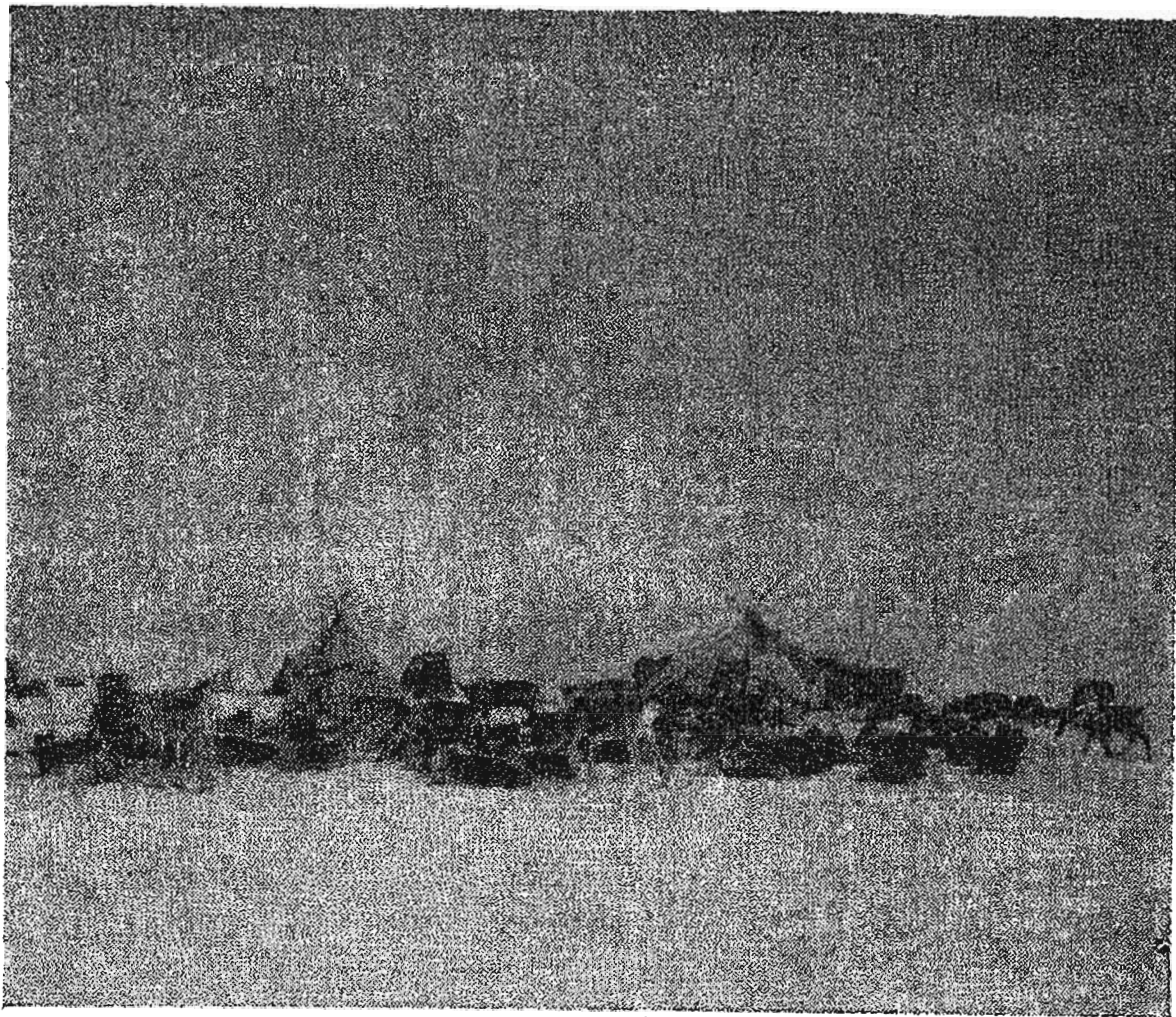

Рис. 33. Стойбище оленеводов, Нижнеколымский р-н. Май 1950 г.

зы приобрели верховых лошадей. В районах осеннего и весеннего пребывания стад были выстроены стационарные корали. В 1945—1947 гг. колхозы Нижнеколымского района превратились в крупных поставщиков оленины.

В конце 40-х гг. тундровые колхозы приобрели рогатый скот и гулевых лошадей.

Объединив мелкие стада оленей в крупные, артели смогли выделить часть своих членов для рыболовства, грузоперевозок и строительства. Если в прошлом рыболовством занимались нерегулярно из-за нехватки рабочих рук, то теперь рыболовные бригады взяли на себя труд по добыче и снабжению оленеводов свежей рыбой, по заготовке подкормки для песцов. Колхозы приобрели ставные сети, мережи. Около рыбалок были вырыты крупные ледники. Для подвозки рыбы к ледникам в качестве тягача стали применять моторные лодки. Усилилась роль пушной охо-

ты. В связи с этим были введены строгие сроки охоты, запрещены вредные способы добычи песка — разрывание нор, травля песцов собаками и т. д.

Реконструкция северного промыслового хозяйства благотворно сказалась на благосостоянии коренного населения тундры — юкагиров, эвенов и чукчей. Оленеводческие колхозы вскоре после организации начали строительство центральных усадеб. Участки для поселков были выбраны землеустроительными экспедициями в зоне лесотундры, где обычно кочевали оленеводы. Первые дома были выстроены приглашенными русскими мастерами. В дальнейшем колхозы подготовили из числа своих членов плотников, столяров. В 1950 г. хозяйственный центр «Сутаниндиран», пос. Андрюшкино, состоял из 25 индивидуальных рубленых домов колхозников. В поселке размещались правление колхоза, школа, фельдшерский пункт, фактория, пекарня, магазин, клуб. Такой же облик имел и пос. Туустах-сен — центральная усадьба колхоза «Оленевод».

Во всех поселках нижнеколымских оленеводов были открыты школы. Так как большая часть населения тогда вела кочевой образ жизни, то все дети школьного возраста были приняты в интернаты при школах на полное государственное обеспечение. Значительная работа была проведена и по ликвидации неграмотности среди взрослых.

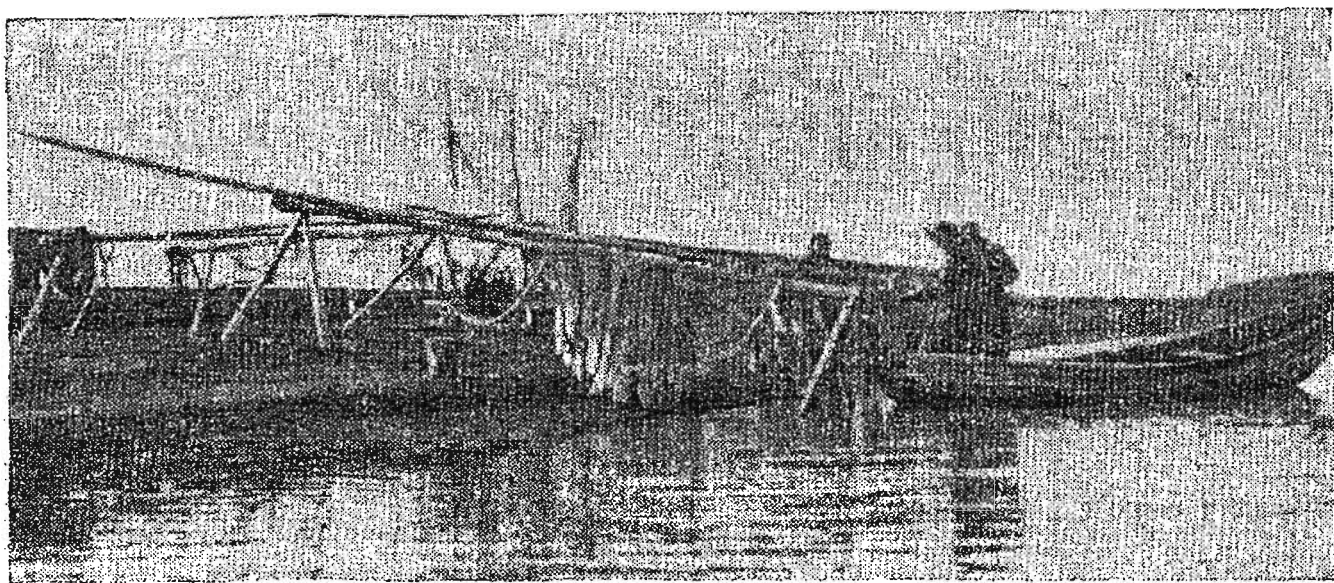

Рис. 34. Рыбаки-юкагары в Бурулгино (дельта Индигирки). 1959 г.

Изменился домашний быт. Если до коллективизации юкагиры питались только мясом и рыбой, то после создания колхозов помимо традиционной пищи в их рацион вошли хлеб, масло, крупы, молоко, овощи, сахар, консервы. Получила распространение готовая одежда и обувь: платья, пальто, костюмы, кожаные и резиновые сапоги, туфли и т. д.

В 1960 г. колхозы Нижнеколымского, Верхнеколымского, Аллаиховского и других северных районов Якутии были преобразованы в совхозы³³. Юкагиры — рабочие совхозов стали получать твердую зарплату. На средства совхозов развернулось большое жилищное строительство. Оленеводческие совхозы укрепили материально-техническую базу промыслового хозяйства. Для завоза в тундру снаряжения, топлива, химикатов для противооооооооо обработки оленей, медикаментов стали широко применяться тракторы, вездеходы, моторные лодки, а также авиация. Большая часть в прошлом кочевого поселения тундры сосредоточилась в поселках. Производственные бригады стали пользоваться вместо чумов и яранг разборными меховыми палатками. Для связи с поселками применяются портативные радиостанции. Пастухов-оленеводов на промысле обслуживают передвижные агитационно-культурные бригады, демонстрирующие кинофильмы и выступающие с концертами. Для охотников выстроены охотничьи перевалочные базы, промысловые избышки.

Условия современного промыслового хозяйства способствовали сближению юкагиров с окружающим населением. В поселках юкагиры живут в соседстве с якутами, эвенками, русскими, а в низовьях Колымы и с чукчами. Преодоление былой стойбищной обособленности выразилось в распространении двуязычия и многоязычия. Как показали обследования, большинство юкагиров владеют помимо своего родного языка якутским, русским, а нередко эвенским или чукотским. Участились браки юкагиров с соседями. Большинство юкагиров, как показывают этнографические наблюдения, входят в смешанные в национальном отношении семьи³⁴. Тем не менее, переписи населения 1959 и 1970 гг. свидетельствуют, что численность юкагип-

³³ История Якутской АССР, т. III. М., 1963, с. 343.

³⁴ Подробно об этнических процессах в среде юкагиров см. первую главу.

Рис. 35. Самолет в Нижнеколымске. 1959 г.

ров не уменьшилась. В 1959 г. было выявлено 440 юкаги-
ров³⁵, в 1970 г. — 600³⁶.

На материальную культуру юкагигов, их домашний быт оказало сильное влияние пришлое население, прибывшее на Колыму для освоения ее природных богатств. Как известно, пос. Зырянка, расположенный неподалеку от с. Нелемное, возник как один из центров Колымско-Индигирского пароходства. Неподалеку от пастбищ Нижнеколымского совхоза строится мощная Билибинская атомная электростанция.

Однако значительная часть юкагигов работает в традиционных отраслях хозяйства. В пос. Нелемное (Нижнеколымский совхоз), где большую часть населения составляют юкагиры, организованы бригады оленеводов, охотников, рыболовов, коневодов и др. Каждая бригада имеет свой производственный план. В этом поселке в 1972 г. бригада охотников из 15 чел. сдала пушнину на 19 тыс. руб., а бригада рыбаков — 300 т рыбы.

В совхозное производство внедряется современная техника. Нелемское отделение совхоза имеет тракторы, сенокосилки, копные грабли, моторные лодки, катера. Охот-

³⁵ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР. М., 1963, с. 302.

³⁶ Страна Советов. Биография роста. Сообщение ЦСУ при Совете Министров ССР. — «Известия», 1971, 16 апреля.

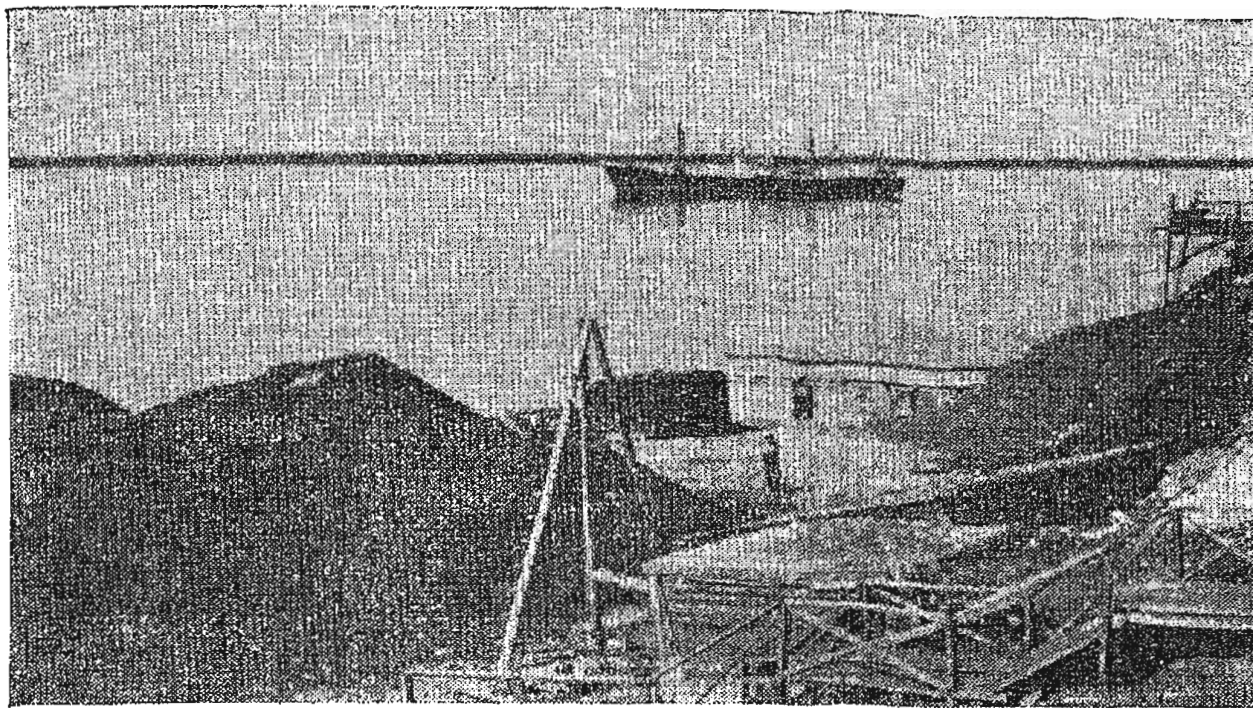

Рис. 36. Морской пароход в Нижнеколымске. 1959 г.

Рис. 37. Юкагиры в зимней промысловой одежде. Аллаиховский р-н, 1959 г.

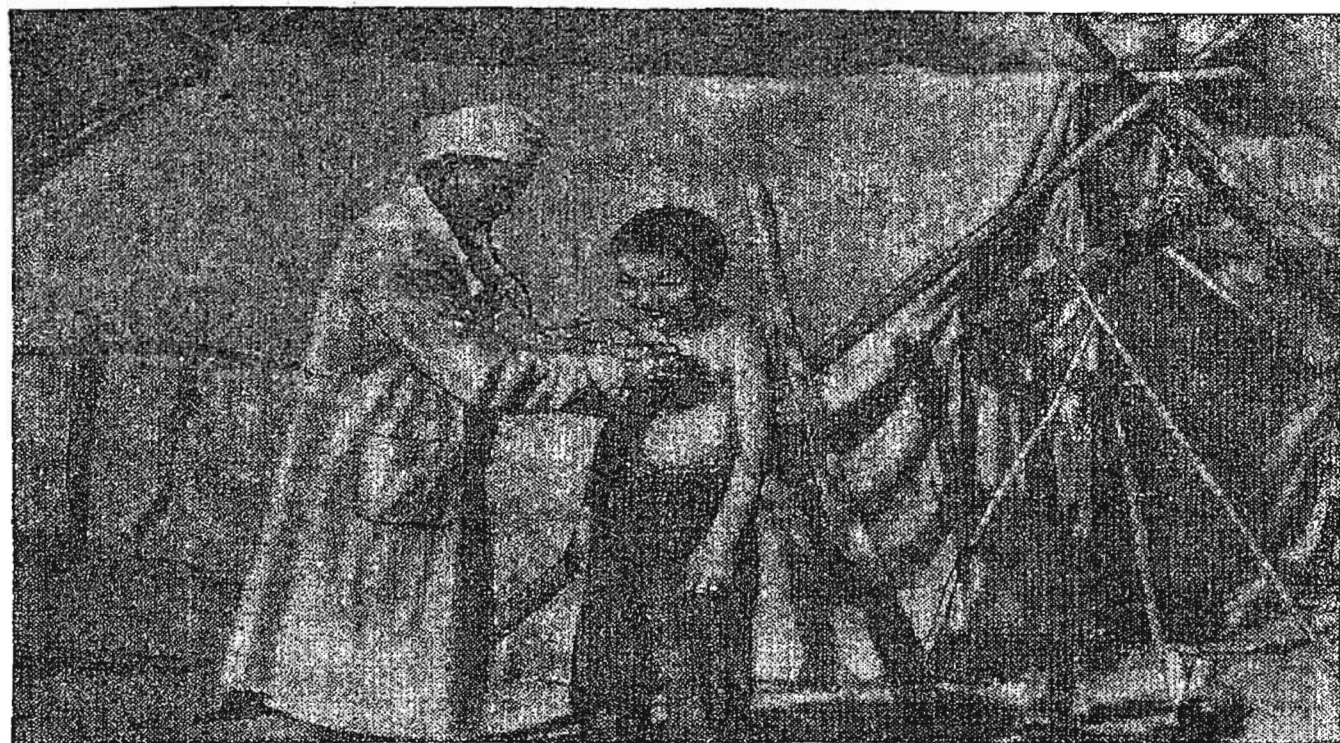

Рис. 38. Медосмотр на юкагирской рыбалке, Верхнеколымский р-н, 1956 г.

ников на далекие промысловые участки доставляют на вертолетах. Кочуют только во время охоты и промысла охотники, пастухи и оленеводы, все остальное население живет в поселке.

За последние годы изменился облик юкагирских селений. Так, юкагирский пос. Нелемное стоит на высоком берегу р. Нелемное (приток р. Ясачной). В нем 48 жилых срубных домов русского типа. Здесь проживает 173 юкагира. Поселок построен по плану. В центре поселка стоит большое здание начальной школы, а рядом интернат со столовой и спальными помещениями. В поселке клуб, магазин, хлебопекарня, баня, детские ясли и другие культурно-бытовые помещения. Работает медицинский пункт со стационаром на 10 коек и отделение для амбулаторного приема больных. Поселок радиофицирован. Многие жители поселка имеют индивидуальные огороды и снимают хорошие урожаи картофеля.

За годы Советской власти у юкагиров появились свои специалисты — учителя, медики, механизаторы, руководящие работники. Юкагирская молодежь получает высшее и специальное среднее образование в Якутии, Магадане, Ленинграде и других городах.

Одним из лучших передовиков производства является коммунист Е. И. Шадрин. Он был первым председателем первого колхоза «Юкагир» (1932—1949 гг.), избирался депутатом Верховного Совета Якутской АССР и членом Пленума Якутского обкома КПСС. Депутатом Верховного Совета СССР была избрана передовая ударница Татаева — нижнеколымская юкагирка.

Значительные литературные произведения создал юкагир Текки Одулок (Н. И. Спиридонов — 1906—1938 гг.). Широкую известность приобрело творчество современного молодого юкагирского писателя Семена Курилова³⁷. Плодотворно изучает язык своего народа кандидат филологических наук Г. Н. Курилов, сбором фольклора занимается учитель юкагир А. Н. Лаптев.

Изменения в жизни юкагириров и других народов северо-востока Сибири отметил известный канадский писатель, ученый и общественный деятель Фарли Моуэт. В своей новой книге «Сибиряки» он делает вывод: «Да, развитие многих малых народов наглядно доказало, что Ленин был безусловно глубоко прав, провозгласив политику национальностей внутри Советского Союза и оказания им помощи для максимального развития их собственных возможностей, что должно обогатить государство в целом»³⁸.

³⁷ Курилов С. Ханидо и Халерха. М., 1969.

³⁸ Моуэт Фарли. Многоэтажная Якутия. (Отрывок из книги «Сибиряки»). — «За рубежом», 1972, № 21, с. 20.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ К ГЛ. III

Таблица 1

Основные параметры измерительных признаков в этнических группах северо-востока Якутии (мужчины)

Признак	Юкагиры				Эвены тундровые	Яку- ты ниж- неко- лым- ские	Чук- чи ниж- неко- лым- ские	
	верхне- лымские	нижне- лымские	нижнеинди- гирские	суммарно- тундровые (3+4)				
1	2	3	4	5	6	7	8	
Длина тела	n	21	24	15	39	20	63	34
	\bar{x}	160,0	158,2	158,6	158,2	159,7	163,0	158,4
	$m(\bar{x})$	1,2	1,2	1,2	0,9	1,5	0,7	1,1
	S	5,5	5,9	5,2	5,6	6,5	5,9	6,1
	$m(S)$	0,4	0,8	1,0	0,6	1,0	0,5	0,7
Продольный диаметр го- ловы	n	23	29	15	44	22	64	36
	\bar{x}	194,3	193,3	193,2	193,3	192,7	191,7	190,8
	$m(\bar{x})$	0,9	1,2	1,4	0,9	1,3	0,8	0,8
	S	4,6	6,4	5,3	6,2	6,1	6,0	5,0
	$m(S)$	0,7	0,8	1,0	0,7	0,9	0,5	0,6
Поперечный диаметр го- ловы	\bar{x}	154,9	157,2	156,7	157,0	154,2	159,5	156,8
	$m(\bar{x})$	0,8	1,0	1,2	0,8	0,9	0,8	0,8
	S	4,0	5,2	4,6	5,1	4,4	6,0	4,7
	$m(S)$	0,6	0,7	0,8	0,5	0,7	0,5	0,6
	Наименьший лобный ди- аметр	\bar{x}	102,4	102,4	101,7	102,2	99,1	104,2
$m(\bar{x})$		1,0	0,7	1,4	0,7	0,8	0,7	0,8
S		4,8	4,0	5,3	4,4	3,8	5,2	4,9
$m(S)$		0,7	0,6	1,0	0,5	0,6	0,5	0,6

Продолжение табл. 1

1		2	3	4	5	6	7	8
Скуловой диаметр	\bar{x}	143,7	148,9	146,7	148,0	147,0	150,7	147,8
	$m(\bar{x})$	1,1	0,9	1,1	0,7	0,9	0,7	0,7
	S	5,2	5,1	4,2	4,9	4,3	5,9	4,2
	$m(S)$	0,8	0,7	0,8	0,5	0,7	0,5	0,5
Нижнечелюстной диаметр	\bar{x}	117,2	116,3	117,6	116,8	115,3	117,1	117,8
	$m(\bar{x})$	1,1	1,2	1,3	0,8	1,4	0,8	1,0
	S	5,1	6,2	5,0	5,2	6,6	6,0	5,7
	$m(S)$	0,5	0,8	0,9	0,6	1,0	0,5	0,7
Физиопомическая высота лица	\bar{x}	195,8	191,5	193,2	192,1	195,6	199,3	192,8
	$m(\bar{x})$	1,5	2,5	1,7	1,7	1,5	1,1	1,6
	S	7,0	12,9	6,5	11,1	6,9	8,6	8,9
	$m(S)$	1,0	1,8	1,2	1,2	1,1	0,8	1,1
Морфологическая высота лица	\bar{x}	134,4	135,9	132,1	134,6	134,9	139,6	134,8
	$m(\bar{x})$	1,5	1,6	1,7	1,2	1,3	0,9	1,2
	S	7,2	8,2	6,2	7,8	5,9	7,3	7,1
	$m(S)$	1,1	1,1	1,2	0,8	0,9	0,6	0,9
Высота носа (от нижнего края бровей)	n	23	29	15	44	22	64	36
	\bar{x}	64,0	66,4	64,3	65,7	66,0	70,1	64,4
	$m(\bar{x})$	0,9	0,9	1,3	0,8	1,2	0,6	0,8
	S	4,5	5,1	4,8	5,1	5,8	4,8	4,7
Высота носа (от переносья)	\bar{x}	50,3	52,6	50,6	51,9	51,7	55,9	52,5
	$m(\bar{x})$	0,7	0,8	1,0	0,7	0,9	0,4	0,6
	S	3,3	4,5	3,9	4,4	4,2	3,3	3,5
	$m(S)$	0,5	0,6	0,7	0,5	0,6	0,3	0,4
Ширина носа	\bar{x}	38,4	39,7	38,3	39,2	39,6	37,5	39,7
	$m(\bar{x})$	0,5	0,4	0,6	0,6	0,9	0,4	0,4
	S	2,4	2,3	2,4	3,8	4,1	3,0	2,5
	$m(S)$	0,4	0,3	0,4	0,4	0,6	0,3	0,3
Высота верхней губы	\bar{x}	19,6	21,3	18,4	20,2	20,0	18,5	19,7
	$m(\bar{x})$	0,4	0,8	0,9	0,5	0,7	0,3	0,7
	S	2,0	4,2	3,4	3,2	3,0	2,6	3,9
	$m(S)$	0,3	0,6	0,6	0,4	0,5	0,2	0,5
Ширина рта	n	23	27	14	41	20	64	35
	\bar{x}	53,7	57,5	54,8	57,6	55,1	54,1	57,7
	$m(\bar{x})$	0,8	0,7	0,8	0,6	0,8	0,5	0,6
	S	3,7	3,9	3,0	3,8	3,6	4,2	3,8
	$m(S)$	0,6	0,5	0,6	0,4	0,6	0,4	0,5

1		2	3	4	5	6	7	8
«Толщина» губ	\bar{x}	14,3	16,2	18,5	17,1	16,4	17,1	18,9
	$m(\bar{x})$	0,8	0,8	1,0	0,6	0,7	0,4	0,7
	S	3,8	4,1	3,6	4,1	3,2	3,5	3,8
	$m(S)$	0,6	0,6	0,7	0,5	0,5	0,3	0,5
<i>Указатели</i>								
Головной		79,7	81,3	81,1	81,7	80,0	83,2	82,1
Лицевой физиономический		73,4	77,8	75,9	77,0	75,1	75,6	76,7
Лицевой морфологический		93,5	91,3	90,0	90,9	91,8	92,6	91,2
Носовой (от нижнего края бровей)		60,0	59,8	59,5	59,8	60,0	53,5	61,7
Носовой (от переносья)		76,3	75,5	75,6	75,5	76,6	67,1	75,6
Челюстно-лобный		114,3	113,6	114,3	114,3	116,4	112,4	114,

Таблица 2

Величины измерительных признаков у восточных самодийских групп (мужчины)

Признак		Ненцы (устье Енисея)			Энцы тундровые (устье Енисей)	Нганасаны (Таймыр)		
		мунгуйские	воронцовские	ненцы суммарно (2+3)		авамские	вадеевские	нганасаны суммарно
1		2	3	4	5	6	7	8
Длина тела	n	28	33	61	26	60	29	102
	\bar{x}	155,8	158,2	157,1	157,5	158,5	156,9	157,9
	$m(\bar{x})$	1,0	1,1	0,8	1,1	0,7	0,9	0,5
	S	5,5	6,2	6,0	5,6	5,4	4,6	5,3
	$m(S)$	0,7	0,8	0,6	0,8	0,5	0,6	0,4

Продолжение табл. 2

1		2	3	4	5	6	7	8
Продольный диаметр головы	n	35	35	70	31	68	37	122
	\bar{x}	187,4	187,8	187,6	190,0	191,8	190,7	191,2
	$m(\bar{x})$	1,0	1,0	0,7	1,0	0,7	0,8	0,5
	S	5,8	6,0	5,9	5,4	6,1	5,1	5,5
	$m(S)$	0,7	0,7	0,5	0,7	0,5	0,6	0,4
Поперечный диаметр головы	\bar{x}	157,4	156,6	156,6	159,6	162,2	162,9	162,4
	$m(\bar{x})$	0,8	1,0	0,6	0,8	0,6	0,8	0,4
	S	4,6	5,9	5,2	4,6	5,2	4,8	4,8
	$m(S)$	0,6	0,7	0,4	0,6	0,4	0,6	0,3
Наименьшая ширина лба	\bar{x}	103,5	103,7	103,6	105,7	104,3	103,9	104,2
	$m(\bar{x})$	0,8	0,8	0,5	0,8	0,5	0,7	0,4
	S	4,5	4,8	4,6	4,4	4,0	4,2	4,2
	$m(S)$	0,5	0,6	0,4	0,6	0,3	0,5	0,3
Скуловой диаметр	\bar{x}	146,8	146,9	146,8	151,3	152,8	154,8	153,3
	$m(\bar{x})$	0,9	0,8	0,6	0,9	0,7	0,9	0,5
	S	5,2	4,9	5,1	4,7	5,4	5,7	5,3
	$m(S)$	0,6	0,6	0,4	0,6	0,5	0,7	0,4
Нижнечелюстной диаметр	\bar{x}	114,5	117,0	115,8	118,7	119,3	120,5	119,1
	$m(\bar{x})$	0,9	1,1	0,7	1,0	0,6	0,9	0,5
	S	5,3	6,6	6,1	5,5	5,0	5,6	5,7
	$m(S)$	0,6	0,8	0,5	0,7	0,4	0,7	0,4
Физиономическая высота лица	n	30	30	60	29	59	36	108
	\bar{x}	192,5	190,7	191,6	193,3	194,3	195,3	194,7
	$m(\bar{x})$	1,3	1,5	1,0	1,2	1,0	1,1	0,7
	S	7,4	8,0	7,8	6,6	7,6	6,5	7,1
	$m(S)$	1,0	1,0	0,7	0,8	0,7	0,8	0,5
Морфологическая высота лица	n	35	33	68	30	66	37	118
	\bar{x}	129,8	129,2	129,5	133,5	132,1	131,3	131,8
	$m(\bar{x})$	1,2	1,2	0,9	1,4	0,8	0,9	0,6
	S	7,3	6,8	7,1	7,6	6,9	5,5	6,2
	$m(S)$	0,9	0,8	0,6	1,0	0,6	0,6	0,4
Высота носа (от нижнего края бровей)	n	34	35	69	31	68	37	121
	\bar{x}	61,7	62,6	62,2	63,9	64,4	64,5	64,1
	$m(\bar{x})$	0,7	0,8	0,5	1,1	0,6	0,7	0,4
	S	4,3	4,6	4,5	6,0	4,7	4,2	4,3
	$m(S)$	0,5	0,6	0,4	0,8	0,4	0,5	0,3
Высота носа (от переносья)	\bar{x}	50,1	51,7	50,9	51,8	52,5	51,2	52,5
	$m(\bar{x})$	0,7	0,7	0,5	0,8	0,4	0,7	0,3
	S	3,9	4,0	4,0	4,5	3,5	4,1	3,3
	$m(S)$	0,5	0,5	0,3	0,6	0,3	0,5	0,2

1		2	3	4	5	6	7	8
Ширина носа	\bar{x}	38,3	39,3	38,8	39,4	39,3	39,7	39,4
	$m(\bar{x})$	0,6	0,5	0,4	0,5	0,3	0,4	0,2
	S	3,2	2,8	3,0	2,7	2,8	2,6	2,6
	$m(S)$	0,4	0,3	0,3	0,3	0,2	0,3	0,2
Высота верх- ней губы	n	32	30	62	27	65	36	116
	\bar{x}	15,8	16,8	16,2	17,9	18,5	18,2	18,4
	$m(\bar{x})$	0,5	0,4	0,3	0,4	0,4	0,4	0,2
	S	2,6	2,0	2,4	1,9	3,1	2,3	2,6
	$m(S)$	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3	0,3	0,1
Ширина рта	\bar{x}	55,3	53,8	54,6	56,2	55,9	55,8	55,7
	$m(\bar{x})$	0,9	0,6	0,6	0,8	0,5	0,9	0,5
	S	5,4	3,7	4,7	4,1	3,9	5,7	5,0
	$m(S)$	0,7	0,5	0,4	0,5	0,3	0,7	0,3
«Толщина» губ	\bar{x}	14,3	14,2	14,2	14,3	14,0	13,6	13,7
	$m(\bar{x})$	0,7	0,8	0,5	0,9	0,6	0,7	0,4
	S	3,7	4,7	4,2	4,9	4,9	4,5	4,0
	$m(S)$	0,5	0,6	0,4	0,7	0,4	0,5	0,3
<i>Указатели:</i>								
Головной		84,0	83,4	83,5	84,0	84,6	85,4	84,9
Лицевой фи- зиономи- ческий		76,2	77,0	76,6	78,3	78,7	79,2	78,9
Лицевой мор- фологиче- ский		88,4	88,0	88,2	88,2	86,5	85,4	85,9
Носовой (от нижнего края бро- вей)		62,1	63,7	62,4	61,7	61,0	61,5	61,4
Носовой (от переносья)		69,3	75,9	76,2	76,1	74,9	77,4	75,6
Челюстно-лоб- ный		110,7	112,8	111,8	109,6	114,3	116,0	114,4

Таблица 3

Основные параметры измерительных признаков в этнических группах северо-востока Якутии (женщины)

Признак		Юкагирки				Эвенки гунд- ровые	Якутки нижне- колымские	Чукчанки нижне- колымские
		верхнеко- лымские	нижнеко- лымские	нижнеинди- гирские	суммарно тундровые (3+4)			
1		2	3	4	5	6	7	8
Длина тела	n	22	27	14	41	27	66	23
	\bar{x}	149,1	146,5	145,6	146,2	147,2	150,9	147,8
	$m(\bar{x})$	1,3	0,8	1,5	0,7	0,9	0,5	0,9
	S	6,0	4,0	5,5	4,3	4,6	4,2	4,5
	$m(S)$	0,9	0,5	0,1	0,5	0,6	0,4	0,7
Продольный диаметр го- ловы	n	24	30	15	45	32	70	28
	\bar{x}	184,0	185,2	183,3	184,7	186,6	184,3	183,2
	$m(\bar{x})$	0,9	1,0	1,8	0,8	0,9	0,6	0,9
	S	4,6	5,5	7,1	5,4	4,9	4,9	5,0
	$m(S)$	0,7	0,7	1,3	0,6	0,6	0,4	0,7
Поперечный диаметр го- ловы	\bar{x}	150,3	149,7	150,9	150,3	151,1	153,5	149,9
	$m(\bar{x})$	0,9	0,7	1,1	0,6	0,8	0,5	1,0
	S	4,3	3,8	4,3	4,0	4,4	4,5	5,1
	$m(S)$	0,6	0,5	0,8	0,4	0,6	0,4	0,7
	Наименьший лобный ди- аметр	\bar{x}	100,1	100,5	99,8	100,3	99,5	100,7
$m(\bar{x})$		0,7	0,7	1,3	0,7	0,9	0,5	0,9
S		3,5	3,9	5,2	4,4	4,9	4,2	4,7
$m(S)$		0,5	0,5	0,9	0,5	0,6	0,4	0,6
Скуловой ди- аметр		\bar{x}	137,4	139,0	138,4	138,7	139,1	141,6
	$m(\bar{x})$	0,9	0,9	1,1	0,7	0,7	0,6	0,8
	S	4,4	5,1	4,3	4,9	4,0	4,8	4,1
	$m(S)$	0,6	0,7	0,8	0,5	0,5	0,4	0,5
	Нижне-челю- стной диаме- тр	\bar{x}	107,9	109,9	107,3	109,0	107,4	108,4
$m(\bar{x})$		1,1	0,8	1,5	0,8	0,8	0,6	1,0
S		5,6	4,6	5,6	5,1	4,4	5,0	5,3
$m(S)$		0,8	0,6	1,0	0,5	0,6	0,4	0,7
Физиономиче- ская высо- та лица		\bar{x}	184,1	185,8	183,9	185,1	185,2	187,2
	$m(\bar{x})$	1,9	1,7	2,2	1,3	1,6	0,9	1,3
	S	8,7	9,2	8,6	9,0	8,8	7,6	6,6
	$m(S)$	1,3	1,2	1,6	0,9	1,1	0,7	0,9
	Морфологиче- ская высо- та лица	\bar{x}	126,9	127,8	125,4	126,9	128,1	131,4
$m(\bar{x})$		1,5	1,3	1,5	0,8	1,1	0,8	1,2

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5	6	7	8	
	S	6,6	7,0	5,9	5,4	6,0	6,4	6,1
	$m(S)$	1,0	0,9	1,1	0,6	0,8	0,6	0,9
Высота носа (от ниж- него края бровей)	n	24	30	15	45	34	70	28
	\bar{x}	61,6	63,1	60,3	62,1	62,3	65,5	60,9
	$m(\bar{x})$	1,0	1,1	1,0	0,9	0,8	0,6	1,0
	S	4,9	6,1	3,9	5,7	4,7	4,8	5,0
	$m(S)$	0,7	0,8	0,7	0,6	0,6	0,4	0,7
Высота носа (от пере- носья)	\bar{x}	46,3	47,8	45,6	47,0	46,7	50,0	46,8
	$m(\bar{x})$	0,7	0,6	0,7	0,5	0,7	0,4	0,5
	S	3,5	3,4	2,6	3,4	3,9	3,5	2,9
	$m(S)$	0,5	0,4	0,5	0,4	0,5	0,3	0,4
Ширина носа	\bar{x}	34,4	35,0	34,5	34,9	34,2	34,2	36,4
	$m(\bar{x})$	0,6	0,5	0,8	0,4	0,5	0,3	0,5
	S	3,1	2,6	3,1	2,7	2,7	2,6	2,7
	$m(S)$	0,5	0,3	0,6	0,3	0,3	0,2	0,4
Высота верх- ней губы	\bar{x}	18,2	19,8	18,7	19,4	18,5	17,4	17,2
	$m(\bar{x})$	0,6	0,6	0,7	0,5	0,5	0,3	0,5
	S	2,7	3,4	2,7	3,2	2,7	2,0	2,2
	$m(S)$	0,4	0,5	0,5	0,3	0,4	0,2	0,3
Ширина рта	\bar{x}	50,1	52,4	51,3	51,9	51,0	51,7	54,6
	$m(\bar{x})$	0,7	0,7	0,8	0,5	0,6	0,4	0,6
	S	3,3	3,7	3,0	3,5	3,6	3,6	3,1
	$m(S)$	0,5	0,5	0,5	0,4	0,5	0,3	0,5
«Толщина» обеих губ	\bar{x}	16,2	16,1	17,5	16,5	17,1	16,7	19,9
	$m(\bar{x})$	0,8	0,7	1,0	0,6	0,7	0,4	0,9
	S	3,5	3,9	3,7	3,8	3,7	3,5	4,3
	$m(S)$	0,6	0,5	0,7	0,4	0,5	0,3	0,6
Указатели:								
Головной		81,7	80,8	82,3	81,4	81,0	83,2	81,9
Лицевой фи- зиономиче- ский		74,6	74,9	75,3	74,9	75,1	75,6	76,5
Лицевой мор- фологиче- ский		92,3	91,9	90,6	91,5	92,1	92,8	90,4
Носовой (от нижнего края бро- вей)		55,8	57,1	57,2	56,2	54,9	52,5	59,7

1	2	3	4	5	6	7	8
Носовой (от перевосья)	74,4	73,3	75,6	74,2	76,2	68,4	77,7
Челюстно-лоб- ный	107,7	109,4	107,5	108,7	107,9	107,9	109,6

Таблица 4

Величины измерительных признаков у восточных самодийских групп (жепцины)

Признак		Ненки (устье Енисей)			Эпки тундровые (устье Енисей)	Иганасанки (Таймыр)		
		мунгуй- ские	ворон- цовские	ненки суммарно (2+3)		авамские	вадеев- ские	иганасап- ки сум- марно
1		2	3	4	5	6	7	8
Длина тела	n	28	18	46	10	39	22	61
	\bar{x}	147,1	145,4	146,3	145,3	144,8	142,3	143,9
	$m(\bar{x})$	1,0	1,2	0,8	1,6	0,8	1,2	0,7
	S	5,5	5,0	5,3	5,1	5,0	5,8	5,4
	$m(S)$	0,7	0,8	0,6	1,1	0,6	0,9	0,5
Продольный диаметр голебы	n	37	20	57	15	52	29	81
	\bar{x}	181,0	180,0	180,6	180,7	183,3	181,8	182,8
	$m(\bar{x})$	1,0	1,3	0,8	1,2	0,7	1,0	0,6
	S	6,3	6,0	6,2	4,5	5,3	5,1	5,3
	$m(S)$	0,7	0,9	0,6	0,8	0,5	0,7	0,4
Поперечный диаметр головы	\bar{x}	151,4	149,9	150,9	153,2	155,9	155,1	155,6
	$m(\bar{x})$	0,9	1,0	0,7	1,2	0,6	0,8	0,5
	S	5,3	4,6	5,1	4,8	4,4	4,4	4,4
	$m(S)$	0,6	0,7	0,5	0,9	0,4	0,6	0,4
	Наименьшая ширина лба	\bar{x}	102,1	101,3	101,8	102,1	101,5	100,9
$m(\bar{x})$		0,7	1,1	0,6	1,1	0,7	0,9	0,6
S		4,1	5,1	4,5	4,2	5,2	4,9	5,1
$m(S)$		0,5	0,8	0,4	0,8	0,5	0,6	0,4
Скуловой ди- аметр		\bar{x}	138,3	137,7	138,1	141,3	143,5	143,3
	$m(\bar{x})$	0,9	0,9	0,6	1,3	0,7	0,9	0,5
	S	4,9	4,2	4,6	5,0	4,7	4,8	4,8
	$m(S)$	0,6	0,7	0,4	0,9	0,5	0,6	0,4

Продолжение табл. 4

1		2	3	4	5	6	7	8
Нижнечелюстной диаметр	\bar{x}	108,5	109,3	108,8	110,7	109,9	110,1	110,0
	$m(\bar{x})$	0,8	1,1	0,7	1,3	0,6	1,0	0,6
	S	4,9	5,0	4,9	4,9	4,6	5,5	4,9
	$m(S)$	0,6	0,8	0,5	0,9	0,5	0,7	0,4
Физиономическая высота лица	n	37	20	57	14	50	28	78
	\bar{x}	185,2	182,6	184,3	182,6	184,5	184,5	184,5
	$m(\bar{x})$	1,1	2,0	1,0	2,1	1,0	1,2	0,8
	S	6,9	9,0	7,7	7,7	7,0	6,4	6,8
Морфологическая высота лица (от нижнего края бровей)	$m(S)$	0,8	1,4	0,7	1,5	0,7	0,9	0,5
	n	37	18	55	13	51	29	80
	\bar{x}	123,8	125,6	124,4	127,5	124,6	125,0	124,8
	$m(\bar{x})$	1,0	1,7	0,9	1,6	0,7	1,3	0,6
Высота носа (от нижнего края бровей)	S	6,3	7,3	6,4	5,8	5,3	6,6	5,8
	$m(S)$	0,7	1,2	0,6	1,1	0,5	0,9	0,5
	n	37	19	56	15	52	29	81
	\bar{x}	59,7	61,2	60,1	61,3	59,9	59,6	59,8
Высота носа (от переносья)	$m(\bar{x})$	0,7	1,0	0,6	1,6	0,6	0,7	0,5
	S	4,1	4,4	4,1	6,2	4,4	4,0	4,3
	$m(S)$	0,5	0,7	0,4	1,1	0,4	0,5	0,3
	\bar{x}	46,4	47,4	46,7	45,9	44,8	45,6	45,0
Ширина носа	$m(\bar{x})$	0,6	0,8	0,5	1,2	0,5	0,5	0,4
	S	3,7	3,5	3,6	4,5	3,5	2,4	3,2
	$m(S)$	0,4	0,6	0,3	0,8	0,4	0,3	0,3
	\bar{x}	34,4	35,4	34,8	35,6	35,1	34,9	35,0
Высота верхней губы	$m(\bar{x})$	0,4	0,6	0,3	0,5	0,4	0,4	0,3
	S	2,3	2,7	2,5	2,1	2,6	2,0	2,4
	$m(S)$	0,3	0,4	0,2	0,4	0,3	0,3	0,2
	n	37	20	57	13	50	29	79
	\bar{x}	15,7	17,4	16,3	18,2	16,9	16,2	16,6

1		2	3	4	5	6	7	8	
Ширина рта	$m(\bar{x})$	0,4	0,6	0,4	0,6	0,3	0,4	0,3	
	S	2,6	2,6	2,7	2,2	2,3	2,1	2,3	
	$m(S)$	0,3	0,4	0,3	0,4	0,2	0,3	0,2	
	n	37	20	57	12	51	28	79	
	\bar{x}	50,4	52,0	50,6	50,6	51,7	51,3	51,5	
	$m(\bar{x})$	0,8	0,9	0,6	0,9	0,5	0,8	0,5	
	S	4,7	3,8	4,4	3,0	3,8	4,3	4,0	
	$m(S)$	0,5	0,6	0,4	0,6	0,4	0,6	0,3	
	«Толщина» губ	n	37	20	57	12	50	29	79
		\bar{x}	14,5	13,0	14,1	15,0	15,2	14,7	15,0
$m(\bar{x})$		0,7	0,6	0,5	1,1	0,5	0,7	0,4	
S		4,3	2,8	3,9	3,8	3,5	3,7	3,6	
$m(S)$		0,5	0,5	0,4	0,8	0,4	0,5	0,3	
<i>Указатели:</i>									
Головной		83,6	83,3	83,5	84,8	85,5	85,3	85,2	
Лицевой физиономический	74,7	75,4	75,0	77,4	77,7	77,7	77,7		
Лицевой морфологический	89,5	91,2	90,0	90,2	86,9	87,2	87,0		
Носовой (от нижнего края бровей)	57,6	57,8	57,9	58,1	59,2	58,5	58,6		
Носовой (от переносья)	68,3	74,6	74,5	77,6	79,8	76,6	77,7		
Челюстно-лобный	106,3	107,9	106,9	108,4	108,4	109,1	108,6		

Цвет радужины глаз, волос, кожи (мужчины)

Признак	Юкагиры				Якуты (инне- -колымские)	Чукчи (инне- -колымские)	Ненцы (устье Ени- сея)			Энты (Яндровые (устье Кинсея)			Иганасы (Гаймыр)				
	Верхнеко- лымские	нижнеко- лымские	нижнеин- дигир- ские	юкагиры (3+4)			Якуты (инне- -колымские)	Чукчи (инне- -колымские)	Мунгуй- ские	Ворон- цовские	ненцы сумарно	Энты (Яндровые (устье Кинсея)	авамские	вадее- ские	Иганасы ны сум- марно		
Цвет глаз (по шкале Буака)																	
Число наблюдений	23	29	15	44	63	36	35	35	70	30	68	37	122				
1 — черные	8,7	—	—	—	—	—	—	—	—	3,3	—	—	—				
2 — темно-карие	8,7	24,1	20,0	22,7	15,9	13,9	5,7	8,6	7,1	23,4	26,5	18,9	22,2				
3 — светло-карие	39,1	41,4	73,3	52,3	49,1	63,9	60,0	54,3	57,2	46,7	54,4	75,7	62,3				
4 — желтые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
5 — каре-зеленые	39,1	24,1	6,7	18,2	25,4	13,9	25,7	17,1	21,4	20,0	14,7	2,7	10,6				
6 — зеленые	—	—	—	—	—	—	2,9	—	1,4	3,3	—	—	—				
7 — серо-зеленые	4,4	10,4	—	6,8	4,8	8,3	—	8,6	4,3	3,3	2,9	2,7	3,3				
8 — серые с желтым венчиком	—	—	—	—	4,8	—	5,7	11,4	8,6	—	—	—	0,8				
9 — серые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5	—	0,8				
10 — серо-голубые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
11 — голубые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
12 — синие	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5	—	—				
9 — 12 — светлые (0)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—				
5 — 8 — смешан- ные (1)	43,5	34,5	6,7	25,0	35,0	22,2	34,3	37,1	35,7	26,6	17,6	5,4	14,7				
1 — 4 — темные (2)	56,5	65,5	93,3	75,0	65,0	77,8	65,7	62,9	64,3	73,4	80,9	94,6	84,5				

Средний балл	1,57	1,66	1,93	1,75	1,65	1,78	1,66	1,63	1,64	1,73	1,79	1,95	1,84
<i>Цвет волос (по шкале Финчера)</i>													
Число наблюдений	20	17	10	29	51	29	31	30	61	29	64	34	115
27 — иссиня-черные	40,0	47,1	40,0	44,4	53,0	44,8	19,4	6,8	13,2	34,5	50,0	28,4	43,5
4 — черные с каштановым оттенком	50,0	41,1	60,0	48,2	35,2	48,3	54,8	63,3	59,0	44,8	45,3	67,7	52,2
5 — темно-каштановые	40,0	11,8	—	7,4	11,8	6,9	19,4	23,3	21,3	10,4	4,7	2,9	4,3
6 — каштановые	—	—	—	—	—	—	6,4	3,3	4,9	6,9	—	—	—
7 — каштановые с пепельным оттенком	—	—	—	—	—	—	—	3,3	1,6	3,4	—	—	—
<i>Цвет кожи (по шкале Лушана)</i>													
Число наблюдений	18	28	14	42	63	30	35	34	69	31	67	34	121
3	—	7,1	—	4,8	6,3	—	—	5,9	2,9	9,7	7,5	8,8	8,3
7	22,2	21,4	42,9	28,6	25,4	3,3	68,6	50,0	59,5	45,2	62,7	73,6	68,6
8	22,2	17,9	—	11,9	9,5	—	—	2,9	1,4	9,6	16,4	8,8	10,7
9	55,6	32,1	50,0	38,0	31,8	30,0	31,4	38,2	34,8	25,8	13,4	8,8	12,4
10	—	17,9	—	11,9	23,8	30,0	—	3,0	1,4	6,5	—	—	—
11	—	3,6	—	2,4	—	—	—	—	—	3,2	—	—	—
12	—	—	7,1	2,4	3,2	30,0	—	—	—	—	—	—	—
13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	—	—	—	—	—	6,7	—	—	—	—	—	—	—
Светлая кожа (№ 3, 7—9)	100,0	78,5	92,9	83,3	73,0	63,3	100,0	97,0	98,6	90,3	100,0	100,0	100,0
Смуглая кожа (10—14)	—	21,5	7,1	16,7	27,0	36,7	—	3,0	1,4	9,7	—	—	—

Цвет радужины глаз, волос, кожи (женщины)

Признак	Юкагирки				Чучалякские инженеры	Ненцы (устье Енисей)			Энки (устье Енисей)			Нганасанки (Таймыр)		
	Верхнее лицо	Лицевое лицо	Лицевое лицо	Лицевое лицо (3+4)		Мунгуд- ские	Ворон- цовские	Ненцы сумарно	Энки сумарно	Авмарские	Вадсв- ские	Нганасанки сумарно		
Цвет глаз (по шкале Бунака)														
Число наблюдений	24	29	15	44	27	36	49	55	45	52	29	81		
1 — черные	16,7	3,3	13,4	6,8	—	—	10,5	3,6	13,3	7,7	6,9	7,4		
2 — темно-карие	50,0	38,0	40,0	38,6	40,7	33,3	42,1	36,4	53,3	36,5	31,0	34,6		
3 — светло-карие	20,8	38,0	46,4	41,0	51,9	52,8	26,3	43,6	26,7	46,2	62,4	51,9		
4 — желтые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
5 — каро-зеленые	12,5	20,7	—	13,6	3,7	11,1	15,8	12,8	—	7,7	—	4,9		
6 — зеленые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
7 — серо-зеленые	—	—	—	—	3,7	—	5,3	1,8	—	1,9	—	1,2		
8 — серые с желтым венчиком	—	—	—	—	—	2,8	—	1,8	6,7	—	—	—		
9 — серые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
10 — серо-голубые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
11 — голубые	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
12 — синие	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
9-12 — светлые (0)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
5-8 — смешанные (1)	12,5	20,7	—	13,6	7,4	13,9	21,1	16,4	6,7	9,6	—	6,1		
1-4 — темные (2)	87,5	79,3	100,0	86,4	92,6	86,1	78,9	83,6	93,3	90,4	100,0	93,9		

Средний балл	1,88	1,79	2,00	1,86	1,69	1,93	1,84	1,93	1,90	2,00	1,94
<i>Цвет волос (по шкале Фишера)</i>											
Число наблюдений	19	27	14	41	64	28	52	15	47	29	76
27 — иссиня-черные	31,6	25,9	35,7	29,3	54,7	50,0	25,0	73,3	59,6	31,0	48,7
4 — черные с каштановым оттенком	47,3	63,0	64,3	63,5	29,7	42,8	51,9	26,7	34,0	65,5	46,1
5 — темно-каштановые	21,1	11,0	—	7,2	14,0	7,2	19,2	—	6,4	13,5	5,2
6 — каштановые	—	—	—	—	1,6	—	3,9	—	—	—	—
<i>Цвет кожи (по шкале Лушана)</i>											
Число наблюдений	21	30	15	45	70	25	56	15	52	29	81
3	4,1	10,0	—	6,7	5,7	—	7,3	13,3	21,2	17,3	19,8
7	33,3	36,6	86,6	53,3	48,6	12,0	69,6	60,0	55,7	72,4	61,8
8	19,1	26,7	—	17,8	10,0	—	—	6,7	9,6	6,9	8,5
9	33,3	26,7	6,7	20,0	21,4	28,0	19,6	20,0	13,5	3,4	9,9
10	9,5	—	—	—	14,3	36,0	3,6	—	—	—	—
11	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12	—	—	6,7	2,2	—	24,0	—	—	—	—	—
13	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Светлая кожа (3, 7—9)	90,5	100,0	93,3	97,8	85,7	40,0	96,4	100,0	100,0	100,0	100,0
Смуглая кожа (10—14)	9,5	—	6,7	2,2	14,3	60,0	3,6	—	—	—	—

Форма волос головы, волосяной покров на груди и лице (мужчины)

Признак	Юкагиры				Якуты нижне- колым- ские	Чукчи нижне- колым- ские	Ненцы (устье Енисей)			Эпшы тунд- ровые (устье Ени- сей)			Нганасаны (Таймыр)				
	верхне- колым- ские	нижне- колым- ские	нижне- инди- гир- ские	юкаги- ры тунд- ровые			мун- гуй- ские	ворон- цов- ские	ненцы сум- марно	авам- ские	ваде- евские	инга- саны (сум- марно)					
Форма волос головы																	
Число наблюдений	20	20	40	30	51	29	33	34	67	31	67	67	36	120			
1 — прямые жесткие	45,0	75,0	40,0	63,3	55,0	58,6	42,1	41,8	11,9	35,5	11,9	50,7	50,0	45,0			
2 — прямые мягкие	35,0	20,0	60,0	33,4	39,1	37,9	72,7	67,6	70,2	64,5	44,8	44,5	50,0				
3 — волнистые мягкие	10,0	—	—	—	2,0	3,5	9,1	14,7	11,9	—	1,5	1,5	5,5	3,3			
3ж — волнистые жесткие — узковолнистые	10,0	5,0	—	3,3	3,9	—	6,1	3,0	4,5	—	3,0	—	—	1,7			
Рост бровей	—	—	—	—	—	—	—	2,9	1,5	—	—	—	—	—			
Число наблюдений	23	29	15	44	64	36	35	35	70	31	68	37	122				
1 — слабый	73,9	75,9	66,7	72,7	71,9	44,4	54,3	34,3	44,3	51,6	50,0	46,0	46,7				
2 — средний	21,7	24,1	33,3	27,3	28,1	55,6	45,7	65,7	55,7	48,4	48,5	54,0	52,5				
3 — сильный	4,4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5	—	0,8				
Средний балл	1,30	1,24	1,33	1,27	1,28	1,56	1,46	1,66	1,56	1,48	1,51	1,54	1,54				

*Рост бороды (у лиц
старше 25 лет)*

Число наблюдений

1 — очень слабый

2 — слабый

3 — средний

4 — сильный

5 — очень сильный

Средний балл

21	25	12	37	46	31	25	29	54	28	57	25	97
81,0	92,0	100,0	94,6	63,0	90,3	56,0	34,5	44,4	64,3	87,8	92,0	88,7
14,3	8,0	—	5,4	34,8	9,7	32,0	55,2	44,4	35,7	12,2	8,0	11,3
4,7	—	—	—	2,2	—	12,0	10,3	11,2	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1,24	1,08	1,00	1,05	1,39	1,10	1,56	1,76	1,67	1,36	1,12	1,08	1,11

*Волосной покров
на груди (после
25 лет)*

Число наблюдений

1 — очень слабый

2 — слабый

3 — средний

4 — сильный

5 — очень сильный

Средний балл

21	24	12	36	46	31	25	29	54	28	57	25	97
100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00

Форма волос головы, рост бровей (женщины)

Признак	Юкагирки						Якут-ки	Чук-чапки	Ненки (устье Енисей)			Энки тундровые (устье Енисей)	Нганасанки (Таймыр)			
	верхне-колымские		нижне-индигирские		юкагирки тундровые				мун-гуйские	юрэн-цовские	ненки суммарно		авамские	вадеевские	нганасанки суммарно	
	1	2	1	2	1	2										1
<i>Форма волос головы</i>																
Число наблюдений	19	27	14	41	41	65	28	35	20	55	15	51	29	80		
1 — прямые жесткие	52,7	25,9	21,4	24,4	24,4	41,5	46,4	22,9	30,0	25,5	53,3	43,1	27,6	37,5		
2 — прямые мягкие	47,3	74,1	78,6	75,6	75,6	47,7	53,6	71,4	65,0	69,1	46,7	56,9	72,4	62,5		
3 — волнистые мягкие	—	—	—	—	—	6,2	—	2,9	—	1,8	—	—	—	—		
ЭЖ — волнистые жесткие	—	—	—	—	—	4,6	—	2,8	5,0	3,6	—	—	—	—		
<i>Рост бровей</i>																
Число наблюдений	24	30	15	45	45	70	28	37	20	57	15	52	29	81		
1 — слабый	91,7	90,0	93,3	91,1	91,1	91,4	71,5	97,0	100,0	98,2	86,7	86,5	86,2	86,4		
2 — средний	8,3	10,0	6,7	8,9	8,9	8,6	28,5	3,0	—	1,8	13,3	13,5	13,8	13,6		
3 — сильный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		
Средний балл	1,08	1,10	1,07	1,09	1,09	1,09	1,29	1,03	1,00	1,02	1,13	1,14	1,14	1,14		

Морфология глазной области (мужчины)

Признак	Юкагиры				Ненцы (устье Енисея)				Энцы (устье Енисея)			Нганасаны (Таймыр)		
	верхне- колым- ские	нижне- колым- ские	нижне- инди- гир- ские	юкаги- ры тунд- ровые (3+4)	Якуты нижне- колым- ские	Чукчи	мун- гуй- ские	ворон- цов- ские	ненцы сум- марно	Энцы тунд- ровые (устье Енисея)	авам- ские	ваце- евские	нган- саны сум- марно	
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	
1														
Число наблюдений	23	29	15	44	63	36	35	35	70	31	68	37	122	
Ширина глазной щели:														
1 — малая	65,2	69,0	73,3	70,5	66,7	75,0	65,7	65,7	65,7	80,6	63,2	78,4	68,1	
2 — средняя	34,8	31,0	26,7	29,5	33,3	25,0	34,3	34,3	34,3	49,4	36,8	21,6	31,9	
3 — большая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
Средний балл	1,35	1,31	1,27	1,30	1,33	1,25	1,34	1,34	1,34	1,19	1,37	1,22	1,32	
Наклон осей глазной щели:														
1 — наружный	—	—	—	—	—	—	—	2,9	1,4	—	—	—	—	
угол ниже	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
2 — горизон- тальное по- ложение	73,9	34,5	53,3	40,9	58,7	75,0	54,3	71,4	62,9	71,0	64,7	48,6	60,6	
3 — наружный	26,1	65,5	46,7	59,1	41,3	25,0	45,7	25,7	35,7	29,0	35,3	51,4	39,4	
угол выше	2,26	2,66	2,47	2,59	2,41	2,25	2,46	2,23	2,34	2,29	2,35	2,51	2,39	
Средний балл														

Окончание табл. 9

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Эпикантус:													
0 — отсутстви-													
ет	52,2	55,2	43,3	40,9	41,3	41,7	71,4	62,9	67,1	54,8	57,3	46,0	56,6
1 — слабо раз-													
вит	39,1	31,0	46,7	36,4	38,1	33,3	20,0	34,3	27,1	32,3	29,4	40,5	32,0
2 — средне													
развит	8,7	10,3	33,3	18,2	19,0	13,9	5,7	1,8	4,3	12,9	10,3	13,5	9,8
3 — сильно													
развит	—	3,5	6,7	4,5	1,6	11,1	2,9	—	1,5	—	3,0	—	1,6
Средний балл	0,56	0,62	1,33	0,86	0,81	0,94	0,49	0,38	0,40	0,58	0,59	0,68	0,56
Внутренняя часть													
смадди верхнего													
бюка (р):													
0 — отсутстви-													
ет	21,1	17,2	6,7	13,6	11,1	8,3	50,0	37,1	43,5	51,6	30,9	24,3	32,0
1 — слабо раз-													
вита	—	3,5	—	2,3	4,8	5,6	8,8	8,6	8,7	9,7	4,5	5,4	3,3
2 — средне													
развита	8,7	10,3	—	6,8	15,9	11,1	29,4	28,6	29,0	3,2	8,8	13,5	9,8

3 — сильно развита	69,6	69,0	93,3	77,3	68,2	75,0	11,8	25,7	18,8	35,5	58,8	56,8	54,9
Средний балл	2,26	2,31	2,87	2,48	2,41	2,53	1,03	1,43	1,23	1,23	1,96	2,03	1,88
Средняя часть складки верхнего века (<i>m</i>)													
0 — отсутствует	—	—	—	—	—	—	14,7	2,9	8,7	9,7	1,5	5,4	3,3
1 — слабо развита	—	3,5	—	2,3	4,8	5,6	8,8	8,6	8,7	9,7	1,5	5,4	3,3
2 — средне развита	8,7	13,8	—	9,1	17,4	11,1	38,2	37,1	37,7	6,5	8,8	13,5	11,4
3 — сильно развита	91,3	82,7	100,0	88,6	77,8	83,3	38,3	51,4	44,9	74,1	88,2	75,7	82,0
Средний балл	2,91	2,79	3,00	2,86	2,73	2,78	2,01	2,37	2,19	2,45	2,84	2,60	2,72
Наружная часть складки верхнего века (<i>d</i>):													
0 — отсутствует	4,3	—	—	—	1,6	2,8	11,8	8,6	10,2	6,5	1,5	8,1	4,1
1 — слабо развита	—	3,5	—	2,3	4,8	5,6	8,8	8,6	8,7	9,7	1,5	5,4	3,3
2 — средне развита	8,7	13,8	—	9,1	17,4	11,1	32,4	34,3	33,3	6,5	8,8	13,5	11,4
3 — сильно развита	87,0	82,7	100,0	88,6	76,2	80,5	47,0	48,5	47,8	77,3	88,2	73,0	81,2
Средний балл	2,78	2,79	3,00	2,86	2,68	2,69	2,45	2,23	2,19	2,55	2,84	2,51	2,70

Морфология глазной области (женщины)

Признак	Юкагирки				Чук-чанки		Ненки (устье Енисей)			Энки тундровые (устье Енисей)	Нганасанки (Таймыр)		
	Верхне-колымские		Нижне-колымские		Чук-чанки	Ненки (устье Енисей)		Энки тундровые (устье Енисей)	Нганасанки (Таймыр)				
	2	3	4	5		6	7		8		9	10	11
Число наблюдений	24	29	15	44	70	27	37	19	56	15	52	29	81
Ширина глазной щели:													
1 — малая	75,0	69,0	100,0	79,5	60,0	48,1	67,6	68,4	67,9	66,7	69,2	75,9	71,6
2 — средняя	25,0	31,0	—	20,5	40,0	51,9	32,4	31,6	32,1	33,3	28,9	24,1	27,2
3 — большая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,9	—	1,2
Средний балл	1,25	1,31	1,00	1,20	1,40	1,32	1,32	1,32	1,32	1,33	1,33	1,24	1,30
Наклон осей глазной щели													
1 — наружный угол ниже	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,9	—	1,2
2 — горизонтальное положение	54,1	41,4	53,4	45,5	65,7	81,5	59,5	47,4	55,4	53,3	48,1	51,7	49,4
3 — наружный угол выше	45,9	58,6	46,6	54,5	34,3	18,5	40,5	52,6	44,6	46,7	50,0	48,3	49,4
Средний балл	2,46	2,59	2,47	2,55	2,34	2,19	2,41	2,53	2,45	2,47	2,48	2,48	2,48

Эпикантус:

0 — отсутст- вует	37,5	48,3	26,6	40,9	41,5	33,3	54,1	52,6	53,6	53,3	38,5	17,2	30,9
1 — слабо раз- вит	29,2	27,6	26,6	27,3	37,1	51,9	35,1	31,6	33,9	33,3	30,8	55,2	39,5
2 — средне развит	20,8	10,3	33,4	18,3	15,7	7,4	8,1	15,8	10,7	6,7	19,2	20,7	19,8
3 — сильно развит	12,5	13,8	13,4	13,5	5,7	7,4	2,7	—	1,8	6,7	11,5	6,9	9,8
Средний балл	1,08	0,90	1,34	1,04	0,86	0,89	0,59	0,63	0,61	0,67	1,03	1,17	1,09
Складка верхнего века (внутренняя часть <i>p</i>)	20,8	17,2	13,4	15,9	8,6	18,4	46,0	31,6	41,1	53,3	26,9	20,7	24,7
0 — отсутст- вует	—	3,5	—	2,3	4,3	3,7	2,7	—	1,8	—	—	3,4	1,2
1 — слабо раз- вита	12,5	10,3	—	6,8	32,8	22,3	24,3	5,3	17,9	6,7	15,4	17,4	16,1
2 — средне развита	66,7	69,0	86,6	75,0	54,3	55,6	27,0	63,1	39,2	40,0	57,7	58,5	58,0
3 — сильно развита	2,25	2,31	2,60	2,41	2,33	2,15	1,32	2,00	1,55	1,33	2,04	2,10	2,08
Средний балл	—	—	—	—	—	—	8,1	5,3	7,1	—	1,9	—	1,2
Складка верхнего века (средняя часть <i>m</i> —)	—	3,5	—	2,2	4,3	3,7	2,7	—	1,8	—	—	—	—
0 — отсутст- вует	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1 — слабо раз- вита	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
2 — средне развита	12,5	10,3	—	6,8	32,8	25,9	37,8	10,5	28,6	13,3	17,3	24,2	19,8
3 — сильно развита	87,5	86,2	100,0	91,0	62,9	70,4	51,4	84,2	62,5	86,7	80,8	75,8	79,0
Средний балл	2,88	2,83	3,00	2,89	2,59	2,67	2,32	2,73	2,47	2,87	2,77	2,76	2,77
Складка верхнего века (наружная часть —d—)													
0 — отсутст- вует	4,2	—	—	—	5,7	3,7	13,5	5,3	10,7	6,7	3,8	6,9	5,0
1 — слабо раз- вита	—	3,5	—	2,2	4,3	3,7	2,7	—	1,8	—	—	—	—
2 — средне развита	8,3	10,3	—	6,8	30,0	25,9	29,7	10,5	23,2	13,3	17,3	19,3	14,8
3 — сильно развита	87,5	86,2	100,0	91,0	60,0	66,7	54,1	84,2	64,3	80,0	78,9	82,2	80,2
Средний балл	2,21	2,83	3,00	2,89	2,44	2,56	2,24	2,73	2,41	2,67	2,71	2,69	2,70

Наклон лба, строение области переноса, горизонтальный профиль лица (мужчины)

Признак	Юкагиры					ДЮКЪТЫ НИЖНЕ-КОЛЫМСКИЕ	ДЮКЪТЫ НИЖНЕ-КОЛЫМСКИЕ	Щенцы (устье Енисея)			Щенцы ТУНДРОВЫЕ (УСТЬЕ ЕНИСЕЯ)	Иганасаны (Таймыр)			
	Юкагиры		Юкагиры		8			9	Иганасаны (Таймыр)			10	11	Иганасаны (Таймыр)	
	верхне-колымские	нижне-колымские	восточные	западные (3+4)					авамские	иганасанские				12	13
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		
Число наблюдений	23	29	15	44	64	36	35	35	70	31	68	37	122		
Наклон лба:															
1 — сильнонаклонный	4,4	3,4	6,7	4,5	6,2	5,6	2,9	8,6	5,7	12,9	7,4	10,8	9,0		
2 — средне-наклонный	56,5	62,1	40,0	54,5	57,8	63,9	42,9	60,0	51,4	61,3	58,8	70,3	63,1		
3 — слабонаклонный	39,1	34,5	53,3	41,0	36,0	30,5	54,2	31,4	42,9	25,8	33,8	18,9	27,9		
Средний балл	2,35	2,31	2,47	2,36	2,30	2,25	2,51	2,23	2,37	2,13	2,26	2,08	2,19		
Развитие надбровья:															
1 — слабое	56,5	41,4	80,0	54,5	64,0	38,9	65,7	48,6	57,1	54,8	50,0	54,4	49,2		
2 — среднее	43,5	51,7	20,0	41,0	34,4	61,1	34,3	45,7	40,0	45,2	42,7	40,5	45,1		
3 — сильное	—	6,9	—	4,5	1,6	—	—	5,7	2,9	—	7,3	5,4	5,7		
Средний балл	1,44	1,65	1,20	1,50	1,38	1,61	1,34	1,57	1,46	1,45	1,57	1,51	1,57		
Горизонтальный профиль лица:															
1 — плоский	78,3	93,1	80,0	88,6	76,6	36,1	54,3	22,9	38,6	48,4	70,6	67,6	71,3		
2 — средний	21,7	6,9	20,0	11,4	23,4	63,9	45,7	77,1	61,4	51,6	29,4	32,4	28,7		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
3 — выступающий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Средний балл	4,22	4,07	4,20	4,41	4,23	4,64	4,46	4,77	4,61	4,52	4,30	4,32	4,29
Выступление скуч:	13,0	—	13,4	4,5	4,7	16,7	37,1	31,4	34,3	12,9	7,4	2,7	4,8
1 — слабое	69,6	62,0	53,3	59,1	68,8	69,4	57,2	68,6	62,9	71,0	72,0	75,7	74,7
2 — среднее	17,4	38,0	33,3	36,4	26,5	—	5,7	—	2,9	16,1	20,6	21,6	20,5
3 — сильное	2,04	2,38	2,20	2,32	2,22	1,97	1,69	1,69	1,69	2,03	2,13	2,19	2,16
Средний балл	4,13	4,10	4,07	4,09	4,30	4,25	4,60	4,63	4,61	4,36	4,13	4,22	4,16
Высота переносья:	87,0	89,7	93,3	91,0	70,0	75,0	40,0	37,1	38,6	64,5	86,7	78,4	83,6
1 — малая	13,0	40,3	6,7	9,0	29,7	25,0	60,0	62,9	61,4	35,5	13,3	21,6	16,4
2 — средняя	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
3 — большая	4,13	4,10	4,07	4,09	4,30	4,25	4,60	4,63	4,61	4,36	4,13	4,22	4,16
Средний балл	39,1	6,9	20,0	11,4	4,6	13,9	3,0	2,9	2,9	16,1	11,8	2,7	9,8
Поперечный профиль спинки носа:	56,5	79,3	80,0	79,6	34,4	69,4	88,2	80,0	84,1	61,3	72,1	70,3	69,7
1 — плоский	4,4	13,8	—	9,0	64,0	16,7	8,8	17,1	13,0	22,6	16,1	27,0	20,5
2 — средний	4,65	2,07	4,80	4,98	2,33	2,03	2,06	2,14	2,10	2,07	2,04	2,24	2,11
3 — выступающий	Средний балл												

Наклон лба, строение области переноса, поперечный профиль лица (женщины)

Признак	Юкагирки				Юка- гирки (3+4)	Якут- ки	Чук- чанки			Ненки (устье Енисей)			Энки (устье Ландовыя)			Нганасанки (Таймыр)			
	верх- не- ко- лым- ские	2	ниж- не- ко- лым- ские	3			4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		
																		шик- нейн- цигир- ские	юка- гирки тунд- ровые
1																			
Число наблюдений	24	30	15	45	45	70	28	37	20	57	15	52	29	81					
Наклон лба:																			
1 — сильно- наклонный	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2 — средне- наклонный	46,7	23,3	—	45,5	14,3	25,0	18,9	25,0	21,0	43,3	13,3	43,5	40,3	12,3					
3 — слабона- клонный	83,3	76,7	100,0	84,5	85,7	75,0	81,1	75,0	78,9	86,7	86,5	89,7	87,7						
Средний балл	2,83	2,77	3,00	2,85	2,86	2,75	2,81	2,75	2,79	2,87	1,87	2,90	2,88						
Развитие надбровья:																			
1 — слабое	95,8	93,3	100,0	95,6	90,0	92,8	94,6	100,0	96,5	100,0	98,1	96,6	97,5						
2 — среднее	4,2	6,7	—	4,4	10,0	7,2	5,4	—	3,5	—	1,9	3,4	2,5						
3 — сильное	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—						
Средний балл	1,04	1,07	1,00	1,04	1,10	1,07	1,05	1,0	1,04	1,00	1,02	1,03	1,03						

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Горизонтальный профиль лица:													
1 — плоский	87,5	93,3	100,0	95,6	85,7	82,2	86,5	55,0	75,4	86,7	100,0	93,1	97,5
2 — средний	12,5	6,7	—	4,4	14,3	17,8	13,5	45,0	24,6	13,3	—	6,9	2,5
3 — выступаю- щий	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Средний балл	1,12	1,07	1,00	1,04	1,14	1,18	1,14	1,45	1,25	1,13	1,00	1,07	1,03
Выступление скул:													
1 — слабое	4,2	—	—	—	5,7	3,6	18,9	—	12,3	6,7	—	—	—
2 — среднее	62,5	33,3	13,4	26,7	35,7	42,8	59,5	70,0	63,2	13,3	38,5	58,6	45,7
3 — сильное	33,3	66,7	86,6	73,3	58,6	53,6	21,6	30,0	24,5	80,0	61,5	41,4	54,3
Средний балл	2,29	2,67	2,87	2,73	2,53	2,50	2,03	2,30	2,12	2,73	2,62	2,41	2,54
Высота переносы:													
1 — малая	100,00	96,7	100,0	97,8	80,0	92,8	67,6	70,0	68,4	100,0	96,1	96,6	96,3
2 — средняя	—	3,3	—	2,2	20,0	7,2	32,4	30,0	31,6	—	3,9	3,4	3,7
3 — большая	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Средний балл	1,00	1,03	1,00	1,02	1,20	1,07	1,32	1,30	1,32	1,00	1,04	1,03	1,04
Поперечный про- филь спинки носа:													
1 — плоский	75,0	50,0	73,4	57,8	30,0	50,0	51,4	50,0	50,9	80,0	74,5	58,6	68,8
2 — средний	25,0	43,4	26,6	37,7	65,7	46,4	48,6	45,0	47,1	20,0	25,5	41,4	32,2
3 — выступа- ющий	—	6,6	—	4,5	4,3	3,6	—	5,0	1,7	—	—	—	—
Средний балл	1,25	1,57	2,27	1,47	1,74	1,53	1,49	1,55	1,51	1,20	1,26	1,41	1,32

Профиль спинки носа, положение кончика и основания носа (мужчины)

Признак	Юкагиры				Дукчи нижне- колымские	Дукчи нижне- колымские	Ненцы и (устье Енисей)			Энты Тундровые (устье Енисей)	Нганасаны (Таймыр)			
	Верхне- колымские		Нижне- колымские				Мун- гуй- ские	Ворон- цов- ские	Ненцы сум- марно		Авам- ские	Вадеев- ские	Нганасаны сум- марно	
	2	3	4	5					8					9
1					6	7	8	9	10	11	12	13	14	
Число наблюдений	23	29	15	44	64	36	34	35	69	31	67	37	121	
Профиль костной части спинки носа:														
1 — вогнутый	26,1	6,9	13,3	9,0	3,1	8,3	3,0	—	1,4	9,7	4,5	5,4	5,8	
2 — прямой	73,9	82,8	86,7	84,1	57,9	69,5	85,3	85,7	85,6	74,2	70,1	78,4	70,2	
3 — выпуклый	—	10,3	—	6,9	39,0	22,2	11,7	14,3	13,0	16,1	25,4	16,2	24,0	
Средний балл	1,74	2,03	1,87	1,98	2,36	2,14	2,09	2,14	2,12	2,06	2,21	2,11	2,18	
Профиль хрящевой части спинки носа:														
1 — вогнутый	26,1	31,0	26,7	29,6	29,7	41,7	38,2	57,1	47,8	29,0	47,8	46,0	47,9	
2 — прямой	73,9	69,0	73,3	70,4	68,7	58,3	58,8	42,9	50,8	67,7	50,7	54,0	51,3	
3 — выпуклый	—	—	—	—	1,6	—	3,0	—	1,4	3,3	1,5	—	0,8	
Средний балл	1,74	1,69	1,73	1,70	1,72	1,58	1,65	1,43	1,54	1,74	1,54	1,54	1,53	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Общий профиль слинки носа:	34,8	31,0	40,0	34,1	17,2	33,4	29,4	45,7	37,7	32,3	31,3	35,1	30,6
	1 — вогнутый												
	65,2	62,1	60,0	61,3	45,3	44,4	55,9	40,0	47,8	48,4	41,8	48,7	44,6
	2 — прямой												
3 — выпуклый	—	3,4	—	2,3	21,9	8,3	3,0	2,9	12,9	9,0	5,4	6,6	
4 — извили- стый	—	3,5	—	2,3	15,6	13,9	11,7	11,4	11,6	6,4	17,9	10,8	18,2
Положение кончика носа:	82,6	58,6	60,0	59,1	62,5	72,2	82,4	74,3	78,3	87,1	57,4	62,2	58,2
	1 — поднятое												
	13,0	37,9	26,7	34,1	28,1	19,5	17,6	25,7	21,7	9,7	39,7	37,8	39,3
	2 — горизон- тальное												
3 — опущенное	4,4	3,5	13,3	6,8	9,4	8,3	—	—	3,2	2,9	—	2,5	
Средний балл	1,21	1,45	1,53	1,48	1,47	1,36	1,18	1,26	1,22	1,16	1,16	1,38	1,44
Положение основа- ния носа:	47,8	31,0	46,7	36,4	56,3	30,6	38,2	31,4	34,8	58,1	39,7	40,5	40,2
	1 — поднятое												
	47,8	65,5	40,0	56,8	32,8	61,1	58,8	65,7	62,3	35,5	57,4	59,5	57,5
	2 — горизон- тальное												
3 — опущенное	4,4	3,5	13,3	6,8	10,9	8,3	3,0	2,9	6,4	2,9	—	2,5	
Средний балл	1,57	1,73	1,66	1,70	1,55	1,78	1,65	1,71	1,68	1,48	1,63	1,60	1,63

Профиль спинки носа, положение кончика и основания носа (женщины)

Признак	Юкагирки				Якут-ки	Чук-чанки	Ненки (устье Енисей)			Эмки (устье Енисей)			Нганасанки (Таймыр)		
	Верхнеко-лимские	Нижнеко-лимские	Нижнеин-дирские	Юкагир-ки (3+4)			Мунгун-ские	Ворон-цовские	Ненки-ские	Ненки-ские	Ненки-ские	Адамские	Вадцев-ские	Нганасан-ки (Таймыр)	
					2	3									4
1	24	30	15	45	70	28	37	20	57	15	51	29	14		
Число наблюдений	45,8	26,7	40,0	31,0	12,8	32,2	45,9	20,0	36,8	46,7	19,6	10,3	16,3		
Профиль костной части спинки носа:	50,0	66,7	60,0	64,5	78,6	64,2	54,1	70,0	59,7	53,3	76,5	89,7	81,2		
1 — вогнутый	4,2	6,6	—	4,5	8,6	3,6	—	40,0	3,5	—	3,9	—	2,5		
2 — прямой	1,58	1,80	1,60	1,65	1,96	1,71	1,54	1,90	1,67	1,53	1,84	1,90	1,86		
3 — выпуклый															
Средний балл	58,4	53,3	60,0	55,5	42,8	50,0	59,5	45,0	54,4	46,7	56,9	55,2	56,3		
Профиль хрящевой части спинки носа:	41,6	46,6	40,0	44,5	55,8	50,0	40,5	55,0	45,6	53,3	43,1	41,4	42,5		
1 — вогнутый	—	—	—	—	1,4	—	—	—	—	—	—	3,4	1,2		
2 — прямой															
3 — выпуклый															

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Средний балл	1,42	1,47	1,40	1,45	1,59	1,50	1,41	1,55	1,46	1,53	1,43	1,48	1,45
Общий профиль слизны носа:													
1 — вогнутый	66,7	63,4	80,0	69,0	42,8	64,2	83,8	50,0	71,9	73,3	58,8	58,6	58,8
2 — прямой	28,1	30,0	20,0	26,6	47,2	32,2	16,2	40,0	24,6	26,7	37,3	37,9	37,5
3 — выпуклый	4,2	3,3	—	2,2	2,9	3,6	—	—	—	—	—	3,5	4,2
4 — извили- стый	—	3,3	—	2,2	7,1	—	—	10,0	3,5	—	3,9	—	2,5
Положение кончика носа:													
1 — поднятое	79,2	93,4	100,0	95,6	78,6	82,2	89,2	95,0	91,2	93,3	78,5	72,4	76,3
2 — горизон- тальное	20,8	3,3	—	2,2	21,4	17,8	10,8	5,0	8,8	6,7	21,5	24,1	22,5
3 — опущенное	—	3,3	—	2,2	—	—	—	—	—	—	—	3,5	1,2
Средний балл	1,21	1,10	1,00	1,06	1,21	1,18	1,11	1,05	1,09	1,07	1,22	1,31	1,25
Положение основа- ния носа:													
1 — поднятое	54,1	66,7	93,3	75,5	45,7	57,2	56,8	50,0	54,4	80,0	54,9	51,7	53,8
2 — горизон- тальное	45,9	30,0	6,7	22,3	54,3	42,8	43,2	50,0	45,6	20,0	45,1	44,8	45,0
3 — опущенное	—	3,3	—	2,2	—	—	—	—	—	—	—	3,5	1,2
Средний балл	1,46	1,37	1,07	1,27	1,54	1,43	1,43	1,50	1,46	1,20	1,45	1,52	1,47

Морфология крыльев носа (мужчины)

Признак	Юкагиры				Якуты		Ненцы (устье Енисея)			Энци (устье Енисея)			Нганасаны (Таймыр)		
	Верхнеко- лымские		Нижнеко- лымские		Нижнеколым- ские		Мунгун- ские	Ворон- цовские		Ненцы Сумарно		12	13	14	
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14		
1															
Число наблюдений	23	29	15	44	64	36	34	35	69	31	68	37	122		
Высота крыльев но- са:															
1 — малая	4,4	—	—	—	15,6	—	3,0	5,7	4,3	9,7	—	2,7	0,8		
2 — средняя	73,8	72,4	93,3	79,6	76,6	77,8	91,2	85,7	88,4	71,0	82,3	81,1	81,2		
3 — большая	21,8	27,6	6,7	20,4	7,8	21,2	5,8	8,6	7,3	19,3	17,7	16,2	18,0		
Средний балл	2,17	2,28	2,07	2,20	1,92	2,21	2,03	2,03	2,03	2,10	2,18	2,14	2,17		
Выступание крыль- ев:															
1 — слабое	17,4	13,7	13,3	13,6	34,4	8,3	8,8	2,9	5,8	12,9	13,2	13,5	13,1		
2 — среднее	69,5	62,2	73,4	66,0	51,6	66,7	76,5	85,7	81,2	74,2	67,7	75,7	68,9		
3 — сильное	13,1	24,1	13,3	20,4	14,0	25,0	14,7	11,4	13,0	12,9	19,1	10,8	18,0		
Средний балл	1,96	2,10	2,00	2,07	1,80	2,17	2,06	2,09	2,07	2,00	2,06	1,97	2,05		
Выраженность бо- крыльевых бо- розд:															
1 — слабая	65,2	41,4	60,0	47,8	70,3	47,2	38,2	74,3	56,5	48,4	41,2	59,5	45,9		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
2 — средняя	30,4	41,4	26,7	36,3	26,6	41,7	47,1	25,7	36,2	41,9	45,6	35,1	41,0
3 — сильная	4,4	17,2	13,3	15,9	3,1	11,1	14,7	—	7,3	9,7	13,2	5,4	13,1
Средний балл	1,39	1,76	1,53	1,68	1,33	1,64	1,76	1,26	1,51	1,61	1,72	1,46	1,67
Слияние крыльевой борозды с носогубной:													
1 — слабое													
(или нет слияния)	95,6	79,3	73,3	77,3	86,0	80,6	61,8	82,9	72,5	71,0	69,1	78,4	70,5
2 — среднее	—	3,5	20,0	9,1	7,8	13,9	17,6	14,3	15,9	19,3	8,8	18,9	12,3
3 — сильное	4,4	17,2	6,7	13,6	6,2	5,5	20,6	2,8	11,6	9,7	22,1	2,7	17,2
Средний балл	1,09	1,38	1,33	1,36	1,20	1,25	1,59	1,20	1,39	1,39	1,53	1,24	1,47
Наклон осей позд-рей:													
1 — поперечный	30,4	69,0	60,0	65,9	32,8	41,7	11,8	2,9	7,2	12,9	19,1	16,2	18,8
2 — средний	69,6	31,0	40,0	34,1	65,6	55,6	73,5	77,1	75,4	74,2	79,4	83,8	80,4
3 — сагит-тальный	—	—	—	—	1,6	2,7	14,7	20,0	17,4	12,9	1,5	—	0,8
Средний балл	1,70	1,31	1,40	1,34	1,69	1,61	2,03	2,17	2,10	2,00	1,82	1,84	1,82
Форма позд-рей:													
1 — круглые	4,4	36,6	—	9,1	15,6	16,7	3,0	2,9	2,9	9,7	10,3	8,1	9,0
2 — треуголь-ные	52,1	56,7	73,3	70,5	51,6	47,2	26,5	25,7	26,1	35,5	27,9	32,4	28,7
3 — овальные	43,5	6,7	26,7	20,4	32,8	36,1	70,5	71,4	71,0	54,8	58,8	59,5	62,3

Морфология крыльев носа, ноздри (женщины)

Признак	Юкагирки				Якутки		Чукчанки		Ненки (устье Енисей)			Нганасанки (Таймыр)					
	верхне-лымские		нижне-индигирские		юкагирки		нижне-лымские		мургутуйские		воронцовские		ненки суммарно		авамские	вадеевские	нганасанки суммарно
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14				
1																	
Число наблюдений	24	30	15	45	70	28	37	20	57	15	51	29	80				
Высота крыльев носа:																	
1 — малая	12,5	10,0	—	6,7	11,4	—	—	—	—	6,7	7,8	10,3	8,8				
2 — средняя	75,0	76,7	86,6	80,0	85,7	89,3	89,2	85,0	87,7	60,0	80,4	79,4	80,0				
3 — большая	12,5	13,3	13,4	13,3	2,9	10,7	10,8	15,0	12,3	33,3	11,8	10,3	11,2				
Средний балл	2,00	2,03	2,13	2,07	1,92	2,11	2,11	2,15	2,12	2,27	2,04	2,00	2,02				
Выступание крыльев носа:																	
1 — слабое	29,2	23,3	86,6	20,0	37,2	7,2	27,0	25,0	26,3	40,0	29,4	24,2	27,5				
2 — среднее	62,5	63,4	13,4	71,1	55,7	60,6	64,9	70,0	66,7	46,7	58,8	65,5	61,3				
3 — сильное	8,3	13,3	—	8,9	7,1	32,2	8,1	5,0	7,0	13,3	11,8	10,3	11,2				
Средний балл	1,79	1,90	1,13	1,89	1,70	2,25	1,81	1,80	1,81	1,73	2,18	1,86	1,84				
Выраженность крыльевых борозд:																	
1 — слабая	58,4	80,0	73,4	77,8	87,1	50,0	54,1	55,0	54,4	46,7	51,0	65,5	56,3				

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
2 — средняя	33,3	13,3	26,6	17,8	10,0	32,2	43,2	45,0	43,8	46,7	43,1	31,0	38,7
3 — сильная	8,3	6,7	—	4,4	2,9	17,8	2,7	—	1,8	6,6	5,9	3,5	5,0
Средний балл	1,50	1,27	1,27	1,27	1,16	1,68	1,49	1,45	1,47	1,70	1,56	1,38	1,49
Слияние крыльевой борозды с носогубной:													
1 — слабое	87,5	80,0	93,3	84,4	91,5	67,9	78,4	95,0	84,2	86,1	86,3	86,2	86,3
2 — среднее	8,3	13,3	6,7	11,1	7,1	7,1	13,5	—	8,8	—	9,8	3,4	7,5
3 — сильное	4,2	6,7	—	4,5	1,4	25,0	8,1	5,0	7,0	13,9	3,4	10,4	6,2
Средний балл	1,17	1,27	1,07	1,20	1,10	1,57	1,30	1,10	1,23	1,28	1,18	1,24	1,20
Наклон оси носдрей:													
1 — поперечный	45,8	63,3	80,0	69,0	60,0	64,4	32,4	20,0	28,1	73,3	53,0	34,5	46,3
2 — средний	50,0	30,0	20,0	26,6	37,1	35,6	64,9	65,0	64,9	13,3	45,1	58,6	50,0
3 — сагитальный	4,2	6,7	—	4,4	2,9	—	2,7	15,0	7,0	13,4	1,9	6,9	3,7
Средний балл	1,58	1,43	1,20	1,35	1,43	1,36	1,70	1,95	1,79	1,30	1,49	1,72	1,57
Форма носдрей:													
1 — круглые	12,5	36,6	20,0	31,1	22,9	14,3	16,2	15,0	15,8	26,7	29,4	13,8	23,8
2 — треугольные	62,5	56,7	73,3	62,2	60,0	71,4	40,5	35,0	38,6	53,3	43,2	58,6	48,7
3 — овальные	25,0	6,7	6,7	6,7	17,1	14,3	43,3	50,0	45,6	20,0	27,4	27,6	27,5

Морфология области рта; подбородок, мочка (мужчины)

Признак	Юкагиры				Якуты Чукчи		Ненцы (устье Енисей)			Энты (устье Енисей)			Нганасаны (Таймыр)		
	Верхнеко- лымские	Нижнеко- лымские	Нижне- печорские	Юкагирь- печорские (3+4)	6	7	Мунгаль- ские	Повор- отные	Ненцы суммарно	11	12	13	14	15	16
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Число наблюдений	23	27	14	41	64	34	32	30	62	27	65	36	116		
Высота верхней губы:															
1 — малая	—	—	7,1	2,4	4,7	35,3	6,3	—	3,2	3,7	1,6	—	0,9		
2 — средняя	39,1	11,1	42,9	19,5	51,5	64,7	78,1	80,0	79,0	77,8	49,2	63,9	52,5		
3 — большая	60,9	88,9	50,0	78,1	43,8	—	15,6	20,0	17,8	18,5	49,2	36,1	46,6		
Средний балл	2,61	2,89	2,43	2,76	2,39	2,65	2,09	2,20	2,15	2,15	2,48	2,36	2,46		
Профиль верхней губы:															
1 — прохей- лия	78,3	92,6	100,0	95,1	78,1	85,3	56,3	50,0	53,2	55,6	73,9	69,4	72,4		
2 — ортохей- лия	21,7	7,4	—	4,9	21,9	14,7	40,6	50,0	45,2	44,4	26,1	30,6	27,6		
3 — описто- хейлия	—	—	—	—	—	—	3,1	—	1,6	—	—	—	—		
Средний балл	1,22	1,07	1,00	1,05	1,22	1,15	1,47	1,50	1,48	1,44	1,26	1,31	1,28		
«Голшина» верх- ней губы															
1 — малая	69,6	66,7	35,7	56,1	39,1	32,4	48,5	53,3	50,8	55,6	67,7	77,8	71,5		

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
2 — средняя	26,1	25,9	35,7	29,3	46,9	41,2	48,5	43,3	46,0	40,7	29,2	22,2	25,9
3 — большая	4,3	7,4	28,6	14,6	14,0	23,5	3,0	3,4	3,2	3,7	3,1	—	2,6
Средний балл	1,35	1,41	1,93	1,59	1,75	1,97	1,54	1,50	1,52	1,48	1,35	1,22	1,31
«Толщина» нижней губы													
1 — малая	39,1	18,5	7,1	14,7	17,2	5,9	21,2	33,3	27,0	29,6	32,3	25,0	29,3
2 — средняя	52,2	44,5	42,9	43,9	48,4	47,1	72,7	50,0	61,9	44,1	49,2	61,1	53,4
3 — большая	8,7	29,6	42,9	34,1	32,8	29,4	6,1	16,7	11,1	26,0	18,5	13,9	17,3
4 — очень большая	—	7,4	7,1	7,3	1,6	17,6	—	—	—	—	—	—	—
Средний балл	1,70	2,26	2,50	2,34	2,19	2,41	1,85	1,83	1,84	1,96	1,86	1,89	1,88
Выступление под- бородка:													
Число наблюдений	23	29	15	44	64	36	35	35	70	31	67	37	121
1 — слабое	47,8	55,2	40,0	47,8	37,5	33,3	31,4	31,4	31,4	32,3	31,3	24,3	29,7
2 — среднее	47,8	41,4	53,3	47,8	59,4	63,9	68,6	68,6	68,6	64,5	64,2	75,7	67,8
3 — сильное	4,4	3,4	6,7	4,4	3,1	2,8	—	—	—	3,2	4,5	—	2,5
Средний балл	1,57	1,48	1,67	1,57	1,66	1,69	1,69	1,69	1,69	1,71	1,73	1,76	1,73
Форма мочки уха:													
1 — «прирос- шая»	65,2	69,0	60,0	65,9	45,3	52,8	51,4	40,0	45,7	64,5	54,4	59,5	51,7
2 — неотви- сающая	30,4	27,5	40,0	31,8	50,0	36,1	42,9	37,1	40,0	29,0	38,2	37,8	41,8
3 — «язычко- вая»	4,4	3,5	—	2,3	4,7	11,1	5,7	22,9	14,3	6,5	7,4	2,7	6,5

Морфология области рта; подбородок, мочка (женщины)

Признак	Юкагирки				Якутки	Чукчанки	Ненки (устье Енисей)			Энки Тундровые (устье Енисей)	Нганасанки (Таймыр)													
	Верхняя губа	Нижняя губа	Нижняя губа (3+4)	Мунту-Сине			Воронцов-Сине	Ненки сумар-Но	Явемские		Вадеев-Сине	Нганасанки сум-Марно												
													2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1																								
Число наблюдений	19	29	15	44	67	23	37	20	57	13	50	29	79											
Высота верхней губы:																								
1 — малая	—	3,4	—	2,3	1,5	—	5,4	—	3,5	—	—	—	—											
2 — средняя	42,2	17,2	6,7	20,4	53,7	48,5	64,9	60,0	63,2	16,7	50,0	72,4	58,2											
3 — большая	57,8	79,4	93,3	77,3	44,8	56,5	29,7	40,0	33,3	83,3	50,0	27,6	41,8											
Средний балл	2,58	2,76	1,93	2,75	2,43	2,57	2,24	2,40	2,30	2,83	2,50	2,28	2,42											
Профиль верхней губы:																								
1 — прохей-лия	84,2	89,7	100,0	93,2	97,0	95,6	62,2	60,0	61,4	83,3	92,0	93,1	92,4											
2 — ортохей-лия	15,8	10,3	—	6,8	3,0	4,4	37,8	40,0	38,6	16,7	8,0	6,9	7,6											
3 — оцисто-хейлия	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—											
Средний балл «Голщина» верхней губы:	1,16	1,10	1,00	1,07	1,03	1,04	1,38	1,40	1,39	1,17	1,08	1,07	1,08											
1 — малая	57,9	48,3	33,3	43,1	23,9	13,0	54,1	60,0	56,1	58,3	58,0	48,3	54,4											

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
2 — средняя	26,3	31,0	33,3	31,9	46,2	30,5	43,2	40,0	42,1	16,7	34,0	44,8	38,0
3 — большая	15,8	20,7	33,4	25,0	28,4	47,8	2,7	—	1,8	25,0	8,0	6,9	7,6
4 — очень большая	—	—	—	—	1,5	8,7	—	—	—	—	—	—	—
Средний балл	1,58	1,72	2,00	1,82	2,08	2,52	1,49	1,40	1,46	1,67	1,50	1,59	1,53
«Голщина» нижней губы:													
1 — малая	26,3	20,7	20,0	20,4	14,9	8,7	21,6	25,0	22,8	16,7	18,0	17,2	17,7
2 — средняя	47,3	38,0	46,6	41,0	52,2	17,4	64,9	70,0	66,7	66,7	54,0	55,2	54,5
3 — большая	21,1	34,5	33,4	34,0	31,4	56,5	13,5	5,0	10,5	16,6	28,0	24,1	26,6
4 — очень большая	5,3	6,8	—	4,6	1,5	17,4	—	—	—	—	—	3,5	1,3
Средний балл	2,05	2,27	2,13	2,23	2,20	2,83	1,92	1,80	1,88	2,00	2,10	2,14	2,11
Выступление подбородка:													
Число наблюдений	24	30	15	45	70	28	37	20	57	15	52	29	81
1 — слабое	25,0	56,7	33,4	48,9	41,4	46,4	43,2	10,0	31,6	20,0	30,8	41,4	34,6
2 — среднее	66,7	43,3	66,6	51,1	57,2	46,4	56,8	90,0	68,4	73,3	67,3	55,2	63,0
3 — сильное	8,3	—	—	—	1,4	7,2	—	—	—	6,7	1,9	3,4	2,4
Средний балл	1,83	1,43	1,67	1,51	1,60	1,61	1,57	1,90	1,68	1,87	1,71	1,62	1,68
Форма мочки уха:													
1 — «приросшая»	58,3	76,7	60,0	71,0	65,8	46,4	43,2	45,0	43,9	26,7	71,7	86,2	76,5
2 — неотвисающая	37,5	23,3	40,0	29,0	31,4	46,4	56,8	45,0	52,6	66,7	28,9	13,8	23,5
3 — «язычковая»	4,2	—	—	—	2,8	7,2	—	10,0	3,5	6,6	—	—	—

ПРИЛОЖЕНИЕ II

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЮКАГИРОВ,
ЗАПИСАННЫЕ И ПЕРЕВЕДЕННЫЕ
НА РУССКИЙ ЯЗЫК А. Н. ЛАПТЕВЫМ

Сказательница М. И. Горулина, 86 лет,
Халерчинская тундра, Нижнеколымский р-н

*Моя жизнь*¹

Я была совсем маленькой, когда помер мой отец. И его *йадъе*² взяла меня к себе. И бабушка меня носила на руках и успокаивала, когда я начинала плакать. Еды у нас было мало, ели кое-что и что-нибудь. Так они меня вырастили. Мама моя была жива, имела других детей и жила на другом месте.

Подросши, я стала помогать по дому, собирала сухие веточки для топлива. Помню, мы, дети, закончив свои работы, все время находились на улице, играли, резвились. Поиграв, прибежала к своему шатру и ела селедку. Голову селедки оставляли. Та старуха, моя воспитательница, закаривала эти головы на огне. Там они обугливались. И эти головы тоже ели, прямо целиком бросали их в рот. Иногда же мы ели вареную кровь дикого оленя. Поев это, опять уходили играть. Хорошо мы ели только тогда, когда забивали дикого оленя или добывали куропатку. И в поисках дикого оленя, мы все время кочевали. Спичек, чаю у нас не было... Огонь добывали только при помощи огнива. Не было у нас и постоянных тарелок, ложек, котлов. Были деревянные тарелки и ложки, изготовленные из лиственницы или оленьего рога. Наверное, до меня еще хуже было с этими вещами. При мне хоть что-то из этих предметов у нас было.

Помню еще, что мы кочевали за русскими по местам, где они рыбачили. В то время у тех русских рыба всегда бывала. Но спичек, табаку и чаю у них тоже не было. Если же появлялись, то с нами они делились. Взамен этого мы им давали выделанную шкуру, шитые вещи.

Зимой дикие олени исчезали, куда-то уходили. Поэтому мы шли к русским.

¹ Приведенные образцы фольклора юкагиров см. Архив ЯФ СО АН СССР, ф; 5, оп. 6, д. 315.

² *Иа:* *диэ* — 'тетя' (младшая сестра матери, младшие двоюродная, троюродная и т. д. сестры матери).

Когда я еще чуть-чуть подросла, мы — дед, бабушка и я — стали кочевать по этой нашей Халарче³. Выискивали диких оленей. Дедушка не видел далеко, я (ему) показывала. Увидев дикого оленя, он мне говорил:

— Ты сиди у оленей, когда же дикие олени уйдут, подойдешь ко мне.

Иногда он убивал дикого оленя. У него было кремневое ружье. Иной раз же не попадал в дикого оленя и так, пустые, возвращались домой. Если же ранили дикого оленя, наавтра приходили с собакой. Иной раз того подранка находили уже мертвым, порой так навсегда теряли его.

Когда наступало лето, кочевали к реке. И к осени охотились на линных гусей. С помощью загона⁴ их убивали. Резвых заставляли бегать вдоль берега, чтобы гуси не поднялись на берег. Часть убитых гусей зарывали в яму и оставляли. Их ели зимой.

В те времена песцовая шкура не ценилась (не имела цены). Поэтому песцовыми шкурами люди завязывали шею. Священникам давали только песцовые лапки. Якуты у нас брали шкурки песцов, убитых летом. За это они давали кое-что.

К тому времени, когда я становилась девушкой, люди стали обзаводиться оленями.

И вот я стала девушкой. Люди начали сватать. Моя мать сильно не хотела отдавать, и я тоже не хотела. И как можно было желать идти к ним, если я их увидела впервые. Все равно, как бы я ни хотела, люди начали сватать. И увели меня.

У них провела несколько лет. Когда уезжала от своих, глядя на солнце, я говорила себе: «О солнце, своих сородичей покидаю!» Так я плохо думала.

Меня увели к Чамадану⁵. Наш сосед жил в юкагирском шатре. Мои не жили в пологах. К шатру этих соседей я подходила и через дверь смотрела на этот огонь в очаге. И вот так глядя на огонь, я плакала, тоскуя по родителям. И не хотелось жить с мужем.

Сама я постоянно оленей пасла. Спала все время в одежде. И вот завшивела. Это заметили даже свекор и свекровь. Они уничтожили вшей из моей одежды. И опять я хорошей стала.

Однажды заболел мой муж. «Хоть бы он умер, тогда я усхалы бы», — думала я. Муж вскоре поправился.

К концу третьего года жизни с мужем родила ребенка. И так стала жить у них.

Когда я впервые приехала, у родителей мужа оленей было немного. Позже откуда-то олени у них увеличились. И мы стали

³ Хал'эртэ'э (юк.) — 'ледяная земля', 'тундра'. Очевидно, под Халарчой подразумевали территорию обитания юкагиров рода алайи, в отличие от юкагиров, живущих в Олерицской тундре. Ср. Олерицкая и Халерчинская тундры.

⁴ Загон для линных гусей представлял собой большой полукруг, состоявший из сетей и покрывшек от шатра. Пригнав линных гусей в этот полукруг, закрывали вход, и гуси оказывались в плену.

⁵ Т'амадану (букв. 'Большая река') — юкагирское название р. Алазея.

богачами. Но вскоре, так разбогатев, помер мой муж. И ребенок мой тоже помер. Но мысли мои все время тянулись к своим, стремились вернуться в дом своих родителей. В это время люди стали просить мою руку. Я старалась показаться перед ними страшной и говорила, что очень тоскую по умершему мужу, поэтому все равно ни с кем не проживу.

Так жила несколько лет. Делала все — ставила сети, пасла оленей, шила одежду... Куда денется работа у богачей! Тут выросли младшие братья и сестра моего мужа. И захотелось ехать домой. Хватит, девять лет прожила после смерти мужа! И уехала, как бы ни хотела отпустить родня мужа.

Приехала к матери. Работниками у моей мамы были эвенские ребята. Оказывается, они к юкагирам приехали, побывав у русских. Ничего у них нет.

Вот стала жить у своих. Мать очень обрадовалась моему приезду. Однажды отчим мне сказал:

— Выходи замуж за этого человека.

— Не выйду, — сказала я. — Увезет в свой край.

— Не увезет, — сказал отчим. Оказывается, не спрашивая меня, отчим меня выдал замуж. Что ж поделаю, все же мой отчим, как не послушаюсь.

Вышла замуж. У меня был свой шатер, взятый от первой свекрови. Стали жить. Родились дети. Ныне все живы. Муж этот мой был очень ленивым человеком, только характером очень хороший. Из-за этого люди его любили. Так и жили, часто люди нам помогали.

Оленей у нас было мало. Вот все, такова моя жизнь.

После смерти мужа, по своим детям езжу, кто увезет, туда еду. На одном месте не живу. Ухаживают за мной, как за своим ребенком.

Сын Умчэгэна

Жил-был старик со старухой. Имел двух сыновей и дочку. Она вышла замуж за отличного охотника по имени Умчэгэн. Молодожены стали жить отдельно. У них родился сын. Подрастает.

— Съезжу к твоим родителям, — сказал однажды Умчэгэн жене и поехал.

Братья жены его убили.

Семья об этом ничего не знает. И тут сын спрашивает у матери:

— Почему так долго отец не возвращается, мама?

— Не знаю, — отвечает мать.

— Съезжу-ка к деду, — говорит сын.

Приезжает. А дядья его с черепом отца играют. Парень насторожился и не подходит близко к ним.

— Подойди сюда, подойди сюда! — говорят дядья. — Поспишь в одеяле, в котором спал твой отец. Котелком, которым отец твой приносил воду, принесешь воды. Покушаешь с тарелки, с которой ел твой отец.

Никакими хитростями дядья не могут заманить племянника. Парень, оттолкнувшись своим копьём от земли, прыгает над ни-

ми. Потом он побежал домой. До дома один раз копьём коснулся земли. Не входя в шатер, он зашел к матери:

— Мама, мои дядья меня заманивали черепом отца, своим котелком, одеялом, тарелкой. Мама, дядья скоро придут. Спешу.

Затем заколол оленей. В это время подъехали те люди. Мальчик на нары поставил шилы, старик и старуха сели на них и умерли. А дядьям говорит:

— Там на горе имею игрушки, пойдем туда играть.

Пошли туда. На деревья воткнул гвозди.

— Давайте, скатимся отсюда вниз. Посмотрим, кто из нас дальше скатится. Скатились. Дядья оба налетели на эти гвозди. Прилипли. Умерли.

Пошел домой. Мать сидит, плачет.

— Не плачь, мама, и тебя тоже убью!— сказал он.

Убил. И пошел из дому. Всех оставшихся оленей погнал. На другую землю откочевал. Там стал жить. И как отец, стал отличным охотником. Вскоре нашел хорошую девушку. Женится. Там живут.

Убрината казнь...

Дорбу

Дорбу лежит у себя дома. Лежит на спине и размышляет: «Интересно, кто меня нарек именем Дорбу?»

Сам он жил в лесу, оказывается. Вот вышел он из дому и сказал:

— Дорбу!

— Дорбу!— повторил большущий пень.

Пошел к этому пню. Рассердился.

— Ах, этот пень, оказывается, нарек меня именем Дорбу!— сказал он и стукнул пень.

Тут же рука прилипла к пню. Еще пуще рассердившись, Дорбу пнул пень—нога прилипла. Толкнул коленом—колено прилипло. Так прилипший стоит Дорбу. Завечерело. Наступила ночь. Тут явился черт.

— О радость-то какая!— воскликнул черт, подходя к пню.— Пасть моя наконец-то поймала Дорбу!

Схватил человека и засунул за пазуху. И пошел к себе домой. Пришел домой. Свою одежду снял на улице и повесил.

— Старушка,— сказал он жене,— вот Дорбу принес. Давай-ка, полакомимся.

Жена его вышла из дому. Сунула руку в карман мужа—ничего нет.

— Что ты болтал? Ведь один съел, оказывается!— рассердилась она на мужа.

А Дорбу-то, оказывается, ножом продырявил карман черта и выпал.

Дорбу вернулся домой и опять полеживает. Вдруг слышит человеческие шаги. Это черт пришел.

— Выйди, Дорбу, съесть тебя хочется,— сказал черт.

Схватил лежебоку, сунул в карман. И направился к своей старухе. Дорбу опять выпал из кармана. Сидит, даже лень идти домой. Через какое-то время к нему подъехал олений человек.

— Ты что здесь делаешь, Дорбу?— спросил он.

— Со мной не раговаривай. Вскоре мой дед должен придти. Приведет мне невесту. Это жду с нетерпением.

— Возьми, Дорбу, всех моих оленей,— сказал тот.— А я вместо тебя посижу здесь.

— Ладно,— сказал Дорбу. Забрал оленей и уехал домой.

Человек сидит, с нетерпением ждет невесту. Вдруг приходит черт. Хватает человека и прячет в карман. Человек продырявил карман и выпал. Убежал.

Черт пришел к Дорбу. Зовет к себе. Дорбу подошел к черту. Черт его спрятал в карман. Дорбу опять продырявил карман. Опять выпал. И спрятался. Видит — конный человек едет. Ведет за собой лошадей.

— Ты что здесь делаешь?— спросил конный.

— Вот скоро должен приехать мой дед. Приведет крылатого коня (букв. 'летающего коня').

— Слушай, возьми себе всех моих лошадей с вещами и езжай. А я останусь вместо тебя.

— Ладно,— сказал Дорбу. Забрал лошадей и ускакал домой.

Пришел черт. Схватил человека, спрятал в карман. Тот выпал из кармана и убежал.

Вконец черт поссорился с женой и убил ее.

Вот опять идет черт на поиски Дорбу. А тот дома как всегда лежит.

— Дорбу, выходи, съесть тебя хочу,— сказал черт.

— Если так меня съесть хочешь, заходи,— сказал Дорбу.

Черт землю копать начал. Копает, копает, не может войти в дом Дорбу. Только нос черта влез. Как только показался черт, Дорбу стукнул по нему. И убил черта. Все на этом кончается. А Дорбу-то была, оказывается, мышкой.

Утахан

Живет старуха. Сына имеет. Со дня рождения тот ни разу на ноги не вставал. Как ни старалась мать, не могла поднять его на ноги. Так все время лежит. Лежа подрос.

— Мама,— говорит он однажды,— сшей мне кулэбэ (т. е. летнюю обувь) и зимнюю обувь, да рукавицы.

Мать сшила. А сын лежит и поет:

Старшие сестры сюда едут,
Мама, разведи костер давай-ка,
сюда старшие сестры едут.

И действительно, что-то загремело. Три девушки идут. Мимо прошли. Тут парень вскочил на ноги и выбежал. Мать даже не успела заметить, в какую сторону сын ушел.

Еще раньше сын попросил мать сделать ему модиди⁶.

Парень пошел по следам тех девушек. Идет, идет. Когда иней с края малахая таял, говорил себе: «Наступило лето». Когда край малахая заиндевел, говорил: «Зима наступила».

⁶ Мод'ид'и — лыжи, покрытые сверху шкурой.

Догнал тех девушек, женился на младшей из сестер. Сам стал отличным охотником. Все вместе жили.

— Дай-ка одежду своего человека,— говорила самая старшая из сестер.— Высушу-ка ее.

Не выдержав такого бесстыдства⁷, средняя из сестер убежала. Старшая сестра хотела отнять у младшей сестры мужа, поэтому просила сушить одежду зятя. Но младшая сестра не позволяла этого и сама сушила.

Вскоре младшая сестра родила сына. Старшая сестра из трухлявого дерева сделала себе ребенка. И вдруг тот начал говорить. Однажды он первому мальчику сказал:

— Когда мамы придут, их печени сырыми съем.

Мальчик передал это своей маме. Та старшей своей сестре передала это.

— Грех, почему так скажет мой сын,— возмутилась та.

Вскоре все, жившие рядом и поблизости, убежали с этого места. Охотник тоже убежал с семьей к себе.

Мать его страшно состарилась, один ее бок даже ягелем оброс. Там стали жить.

Сказитель Шадрин Егор Иванович,
рождения 1904 г., бригадир охотников
(записал начальник экспедиции З. В. Гоголев
3 августа 1973 г. на охотничьем стойбище
в устье р. Рассоха, Верхнеколымский район)

Моя жизнь
(автобиографический рассказ)

Я родился на реке Коркодон. По этой реке кочевали юкагиры-одул, то есть одулы (в русских документах их записывают ушканцами). Делянский род — эрнеди кочевал по рекам Ясачной, Рассоха и Коркодону. Делянский род юкагиров смешался с эвенками. Отец и мать были юкагирами. Они ловили рыбу и охотились. Когда мне исполнилось 10 лет, сестра учила стрелять. Я стал помогать родителям в их повседневной работе. Охотились на сохатого, медведя, лисиц, белок и др. Приезжали русские и якутские купцы. Помню, однажды якутский купец привел одну лошадь, за нее мы отдали 40 лисиц, а лошадь забили на мясо.

Оленей у нас не было. Часто голодали. Группы, состоящие из 2—3 семей, кочевали отдельно. Убитого зверя внутри кочевой группы делили поровну. Пушнина не поступала в общий раздел членов родовой группы, но при коллективной охоте дневную добычу пушных зверей делили между охотниками. Отец говорил мне: «Надо делить добычу поровну, иначе будет большой грех».

⁷ По обычаю женщине запрещается дотрагиваться до каких-либо вещей зятя.

Молодые соблюдали этот обычай, да и мы сами понимали, что совместная охота была более выгодной.

В семейной группе главой был старший по возрасту. Он приносил духам жертвы, был руководителем на охоте, судил за проступки и выступал советником в семейной жизни. Старейший на охоте только советовал, а в самой охоте первым был главный охотник. Главный охотник, если отсутствовал старейший, кровью убитого зверя мазал окружающие деревья и травы. Так приносили жертвы духу земли — *лебен'пуэли*. В домашней обстановке в жертву духу земли бросали в огонь кусок мяса, жира. Юкагиры не знали духа огня. Также мы не признавали духа озера и бога охотников. Мы почитали духа родного места. Проходя его, человек должен был остановиться, успокоиться и оставить что-либо там, где он появился на свет. Еще юкагиры знали духа воды — *уйу-мль*. Юкагирского шамана не видел, но видел якутского и эвенского шаманов.

На солнце смотрели и радовались, но о нем не рассуждали, а о луне (*гиндэ*) говорили много. Каждый следил за поволением, за увеличением и исчезновением луны. По луне считали времена года. Из звезд знали Большую Медведицу, по ее движению узнавали время суток; также знали Венеру — *пэчэрхочин иргудьэйэ* ('звезда, приходящая вместе с зарей'). Еще видели по середине неба туман, но не знали, что это.

Мы не знали юга и севера, запада и востока. Юкагиры говорили, что они идут вниз или вверх по реке. Горам и рекам давали отдельные названия.

Каждый день ходили, чтобы убить зверя или выловить рыбу. Поиск еды был постоянной заботой юкагира. Коркодонские юкагиры не имели оленей. Тяжело было передвигаться с места на место зимой по глубокому снегу. Детей и стариков сажали в сани, взрослые и собаки запрягались в сани и тянули. В летнее время всегда ловили рыбу, охотились на гусей и уток. Охотились луками и стрелами. Стрелы делали из костей и железа. Весной строили большие лодки и сплавливали в Верхнеколымск; за лодки давали порох и свинец.

В 18 лет я приехал на р. Ясачную и внес ясак. Здесь женился. Перешел к родителям жены. Отец, брат и сестра, которые пришли со мной, ушли на Коркодон. Но они летом возвращались на Ясачную, в это время встречался с ними.

Когда усталилась Советская власть, к нам приехал председатель Колымского окружного исполкома якут Алексей Декселяхов. Он уговорил меня работать в экспедиционном отряде Молодых. В 1930 г. перевозил грузы экспедиции. Затем с помощником Молодых морил глубину реки и расстояние между отдельными пунктами. Так дошли до реки Олы. После окончания работы приехали в Магадан. Экспедиция выехала в центр, а я возвратился в свой кочующий род.

В 1930 г. на р. Ясачной было организовано товарищество «Юкагир», преобразованное позже в колхоз «Светлая жизнь». В него вступили юкагиры и эвены, всего 33 хозяйства. Председателем колхоза избрали меня. Продолжали рыбачить и охотиться. Советская власть отпустила нам в кредит сети, ружья, патроны, порох и другие боеприпасы. Приступили к строительству пос. Нелемное (в 40 км выше от нынешнего поселка). Впервые построили дома русского типа.

В 1934 г. нам помогли приобрести 2 коровы, 1 быка-производителя, 2 коз, 3 кобылиц и 1 жеребенка. Через некоторое время мы купили 40 оленей. С этих пор юкагиры стали заниматься животноводством. Огромную помощь нам оказывал трест «Дальстрой». Трест помогал нам в животноводстве, он передал колхозу высокомолочный скот, при его помощи ежегодно сажали картофель, капусту, огурцы и даже табак. Получали хорошие урожаи. Юкагиры стали употреблять овощи и излишки продавать «Дальстрою».

В 1942 г. меня избрали председателем сельсовета, в связи с этим освободили от должности председателя колхоза. С 1949 г. работаю бригадиром в колхозе.

В 1960 г. колхоз был реорганизован в совхоз. В 1968 г. я был избран депутатом в Верховный Совет Якутской АССР. Стараюсь побольше добыть пушнины для государства. С осени 1972 до весны 1973 г. сдал пушнины на сумму 2300 руб.

У меня большая семья. Жена — работница совхоза. Одна дочь окончила медицинский техникум, другая — замужем, один сын работает, еще двое детей — учащихся.

Современная жизнь юкагиров совсем не похожа на их жизнь в дореволюционное время.

Сказитель Н. Т. Трифонов, 74 года,
пос. Колымская, Нижнеколымский р-н

Торохо

Жил да был один охотник. Отличный охотник! Свою семью: жену да троих сыновей — кормил лишь охотой. Сыновья были какие-то чудные: все время — почти ежедневно — они ругались меж собой, дрались. Как ни старались родители помирить их, ничего не достигли, так как сыновья просто не слушали то, что им говорили отец и мать. Эта неприязнь друг к другу с годами все росла. Отец уж не знает, как их примирить. Долго думал старик. И однажды позвал к себе сыновей.

— Идите в разные стороны! Живите порознь! — сказал он им. — Не встречайтесь друг с другом десять лет. Может тогда, наконец, поднаберетесь ума! Ведь кроме этого белого света, существуют еще для людей знания, умения, которыми надо овладеть. Я сам только диких оленей знаю, тем и живу. Теперь покажите вы, на что способны!

Сыновья ничего не ответили.

— Чем ты намерен заниматься? — спросил старик у старшего сына.

— Не знаю, — ответил тот, — хотел бы что-нибудь делать, мастерить.

— А ты? — обратился старик к среднему сыну.

— Не знаю, отец. Меня больше тянет охота.

— А чем ты, младшой, хочешь заняться?

— Мне правится врать, обманывать...

— Ну что ж, уезжайте,— сказал старик.— Не забудьте только навестить меня через десять лет.

Сыновья разъехались...

Старший сын стал мастерить различные предметы домашней утвари. Смастерил сначала седло, потом нарту, затем лук и стрелы. Делает все это со старанием, добротой. И стал вскоре отличным умельцем (мастером).

Средний же, что ни увидит — все старается убить. Научился всем способам охоты. И стал отличным охотником.

Младший, перед уходом из дому родителей, взял у матери лопаточную кость. Одну кость без единого мяса.

И вот идет. На одном месте остановился и разбил себе нос. Из носу пошла кровь. Давешнюю лопаточную кость накапал кровью и густо облепил ее снегом. Получилась как бы мясистая лопатка!

Пошел дальше. К вечеру добрался до людей. Те, оказывается, уже поужинали. Юношу накормили не досыта.

— Не наелся,— сказал юноша.— Если бы у вас был бульон, я бы сварил себе ужин.

— Куда денется бульон,— сказали хозяева.— Только у нас мяса нет.

— Вижу, вы скуповаты,— сказал юноша.— Впрочем, слух о вашей скупости давно до меня дошел.

— Ну что ж,— сказали хозяева.— Если у тебя есть мясо, свари. Котел-то мы дадим.

— А все же боюсь, как бы ваш котел не украл мою еду.

— Не украдет!— успокоили хозяева.

— Ну если вдруг украдет, вы мне двух оленей дадите.

— Дадим, дадим.

Юноша вышел и внес облепленную снегом лопаточную кость.

— Видите, это мясо!— сказал он хозяевам.

— Давай, давай, вари.

Котелок с «мясом» юноша повесил над огнем и повел долгий разговор с хозяевами. Наконец он кончил говорить и попросил старушку вынуть мясо. Старушка сняла котел, вытаскала деревянную тарелку, взяла крюк (приспособление для вытаскивания мяса из котла) и начала зацеплять за мясо. Вдруг она громко вскрикнула:

— Что это такое?! Ведь здесь только кость!

Старик вскочил от удивления и стал разглядывать содержимое котла. Действительно, там лежала одна кость без мяса!

Вынули кость.

— Ну что ж, завтра дадите двух оленей,— сказал юноша.

На завтра хозяева юноше дали двух оленей. Ведя на поводу, юноша пошел дальше. Добрался до других людей. Зашел в шатер, а там все плачут.

— Что с вами?— спросил юноша.

— Дети наши померли,— сказали хозяева.

— Хорошо, что ты приехал, славный человек!— обратился затем к юноше хозяин.— Сейчас есть кому похоронить наших детей.

— А как это надо делать?

— Сделаешь гроб, выкопаешь яму.

— Ладно. Но я думаю, что если могилы ваших детей будут у вас на виду, вы все время будете думать о них и печалиться.

Поэтому отдайте их мне, я отвезу их отсюда подальше и там хорошенько похороню. А за то, что увожу от вас ваших детей, даю вам двух оленей — сказал юноша.

— Как поступим? — спрашивает хозяин у своей жены.

— Отдадим за оленей, теперь они разве оживут! — сказала жена.

А юноша им:

— А еще дайте мне парту, чтоб я их мог увести.

Таща на нарте мертвецов, юноша пошел дальше. Добрался до других людей. Свою парту возле самого шатра поставил, хорошенько ее укрыл. И зашел в шатер. Оказалось, он прибыл в многодетную семью. Поев, поговорив, начали ложиться спать. Юноша же все сидит и сидит.

— Ложись спать, — говорит хозяин.

— Боязно, тревожно мне что-то!

— Отчего?

— На улице у меня дети спят.

— Да ты что, холодно же! Внеси их в шатер, — говорит хозяин.

— А вдруг ночью их съедят ваши собаки! Я ведь очень крепко засыпаю, — говорит юноша.

— Ну что ты, грех! Внеси.

Юноша сделал вид, что колеблется. Тогда хозяин сказал:

— Наши собаки человечину не едят. Ведь и у нас детей много.

— Ну ладно, — сказал юноша, — внесу. Но, если ваши собаки съедят моих детей, дадите других детей.

— Ладно, ладно, дадим, — сказал хозяин.

Юноша внес своих «детей». А хозяева уже храпят. Юноша тоже лег спать. Ночью, когда все уснули крепким сном, мясо мертвых порезал на мелкие кусочки и отдал собакам. Затем отделил головы детей от туловища и тоже бросил собакам. Сделав все это, он внезапно вскричал и заплакал. Хозяева проснулись в страхе.

— Так и есть! — сказал юноша, всхлипывая. — Ведь говорил же, что ваши собаки съедят моих детей!

Посмотрели хозяева, и действительно детские головы лежат возле собак!

Рассвело. Юноша попросил двух ребятшек. Хозяева отдали.

И вот Торохо, ведя двоих детей, пошел дальше. Пошел в сторону стойбища известного богача. По дороге он стал учить детей уму-разуму. Одному он сказал, что его покроет снегом, другому — что посадит его на дерево. И еще научил словам, которые они должны произносить, когда богач начнет задавать вопросы.

Оставив своих детей, Торохо пошел к богачу.

— Откуда ты? Что расскажешь? — сказал богач.

Поговорили, послали, попили...

Настал следующий день. Сын богача к шатру пригнал оленей. Торохо, выйдя из шатра, закричал сыну богача:

— Зачем пригнал моих оленей?! Не знаешь что ли, половина стада ведь мои!

— Нет, не ври! Олени все наши! — сказал сын богача.

Стали ругаться. Почти полдня ругались. Наконец богач сам вышел из шатра.

— Что случилось? — спрашивает он.

— А ты знаешь бога?— переспрашивает Торохо.

— Знаю, а что?

— Знаешь, где он обитает?

— Знаю, на небе.

— А знаешь ли черта?

— Знаю. Он под землей живет.

— Ну-ка, тогда спросим их.

И пошли к тому дереву, где Торохо оставил детей.

— Скажи-ка, бог, чьи это олени?

— Половина из них принадлежит Торохе,— отвечает голос сверху.

Спустя некоторое время, Торохо опять спрашивает:

— Ну-ка, черт, скажи, чьи это олени?

— Половина стада принадлежит Торохе,— слышится голос снизу.

Услышав это, богачи по одному разу хорошенько стукнули Тороху и плача ушли домой. Торохо же половину стада угнал к себе домой. Но чуть раньше, когда начало темнеть, пришел за своими детьми и забрал их с собой. Оленей пригнал к шатру отца.

Старшие братья его уже были там. Нет ничего у них как будто. А у Торохо же двое детей да множество оленей! Весьма гордясь этим обстоятельством, он пришел к отцу.

— По моему мнению, ты овладел хорошим ремеслом (букв. «научился хорошему делу»),— сказал старик старшему сыну.

— А ты стал охотником,— обратился он к среднему сыну.— По моему уразумению, это очень хорошо.

— Ты же разбогател обманом,— сказал он Торохе.— А это не хорошо... Все, что приобрел обманом, обратно верни, если веришь моему слову.

После этого, старик вскоре помер. Сыновья его поженились. Только Торохо не обзаведется никак семьей. Живет словно бродяга, переходя из одного шатра в другой. Никто его не любит, не уважает.

✓ О юноше, обученном птичкой

Жили два брата. Все время вместе жили, вместе кочевали. Оба женаты. В пожилом возрасте обзавелись семьями. Старший из братьев имел двух сыновей, младший одного. Братья не были богачами, но жили в достатке.

(Время шло). Сыновья подросли. Стали пасти оленей. Ногами и руками стали своим отцам. Ребята вместе пасли оленей. И каждый раз, придя в стадо, дети старшего из братьев избивали своего племянника. Ничем не гнушались, в ход пускали даже палки. А избитый умалчивал об этом и никто из старших об этом не знал. И все же по заплаканному лицу сына младший из братьев стал догадываться о неладном.

Однажды он незаметно пошел за детьми в стадо и стал наблюдать за ними. Видит: дети старшего брата начали избивать его сына своими посохами. Выйдя из своего укрытия, он пошел к ребятам. Увидев его, избивавшие, оставив своих оленей, пустились наутек.

— Неужели каждый раз тебя так избивают?— спросил он у сына.

Тот ответил, что так делают каждый раз.

— А почему об этом нам не рассказывал? Ведь так могут и убить!

— Сознательно не рассказывал. Вот вырасту и им вдвойне отомщу.

— Ну, ладно, пошли домой,— сказал отец.

Придя в становище, он зашел в шатер старшего брата и сказал:

— Мы вместе родились, вместе росли, вместе состарились и ни разу не дрались, не ругались до сих пор. Дети же наши неладно живут. Каждый раз, придя в стадо, твои моего избивают, Так могут и убить его. Мне придется поэтому отделиться от тебя до тех пор, пока не поумнеют наши дети.

— Ну ладно, что же мне остается сказать. Иди, сделай так, как подсказывает твой разум. Но хотя бы иногда навещай меня, я тоже буду навещать. Наша забота только олени. Их разделим поровну. Посмотрим, у кого из нас их больше станет.

Назавтра, разделив стадо поровну, братья разошлись. Младший перекочевал на другую землю. Так они порознь стали жить. Жена младшего родила еще ребенка — дочку. Дети стали подрастать. Стадо увеличилось. Сын все время смотрит за оленями, дочка же по дому помогает.

Однажды сын отцу сказал:

— К берегу моря погоню оленей. Возвращусь только когда земля начнет подмерзать.

— А почему так далеко хочешь погнать оленей?— спросил отец.

— Олени зимою не будут мерзнуть, если попьют морскую соленую воду. И шерсть у них будет длиннее, гуще.

Получив согласие отца, мальчик перевез родителей в лес (т. е. местность, богатую топливом, дровами). Забил оленей на еду и погнал стадо. Одежду свою нес на себе.

Дошел до берега моря. И, там, у прибрежного плавника, нашел птенца. Птенец был еще маленький и не мог летать. Мальчик стал гоняться за ним, намереваясь его убить. Тут прилетела мать птенца и, чирикавая «чи — чи!», стала летать вокруг мальчика. Наконец, мальчик поймал птенца. Сел. Птенца держит в руке. Птичка стала просить:

— Добрый человек, не убивай моего младенца. За это я тебя буду учить

— Чему будешь учить?

— Бегу. Три лета буду учить. Ты станешь ловким, как я. Бегая за мной, не будешь отставать от меня.

Услышав это, мальчик отпустил птенца...

Птичка стала учить мальчика бегу. Сказала:

— Ну, давай, беги за мной!

Мальчик побежал, но тут же отстал от птички. Так каждый день птичка заставляла бегать парня. Постепенно мальчик стал догонять птичку, когда та летала над сушей. Но стоило оказаться на пути воде — парень сразу отставал.

(Время шло). Птенец вырос. Стал летать. (Наступила зима). И однажды птичка сказала парню:

— День моего отлета в теплые края приближается. Ноги мои начали зябнуть.

— Чего ты меня обманула,— сказал парень,— ведь ты в течение трех лет должна была меня учить!

— Не обману,— сказала птичка,— летом опять прилечу, здесь место моего гнездования. Мое гнездо находится вон там, под кочкой. Пойдем, посмотрим. (И действительно, там находилось гнездо). Скорлупки в нем лежали.

— Добрый человек,— говорит птичка,— мои дети в скорлупе выходят, только потом они вырастают. Будущим летом опять здесь буду нестись, на другое место не иду. Эти скорлупки выброшу, когда вернусь. Гнездо настелю мягкой травой, а сверху положу пух со своей груди. И там снесусь.

— Ну что ж,— сказал парень,— улетай. В будущем году здесь тебя буду ждать.

— Когда снег растает, прилечу,— сказала птичка и улетела в теплые края. Парень же вернулся домой, к своим старикам. (Видит: в шатре был какой-то переполох.) Сестренки нет, а отец и мать, плача лежат.

— Что с вами?— спросил парень.

— О, недавно тьма людей здесь побывала. Все наши вещи забрали. И твою сестренку увезли. Нас оставили в живых может потому, что мы слишком дряхлые.

Парень всплакнул, вспомнив о сестренке. И решил тренироваться. Ежедневно стал поднимать камни и таскать с одного места на другое. Бегал с камнем на плечах. Так ежедневно тренировался.

Наступило лето. Птичка сама прилетела к парню.

И опять начала учить парня. Вскоре парень наравне с птичкой стал бегать.

— Меня ты стал догонять только за два лета,— сказала птичка,— теперь ты сильным бегуном стал. Раньше я говорила, что три лета тебя буду учить, но ты уже стал догонять меня. Поэтому, не буду учить тебя больше.

(Так они разошлись). Парень вернулся к своим.

— Не могу спать,— сказал он однажды отцу и матери,— пойду по следам сестры.

— А мы как будем жить?— сказала мать,— умрем ведь от холода и от голода.

— Почему не отпускаешь,— сказал жене старик,— все равно не повернешь (не поправишь) в другую сторону мысли мальчика⁸. Пусть по направлению своей мысли идет. Если суждено нам умереть, мы умрем; если же жить суждено, живы будем.

Юноша попросил у матери три пары обуви. И двинулся в путь. Шел, шел и увидел ворону с вороненком. Вороненка поймал.

— Добрый человек,— обратилась к юноше ворона,— не убивай моего дитяти, за это сделаю все, что заставишь сделать.

— Если тебе жалко дитяти, расскажи мне, где находятся те черти, которые убивают людей?— сказал юноша.

— Прямо по направлению полудня они находятся,— сказала ворона.

⁸ Сочетание «мысли мальчика» здесь надо понимать как «намерение мальчика, мужчины (а не женщины, девочки) не изменить».

Юноша направился туда. Дошел до гряды гор. Скрываясь, несколько дней наблюдал за теми людьми. Раз сестренка его пошла за водой и заметила брата. Она стала плакать.

— Зря ты пришел. Очень страшные люди эти. Прибывших людей всех убивают,— сказала она.

— Во-он там есть хорошее озеро с островом,— сказал брат,— там хочу с ними играть⁹. Когда стемнеет, приходи сюда, убежим. Бери с собой еду на дорогу. У того островного озера их подождем.

Когда стемнело, сестра пришла. Сестру посадил на себя и бежал. Всю ночь бежал. Рассветало. Добрались до островного озера, что находилось недалеко от моря. Остановились. Оглянулись назад, множество людей идут. Их так много, что земля кажется вся черной. Юноша на одной ноге стал прыгать на камнях. Преследователи окружили остров и начали стрелять из лука. Никак не могут попасть в юношу. Все стрелы свои перестреляли. И тут юноша бросился на них, стал прыгать над ними и всех заколол копьём. От крови аж поверхность озера стала красной.

Победив врагов, юноша пошел в их стойбище. Забрал их оленей и вещи. Часть оленей и вещей дал батракам убитых.

Домой вернулся богачом. Сестру тоже привел.

На другой день отправился к своим братьям-притеснителям. Те его сразу узнали. От каждого его слова аж стукались меж собой, так его боялись. А боялись потому, что весть о его силе уже широко распространилась.

Так своих братьев юноша сделал своими батраками.

Хабанга

Жил один человек. Женат. Бездетный. Одного сироту, взяв у людей, воспитывал. Ребенка звали Хабанга. Жена не любила приемыша, все время обижала, притесняла. Когда муж находился в поле (на охоте), она не кормила Хабангу. А вдобавок еще и избивала. Хозяина звали Чайлэру. Отличный охотник. Перед самым возвращением мужа с охоты жена рот ребенка мазала кровью. Увидев это, муж радостно говорил:

— Хорошо! Ребенок кушал, оказывается!

— Да, ел,— говорил Хабанга.

Чайлэру нежно любил Хабангу. Тем же отвечал Хабанга. Он с нетерпением ждал возвращения отца с охоты, но ничего не рассказывал ему о том, что происходило в его отсутствие.

Мальчик медленно рос. Это заметил Чайлэру. И однажды спросил у жены:

— Отчего это ребенок так плохо растет? Наверное, плохо кормишь?

— Кормлю-кормлю,— сказала она.

И тогда Чайлэру решил следить. Но ничего не обнаружил. На всякий случай, отправляясь на охоту, жене говорит:

— Хорошенько за ним ухаживай. Потом он будет нас воспитывать.

Только тогда жена все поняла, и к Хабанге стала относиться более мягко.

⁹ «Хочу играть» надо понимать как «хочу драться, сражаться, биться».

Хабанга вырос. Оленей стал пасти. Но и тут он часто голодал. Поэтому ел листья тальника, траву, олений помет. Раз он поймал только что вылупившегося из скорлупы птенца. И засобирался съесть его. Мать птенца в это время летала вокруг Хабанги. И вдруг она говорит парню:

— Добрый человек! Не съедай! Накормлю я тебя. Поучу.

— Уж очень голоден я,— сказал Хабанга.

И тогда птичка стала таскать парню всяких червей, этим стала кормить Хабангу.

— Ну ладно, а теперь учи меня,— сказал парень.

— Догони меня! — сказала птичка.

Хабанга начал гоняться за птичкой. Так, в течение нескольких дней бегал за птичкой. Все лето бегал за ней. К концу лета Хабанга быстро стал бегать.

— Ну вот, догнал ты меня,— сказала птичка.— Теперь-то уж сам себя тренируй. Ничего плохого только обо мне не думай.

Однажды Хабанга своему очиде¹⁰ Чайлэру говорит:

— Очиде, пока ты не постарел, давай-ка, я попутешествую, погляжу на новые земли.

— Ты что, куда хочешь идти? — спросил дядя.

— Хочу увидеть новые земли. Разве всю жизнь бобылем буду жить. Ведь и так голодно и бедно живу. Не видишь что ли, я не могу вырасти. А не вырос потому, что тетя обижала, притесняла меня.

Чайлэру долго ничего не отвечал, только голову почесывал.

— Ну что скажу, ладно уезжай,— сказал он, наконец, и спросил:

— Сколько лет будешь путешествовать?

— Если буду жив, три года попутешествую,— сказал Хабанга и обращаясь к тете:— Сшей мне три пары кулубэ¹¹.

Тетя сшила три пары обуви. Приготовила еду па дорогу.

И вот двинулся в путь Хабанга. Целый день он не исчезал из виду.

— А-ха-ха! — смеялась тетя,— едущий за невестой еще виден!

— Не знаешь ты его,— говорил Чайлэру жене.— Имя Хабанги многие услышат, многим он станет известен. Он неплохой человек. Ты вот лучше подумала бы о том, как жить в будущем. Как вы будете жить после моей смерти? Мальчик все равно вспомнит то, как он жил в детстве.

Шел, шел Хабанга и добрался до людей.

— Кто ты? Откуда идешь? — спросил старик.

— Меня зовут Хабанга, с севера я.

— Чей ты сын?

— Отца у меня нет. Меня Чайлэру воспитал.

— А, о Чайлэру я слышал, отличный охотник! А зачем сюда приехал, сынок?

— Хочу жениться, дедушка,— сказал Хабанга.— Вот и поэтому хожу.

— А ты бы здесь остановился!.. Двое дочерей у меня,— сказал старик.

Вошли в шатер. Накормили, напоили гостя.

¹⁰ Очиде — 'дядя' (младший брат отца; младший двоюродный, троюродный и т. д. брат отца).

¹¹ Летняя обувь, сшитая из шкуры без шерсти.

— Эней ¹², у меня с тобой разговор будет,— сказал старик старшей своей дочери.

— Что, отец? — спрашивает та.

— Не попросить ли нам этого человека тебе в мужья?

— Фу,— сказала старшая дочь,— я разве здесь живу, чтобы за такого человека выйти?!

Сказав это, девушка от возмущения даже несколько раз плюнула на землю.

Спустя некоторое время старик обратился к младшей дочери.

— Лайбо ¹³, что-то хочу тебе сказать,— сказал он ей.

— Что отец?

— Не возьмем ли этого человека тебе в мужья?

Девушка так возмутилась, что даже несколько раз плюнула Хабангу.

— Фу! Что это такое? Разве мужчина! — сказала она.

Хабанга вышел из шатра и ушел. Сзади тут же вышел старик.

— Уходишь? — спросил он.

— Что ж поделаться, ухожу.

— Отсюда прямо по направлению восхода солнца живет мой старший брат. Иди туда. Там попытайся.

Хабанга пошел. До наступления темноты он был виден оставшимся.

— Фу! Жених-то наш еще виднеется! — смеялись девушки и от негодования сплевывали на землю.

Шел, шел Хабанга. Дошел до людей. Возле шатра сидит старик.

— Откуда пришел? Кто ты? — спросил он.

— Меня зовут Хабанга, с севера я.

— Кто твой отец?

— Отца у меня нет, умер, когда я был еще маленький. Я вырос у своего дяди, у Чайлэру.

— А, в юности Чайлэру видывал. Отличный человек, очень известный человек. А ты зачем пришел?

— Ищу себе жену.

— У меня две дочери и сын,— сказал старик.— Сын еще маленький, оленей-то у меня много. Держать их трудно. Если бы ты согласился, с удовольствием бы оставил тебя зятем. Однако раньше я спрошу у своих. Давай, зайдем.

Вошли в шатер. Накормили жирным мясом, напоили бульоном.

Хабанга присмотрелся — все какие-то очень хорошие, спокойные. Поговорили о том, о сем. Затем старик обращается к старшей дочери:

— Эней, тебе что-то хочу сказать.

— Что? — спрашивает дочь.

— Нет, этого человека в мужья тебе не возьмем.

— Фу! И взгляд у него какой-то плохой.

Тогда старик обратился к другой дочери.

— Лайбо, что-то хочу тебе сказать.

— Что? — спрашивает та.

— Не позаботиться ли нам об этом человеке, как о твоём муже?

¹² Ласкательное обращение к дочери.

¹³ Лайбо — букв. 'самый младший ребенок'.

— Ну ладно... Все-таки человек... Ну что ж поделаешь, хотя бы до тех пор, пока он сам не оставит нас.

Хабанга начал пасти оленей. Одет в хорошую одежду. И человек как будто переменялся. И лицо будто другим стало. Заметно вырос... И силы прибавилось. И быстро бегают.

Стал участвовать в игрищах. Никто тягаться с ним не может: ни в пеших бегах, ни в поднятии тяжестей...

Однажды Хабанга тестю говорит:

— Хочу вам всем что-то сказать.

— Не стесняйся, сынок, говори.

— Мой дядя постарел. Я его одного оставил. Поэтому туда хочу съездить.

— Если мы не противны тебе, всех нас увези. Сын наш еще маленький, как будем жить,— сказал старик.

— Зачем будете противны!

Вот в свои родные края перекочевал.

— Зайдем-ка к моему брату,— говорит однажды старик.— Здесь недалеко живет.

Добрались до той семьи вдвоем со стариком. Семью же вместе с оленями оставили.

— Что это за человек? — спрашивает хозяин, глядя на Хабангу.

— Меня зовут Хабанга.

Все удивились, очень уж статный молодец. И одет с иголочки. И взгляд приятный. И красив.

— Оставайся у нас, оставайся у нас,— стали просить дочки хозяина. И каждая хочет забрать Хабангу именно к себе.

— Что с вами? — сказал им отец.— Ведь раньше он противен был вам! Не трогайте его!

Назавтра Хабанга с тестем поехали обратно к своим. А потом перекочевали к дяде Хабанги. Доехали до него. Чайлэру сильно постарел. Хабанга и его взял к себе.

Там живут. Хабанга богачом стал. Жена народила много детей.

Нураха

Жили две сироты, брат и сестра. У разных людей жили. Никто их не любил. Некоторые даже выгоняли их из своего дома. В общем, все обижали их. Но надо было как-то жить. Поэтому-то они жили переходя из одного шатра в другой. Очень часто случалось так, что, переночевав одну ночь в одном шатре, им приходилось искать новое пристанище, так как хозяева выпроваживали их.

В летнее время, придя в какой-нибудь шатер, они в первую очередь осматривали дымовое отверстие. Если там замечали много паутинок, оставались¹⁴. Зимой же, когда отдельные семьи разъезжались в разные места, сиротки, заходя в шатер, смотрели на очаг. Если там при угасании огня оставалось много пепла, они оставались¹⁵.

¹⁴ Согласно поверью, хозяева того шатра, где около дымового отверстия много горизонтальных паутинок, бывают удачливы.

¹⁵ «Много пепла» значит «много удач».

Однажды люди откочевали далеко. Сиротки шли по их дороге и выбились из сил. И заснули под ветвями большого дерева. Первым проснулся мальчик и видит: куропатки бегают.

— Старшая сестра,— растормошил он сестру,— проснись, смотри, куропатки бегают!

Сестра проснулась и предложила покидать в них палками. Стали кидать, не могут попасть. Ни одной не убили.

— Подожди-ка,— сказала сестра,— ведь у меня волосы длинные! Сплету-ка их и поставлю силки!

Так и сделали. По одной куропатке стало попадаться. Этим стали питаться. Потом из веток дерева соорудили жильё. Там стали жить.

— Пойду-ка к людям,— говорит однажды брат,— принесу огонь. А ты пока на куропатов охоться.

— Когда будешь сюда идти, огонь потухнет,— сказала на это сестра.

— Костры разожгу по пути,— сказал брат и пошел к людям. У людей взял огонь. И, как обещал, идет к сестре, разжигая по пути костры. Притом он жег только замшелые, трухлявые поленья, дрова¹⁶. Довел огонь до своего жилья. Стали есть уже поджаренное на огне куропачье мясо.

— Было бы хорошо, если бы нашел нож и топор,— сказала однажды сестра.

Мальчик опять пошел к людям. Никто не хочет давать. Тут к нему подошел мужчина и сказал:

— Бедняга! Возьми мой нож, что ж поделаешь...

Мужчина тот еще дал лук со стрелами.

— Родственник я твоему отцу,— сказал он.— Жена у меня слишком скверная, поэтому вас не беру к себе. Все это даю затем, чтоб подросши, ты вспоминал обо мне. Ну вот, живи тем, что я тебе дал.

Счастливым от подарков мальчик вернулся к сестре. Еще лучше стали жить. Но вскоре сестра совсем облысела от того, что волосы рвала для силков. Тогда мальчик стал охотиться на куропатов из лука. А однажды, бродя по равнине, увидел дикого оленя. Подкрался к нему спереди и лег поджидать. Когда дикий олень проходил недалеко от него, пустил в него стрелу. Попал. Дикий олень, сделав несколько прыжков, упал. Мальчик прибежал к сестре и привел ее к убитому дикому оленю. Освежевали тушу, разделали. Очень жирным оказался дикий олень. Поджарили на огне то мясо, они долго им питались.

— Пожалуй, снесу мяса *очидиз*,— сказал мальчик и пошел, неся на себе мясо. Дядя очень обрадовался гостинцу. А на прощание мальчику дал свой топор. Тетя же дала каменный котел.

Весьма счастливый от подарков мальчик вернулся к сестре. Теперь мясо стали варить. И бульон стали пить. Жизнь у них, наконец, совсем уладилась.

Время шло. Ребята подросли. Мальчик стал убивать много диких оленей. Хорошим охотником стал.

— Сделала бы из шкуры покрывку для шатра, да только иглоков нет,— сказала сестра.

¹⁶ Такие дрова горят медленнее и дольше.

— А из чего делают иголку? — спросил мальчик.

— Я видела, как люди делали иголку из тонких костей дикого оленя, они находятся в мышечной мякоти.

Мальчик принялся за дело. Изготовили много иголок. И сестра стала шить покрывку для шатра. Мальчик же теперь стал делать *нимэдай и цивиль*¹⁷.

Потом они поставили себе шатер. И стали жить, как все люди.

Теперь мальчик больше ходил на охоту. И однажды, так бродя по близлежащим холмам, встретил медведя.

— Не убегай, поговорим, подойди ближе, — сказал медведь.

Поговорили. Мальчик все о своей жизни рассказал.

— Меня не знаешь? — спросил медведь.

— Нет.

— Откуда знаешь? А между тем у нас предок общий. Поэтому я хочу сказать, давай жить без ссоры, помогая друг другу.

— Не понял, что значит «помогая друг другу»? — спросил мальчик.

— Хочу тебя учить силе и быстрому бегу, — сказал медведь. — Я знаю, тебя люди сильно обижали, сильно издевались над тобой. Поэтому так говорю.

— Очень рад, — сказал мальчик. — Разве скажу, что меня отец будет учить, наставлять...

— Тебя буду учить только летом. Если хорошо будешь учиться, то с тобой позанимаюсь три лета...

И еще продолжал:

— Зимой я обычно сплю. Только летом брожу по земле. Когда начинает подмораживать, я на еду собираю ягоды. А жена каждый год двух детенышей рождает. Годовалого возраста достигнув, они начинают жить самостоятельно. Вот такова наша медвежья жизнь... Теперь ты иди домой. Придешь завтра. К тебе домой заходить не буду. Где-нибудь в сторонке тебя поджидать буду.

Назавтра медведь пришел к шатру сирот. Не доходя немножко, остановился и негромко рывкнул. Сестра мальчика испугалась.

— Не пугайся, — успокоил мальчик ее, — это пришел мой дедушка. Меня учить будет. Если человек придет, не рассказывай, с кем я хожу.

Мальчик пошел к медведю. Тот сказал:

— Сегодня немножко тебя поучу. Впредь ночью будем встречаться, ночью тебя буду учить. Днем ходи на охоту. Ну, а теперь, погоняйся за мной.

Мальчик сразу отстал, не может догнать медведя. Только к осени, когда начало подмораживать, мальчик стал догонять медведя. А потом и обгонять начал.

— Хорошо, — сказал медведь. — Меня обгонять начал. Значит, быстро научишься.

Так мальчик ночью учился у медведя, днем же охотился на диких оленей. Отличным охотником стал, каждого увиденного дикого оленя убивать стал.

— Теперь силе учить буду, — сказал однажды медведь.

На том месте, где они разговаривали, много камней лежало.

— Подними этот камень и ходи, — сказал медведь.

¹⁷ *Нимэдай* — 'главный остов-тренога'; *цивиль* — 'боковые трехногие шести'.

Этим тоже целое лето занимался мальчик. И почувствовал, что стал сильнее.

— Ты догнал меня,— сказал медведь,— поэтому пока закончим учение. У тебя впереди много дней. И старайся никого не обидеть. Нигде не будь первым. Плохое не совершай ни в какой своей дороге. И учти, твои кости пока еще хрящеватые (т. е. слабые, мягкие). В будущем году в это самое время еще встретимся и тогда кое-чему еще научу. Все обиды, напесенные тебе, держи крепко в уме, при встрече расскажешь. Если хватит у меня силы, защищу тебя.

На прощание медведь спросил:

— А как тебя зовут-то?

— Мое имя Нираха,— сказал мальчик.

— Хорошо,— сказал медведь.— Твое имя услышал. Как будешь жить в будущем, решай сам. А теперь иди.

Мальчик достиг совершеннолетия, вырос. И думает: «Как же без оленей обойдусь. Хорошо было бы найти оленей. Но ведь олень и дикий олень — одно и то же!» Потом пошел искать диких оленей. Увидел двух важенок. Оказывается, только что отелились. Оленят взял. Завернул в кукашку, принес домой.

— Старшая сестра,— сказал он сестре,— оленят принес. Они потом станут нашими оленями.

Сестра день и ночь ухаживает за оленятами. Пыталась кормить их перемешанными в воде листьями, но оленята не стали есть. Об этом сестра рассказала брату. Нираха пошел на охоту. Убил двух важенок. Их молоко выжал в выщотрошенный желудок. И, вычерпывая деревянной ложкой, молоко стал лить в рот оленят. Те с большим удовольствием стали есть.

— Молоко им очень подойдет,— сказала сестра.— Хотя бы до тех пор, пока они не начнут самостоятельно кормиться, постарайся добывать молоко.

Нираха каждый день убивал дикого оленя. Оленята подросли, листьями стали питаться.

— Эти оленята меня боятся,— сказала однажды сестра,— убьют. Могу упустить их. Поэтому лучше сам ухаживай за ними.

К ремню (веревке) стал приучать оленят Нираха. Постепенно привыкли. Но стоило снять с них узды, они убегали прочь. Только благодаря своим ногам Нираха удерживал их возле жилья. «Неужто они не станут оленями?» — стал подумывать Нираха.

Когда оленята достигли годовалого возраста, Нираха попробовал их оседлать. Но те сразу ложились — не выдерживали человеческой тяжести. Тогда Нираха смастерил нарту и запряг в нее оленей. И стал ездить. А затем, когда оленята достигли двухгодовалого возраста, стал ездить и верхом на них.

Важенка вскоре отелилась... Так каждый год появлялся приплод. Много оленей стало у Нирахи. И брат с сестрой стали жить, перекочевывая с одного ягельного места на другое.

Как-то Нираха поехал к дяде.

— Откуда у тебя олени? — удивленно спросил тот.

Нираха все рассказал:

— Сначала в течение нескольких лет воспитал телят двух диких оленей. Держать их было очень трудно, поэтому никуда (в гости) не ходил. Стоило снять с них ремни, они убегали прочь. Очень диковатые были, меня боялись...

Затем Нираха дяде сказал:

— Дядя! Теперь к тебе еду со всеми своими оленями. За тобой ухаживать хотим. А этих своих диких оленей здесь забью сейчас, следить за ними слишком трудно.

Нираха сделал так, как сказал, и вернулся к сестре. Затем перекочевал к дяде.

И надо сказать, оленей своих только благодаря ремням держал: отпускал на волю, только привязав ноги веревками.

Прибыли к дяде.

— Не мучайся,— сказал дядя, те, что пожирнее, забей, а остальных отпусти.

Нираха послушался совету дяди. Жирных оленей забил, всех неупитанных отпустил...

— Говорят, через несколько дней будет большое игрище,— сказал однажды дядя.— Созвали всех силачей, ловких и быстроногих.

— А на какой местности игрище будет?— спросил Нираха.

— Отсюда недалеко есть река, надвое пересекающая гору. Там устроят,— сказал дядя.

— Я тоже, пожалуй, пойду туда. Хотя бы посмотрю,— сказал Нираха.

— У тебя еще кости хрящеваты,— опять сказал дядя,— смотри, слишком не играй, будь осторожен.

Нираха поехал на это игрище. ... На склоне горы, над речным яром, движется, словно остров, множество людей. Весьма побаиваясь и поколебавшись, Нираха пошел туда. Много разных людей¹⁸, оказывается, собралось.

Вот один старик, взобравшись на большой камень, стал произносить речь.

— Сначала силачи с камнями будут играть! Потом, ловкие люди начнут перепрыгивать реку! Затем, состоятся пешие бега! На этом игрище не будет призов! Это игрище будет борьбой за имя!¹⁹ — сказал он.

И тут же позвал силачей:

— Силачи! С камнями играющие люди! Встаньте сюда, на этой стороне!

Цепочкой вышли из толпы очень рослые люди. Семеро вышло. Все голые, только в штатах.

Нираха не сдержался, тоже разделся. Многие засмеялись, говоря:

— Зачем встал такой малюсенький!

Пять разных камней лежало возле силачей. Давешний старик сказал:

— Игрище начинается! По очереди эти камни все приподымайте.

Один силач пошел к камням. Остальные остались на месте. Нираха стоит сзади, самым последним.

Силач поднял самый маленький камень и так, приподнимая все, дошел до последнего. Его поднял только до коленного сустава. Выше поднять не может.

¹⁸ Очевидно, имеются в виду люди разных племен.

¹⁹ Борьба за звание быть первым среди лучших.

Второй же силач маленький камень положил на голову, следующий — на плечо, третий поднял до пояса, четвертый — до коленного сустава, а пятый только слегка сдвинул и сказал:

— Только это могу показать.

Затем он сел в сторонке.

К камням подошел третий силач. Маленький камень на плечо только положил, следующий поднял до пояса, третьего не мог поднять даже до коленного сустава, четвертый слегка только поднял, а вокруг пятого только немного походил и, даже руками не дотронувшись до камня, сказал:

— Вот вся моя сила.

Четвертый силач поднял только три камня. И все следующие оказались слабее первых.

Наконец, потирая ладонь о ладонь, к камням направился Нираха. Дойдя до маленького камня остановился. Постоял. Люди все смеются. Некоторые говорят:

— Вернись назад, не срамись!

И вот Нираха стал поднимать. Первый камень поднял выше головы... второй положил себе на голову, третий — на плечо. Беря четвертый камень, сказал:

— Хорошо бы этот камень положить на голову. Если не подниму, то тот не трону.

Люди же, посмеиваясь, говорят:

— Этот камень еще не поднял до плеча, а тот еще больше!

Нираха походил вокруг камня и внезапно (т. е. рывком) поднял его. Положил на голову и на одной ноге несколько раз подпрыгнул.

«Дядя правду говорил, оказывается,— подумал Нираха.— Того, наверное, не подниму».

— Эх, обидно! — крикнул он и подбежал к тому последнему камню. Поднял. Только на плечо положил. Дальше не может — кости дрожат.

Положив камень на место, подумал: «Слова моего черного дедушки и дяди подтвердились. Рано, оказывается, начал ходить по играм. Поэтому этот камень на голову не положил».

А вслух сказал:

— Нет сил у меня больше этого. Если есть кто, поднимайте.

На этом закончилось поднятие камней. Старик, открывший игрище, встав на камень, спросил:

— Как имя того человека, который последним играл в этой игре?

— Я — Нираха,— сказал юноша.

— Всем вам хочу сказать, люди, на этом игрище Нираха по силе стал вашим отцом! Так знайте и людям расскажите!

И тут же он известил о начале новых соревнований.

— Теперь прыжки будут. Кто будет играть, встаньте отдельно, на самый яр реки.

Друг за другом вышло десять мужчин. Над самым яром остановились. Нираха взглянул вниз, а там множество могил. Некоторые глядя на эти могилы, заплакали, говоря: «Может, и мы там будем лежать». Нираха сначала не хотел играть в этой игре, но не стерпел. И пошел к прыгунам. Идя, подумал: «Когда давеча пошел играть с камнями, вы ведь смеялись. Почему же теперь не смеетесь? Увидели человеческие могилы?»

Давешний старик сказал:

— Давайте, начинайте прыгать!

Нираха посмотрел на противоположный берег: там сплошные камни.

Игра началась. Первый человек для разбега несколько раз пробежал взад-вперед и прыгнул. Немного не допрыгнул до берега. Упал на камни, сломал руку и ногу. Увидев это, все остальные попятились назад.

— Зачем уходите? — спросил старик, открывший игрище.

— Этот свет еще хотим видеть. Ведь даже тот человек не смог!

И все пошли. Нираха один остался стоять. Он сказал:

— Ведь тот человек умрет! Идите ухаживать за ним!

— А как пересправимся? Ведь течение реки даже камни перерождает! Что же поделасшь, ему придется там умереть, — сказали люди.

Тогда Нираха снял свои кушанку и торбаза.

— Обидно! Что такое (в конце концов)! — крикнул он. — Если суждено умереть, пусть умру! Где не пропадали мужичины!

Пробежал для разбега несколько раз взад-вперед и прыгнул. Далеко-о на суше приземлился. И там же стал плясать и прыгать на одной ноге. Зрители только руками разводят: «Что за человек!»

Потом Нираха пошел к пострадавшему. Поднял его. Посадил себе на шею и, разбежавшись, прыгнул. На этом берегу далеко за спиной людей, приземлился.

— Поухаживайте за человеком, — сказал он людям и пошел к своим вещам.

Оказалось, тут же были жспа и отец пострадавшего. Они перевязали ему руку и ногу, затем сверху доской наложили.

В это время давший старик объявил о начале пеших бегов. Он указал на далекую гору, которую предстояло обогнуть бегунам.

Побежало очень много людей. Нираха пошел последним. Через некоторое время Нираха один пришел. Спустя еще много времени, стали приходить по одному и другие. Когда все оказались в сборе, давший старик сказал:

— Во всех играх впереди был Нираха! На этом игрище заканчивается.

Тут люди бросились к Нирахе. Хватают его за руку. Некоторые даже целуют. И все говорят:

— Отцом людей ты стал.

Потом люди стали разъезжаться по своим стойбищам. Нираха тоже вернулся домой. Все о своей поездке рассказал дяде.

(Время шло). Нираха женился, заимел детей. Богачом стал. За дядей все также ухаживает. А с людьми, когда-то его обижавшими, хорошенько поговорил. Некоторых батраками к себе нанял.

Хабата

Хабата — богач. Женат. Двоих детей имеет, сына и дочь. Сам очень богатый. Все у него есть: и олени, и всякая одежда. Сам не работает, так как на него работает множество батраков. Любил ездить по дальним и ближним богачам. Во время этих поездок узнал, что есть люди и побогаче его. И стал думать: «Каким обра-

зом еще разбогатеть?» Надо сказать, сам он был сновидцем. Раз он увидел сон. Будто бы один человек ему сказал:

— Ты сильно хочешь еще разбогатеть. То, через чего ты должен разбогатеть, находится на море. Если ты достигнешь его, всех ближних (богачей) догонишь по богатству.

Утром, Хабата призадумался и решил: надо ехать. Старухе своей сказал:

— Приготовь мне еду на полгода, а также одежду на пять человек.

Позвал своих батраков. Поговорил с ними.

— На полгода поедем охотиться на север,— сказал он самому лучшему и молодому батраку.— Идите, изловите хороших оленей. Нарты тоже возьмите.

Батраки пошли выполнять задание хозяина, а сам Хабата стал нагружать нарты пищей.

И вот поехали большим караваном.

У Хабаты была собака. Человеческую речь все понимала. Хабата взял ее с собой.

Вот приблизились к морскому берегу.

— На море корма для оленей нет,— сказал Хабата батракам.— Поэтому здесь нарвем травы и ягель для корма на один месяц.

Закончив с этим делом, покочевали к морю. Затем покочевали по морю, к его середине. Там они вдруг нашли остров! Не голый остров, а растут деревья, то да се. Очень довольные (находкой), остановились они на этом острове.

Некоторые недоумевают:

— Что это за остров? Иль обратно к земле вернулись?

Три батрака начали ставить шатер, а один пошел собирать дрова. И вдруг он позвал своего хозяина. Оказалось, там на дереве лежат огромного размера подстилки из сена! Взглянув на них, Хабата подумал: «Кажется, во сне увиденное начинает осуществляться».

День был туманный. Вдруг собака залаяла, почуяв что-то. И тут Хабата увидел весьма рослого человека.

— Спрячемся! — сказал он батраку.— Когда приблизится, выстрелишь.

Спрятались в плавнике. И вот великан приблизился. Батрак выстрелил из лука. В грудь великану попал. Тот повернулся назад и ушел. Хабата с батраком вернулись к своим.

— Запрягайте оленей, нагрузите нарты,— сказал Хабата батракам.— Мы приехали к нехорошим людям. Нас съедят. Поэтому уедем отсюда. А пока вы приготавливайтесь, я один пойду посмотреть, что там имеется.

Взяв свою собаку, Хабата пошел в ту сторону, куда скрылся великан. Собаке приказал не лаять.

Оказывается, там была гора. У ее подножия стоял дом из дерева. Хабата пошел туда. Дверь дома огромная. Хабата решил войти, но не может открыть дверь. Тогда он стал стучать. Вдруг дверь открыла женщина. Хабата вошел.

— Садись,— сказала женщина.

Хабата видит, что она не одулка, не чукчанка, не эвенка,— в общем не разберешь. А между тем разговаривает на том же языке, что и Хабата.

— С какой стороны пришел? — спросила она.

— С юга приехал.

— Зачем здесь ходишь?

— Знакомлюсь с новыми краями. Ты здесь одна?

— Нет, нас много, — сказала женщина. — Люди мои спят, тихо разговаривай. Мой старший брат, откуда-то весьма удивленный пришел. Что-то прилипло ему на грудь. С трудом-то вытащили мы.

Потом она сказала:

— Оказывается, южные (со стороны тайги) люди низкорослые бывают. Мои же все высокие. Дай-ка посмотреть свой напшейник, больно уж красив. Это из чего?

— Это напшейник, спитый из беличьих хвостов.

— Не дашь мне свой напшейник?

— Ну дам, если дашь то, что я ищу.

— Что?

— Дай мне золото.

— Дам. Еще хочу, что-то просить у тебя. Дай мне свою собаку.

— Если дашь золото, дам.

— Дам столько, сколько можешь поднять, — сказала женщина и три ящика положила перед Хабатой.

— Сам решай, сколько с собой возьмешь. Если сможешь поднять, хоть все бери. Только вторично сюда не приходи, люди мои живым не оставят. Видишь, уже начинают просыпаться.

Вот Хабата взялся поднимать. Схватил самый большой ящик — даже не сдвинул с места. Схватился за средний — нет, не может поднять. И только самый маленький ящик поднял. Унес. Пришел к своим. Ящик положил в свою нарту. Что там в ящике, не сказал батракам.

— Давайте, поехали, эти люди съедят, — сказал он.

Покочевали к своим краям. Приехали. Дома Хабата открыл ящик. До краев заполнен золотом! «Ну вот, некоторых богачей догоню!» — подумал он. Так Хабата еще больше разбогател.

Самый старший из батраков Хабаты имел двух сыновей. Младший из них был какой-то бесподобный: не то человек, не то что-то другое (с людьми по-человечески нормально не разговаривает). Иной раз вдруг как бы умнеет, иногда же становится непонятным. Старший сын батрака же вместе с отцом батрачит у Хабаты.

Вот отец этих ребят постарел. И вдруг тот (ненормальный) сын ему говорит:

— Отец, я тоже сон видел. Со мной человек разговаривал. Рассказать или нет, как-то стыдно, неудобно рассказывать.

— Сынок, — сказал отец, — никого нет, поэтому расскажи мне. Никому не расскажу.

— Человек мне сказал, что Хабата очень большой богач; что он потерял свой ящик с золотом; что Хабата всех оповестил о потере золота; что тому, кто найдет его золото, он выдаст свою дочь, а также подарит половину своих оленей и вещей. Вот что мне рассказал человек.

И действительно, спустя некоторое время распространился слух о потере золота Хабаты. Целый год искали тот ящик с золотом. И с помощью шаманов искали, не смогли найти. Однажды чудак-оватый сын батрака отцу своему сказал:

— Очень хочу рассказать что-то тебе.

— Не стесняйся, расскажи, — сказал отец.

— Отец, люди не могут найти Хабатой потерянную вещь. А я вижу: она находится у одного человека, живущего отсюда вдалеке на высоких горах. Только будет очень трудно взять у него тот ящик. Тебе придется меня отпустить. Где не пропадал царень, если суждено умереть, умру, если же нет, останусь жив.

— Ну что ж,— сказал отец,— иди. О, как-то ты поедешь?

— С собой возьму сына Хабаты.

— Смотри сам, сынок,— сказал отец.

После этого царень пошел к Хабате.

— Кто это пришел? — удивленно спросил Хабата.

— Я сын твоего самого старого батрака.

— Зачем пришел?

Царень стоит у входа.

— С тобой поговорить пришел, дедушка,— сказал он.

— Ну... А что такое?

— Давно когда-то распространился большой слух о том, что потерялось у тебя золото. Нашлось ли оно?

— Не нашлось.

— Хочу идти на поиски того золота. Из-за этого вот сюда пришел.

— Ну что ж, хотя бы попытайся. Если разыщешь, отдам половину своих оленей и вещей. А еще выдам тебе замуж дочь.

— Дедушка,— сказал царень,— я знаю, где находится то золото, только трудно его достать. Дай мне своего сына в напарники. Если умру, хоть скажет людям, что меня убили. Надо бы еще немножко и подорожника (т. е. еды на дорогу).

Поехали. Ехали без привала до тех пор, пока олени их совсем не обессилели. И сами путники тоже устали. Остановились у подножия гольцов.

— Остановимся здесь,— сказал сын батрака,— человек, у которого спрятано золото, отсюда недалеко находится.

Огнива и дров у них не было. Поэтому они питались сырой пищей. И вот однажды сын батрака сказал напарнику:

— Видишь, вон там на горе дверь? Сходи, принеси огниво.

Сын Хабаты пошел к указанному месту. Потянул дверь — не поддается. Вернулся.

— Дверь не поддается, крепкая,— сказал он.

— Ну как же ты не смог открыть? Ведь ты старше меня!.. Ну ладно, схожу сам,— сказал сын батрака.

Пошел, вздернул. Разломал. А там сидит рослый человек.

— Что это такое? — удивился он.

— Я — человек,— ответил сын батрака.

Начали ругаться.

— Ко мне человек не ходит! Зачем пришел?! — сказал рослый.

— По своим надобностям пришел...

Начали драться. Сын батрака чем-то стукнул того по голове. Тот потерял сознание. Лежит, подергиваясь. Накопец, пришел в себя.

— Как долго спал я! — сказал он.

— Да, тебя пожалев немножко усыпил. Ну давай-ка еще поругаемся!

— Нет хватит! Не хочу я ругаться.

— Если сейчас шевельнусь, начну драться, живым тебя не оставлю!

— Нет, я жить хочу. Рука твоя уж слишком тяжелая. Больше с тобой никогда не буду ссориться, не буду драться, уж слишком жить хочу... А ты действительно человек настоящего света?²⁰ Я же горный человек. Давай лучше по-хорошему поговорим. Пришел-то из-за чего?

— Я с тобой хорошенько поговорить пришел! Хочешь жить или умереть?

— Хочу жить. Отчего обиделся?

— Ты украл наше золото, за этим я погнался,— сказал сын батрака.

— Да, я украл...

— Если хочешь остаться в живых, отдай похищенное! Но, если не хочешь жить, не отдавай.

— Да, отдам.

Сказав это, рослый человек откуда-то извлек ящик. Отдал сыну батрака. И тот вернулся к своему напарнику. А напарник от истощения умирает. Накормил его и увез в свой край, в свое стойбище. Прибыли. Сын батрака перед Хабатой поставил ящик с золотом.

Затем он женился на дочке Хабаты. Половину его оленей и вещей забрал себе. Так живут.

Сказитель И. П. Волков, 42 года,
Халерчинская тундра, Нижнеколымский р-н

Сказка

Жил один человек. Имел двух жен. И мать его жила у них. Одну из своих жен недавно взял. Та молодая жена старухе (свекрови) говорит:

— Наверное, надоело тебе есть мясо, пойду-ка нарву тебе ягоды.

Вернулась только к ночи. Принесла только три ягодинки.

— Не смогла найти,— сказала она.

Оказывается, она там нашла трех юношей. С ними гуляла.

Назавтра мужу говорит:

— Пойдем туда рвать ягоды.

— Когда я буду собирать ягоды, мне ведь на охоту идти надо.

— Пошли, пошли,— не унимается жена.— Возьмешь с собой аркан, меня будешь ловить, как оленя.

Муж, наконец, согласился. Удалившись от шатра, жена говорит:

— Подожди-ка, пощупай вшей на твоей голове.

Стала искать вшей на голове мужа.

— Дай-ка, свяжу арканом твои руки и ноги,— говорит она, высккивая вшей в волосах мужа.— Если ты сильный, разорвешь, высвободишься.

²⁰ Имеется в виду, очевидно, «не из черного ли мира», т. е. не черт ли.

— Ну, зачем это,— говорит муж.— Меня не задерживай, ведь я должен идти на охоту за дикими оленями.

— Да разве мы долго поиграем,— не отстаёт жена.

— Ну ладно, только ненадолго,— говорит муж и лег. Жена связала его.

Ну, давай попытайся освободиться, разорви,— говорит мужу. Нет, никак не может разорвать муж аркан.

— Не могу,— говорит он жене.— Хватит, развяжи меня.

— Нет,— отвечает она и, обращаясь к кому-то, крикнула: — Ну-ка, парни, где вы? Связала я его!

Тут же появились парни. У всех большущие пожи. Набросились на связанного, но никак не могут умертвить его. Так раненого оставили и вместе с женой последнего ушли.

Лежит связанный. И видит: недалеко проходит дикий олень.

— Развяжи меня,— просит человек у дикого оленя.

— Не развяжу,— ответил тот.— Уж слишком часто ты меня пытался убить.

Раненый опять остался один. Пробегает недалеко от него песец.

— Не развяжешь меня? — спрашивает человек.

— Уж очень часто моих братьев убиваешь.— сказал песец и прошёл.

Потом к раненому подошла остроносая мышь.

— Не развяжешь меня? — спрашивает человек.

— О бедный! — восклицает мышь,— да только зубы очень плохие. Ну, хоть попробую.

Мышь стала грызть аркан. Грызет, грызет. Целый день грызет. И ночь грызет. На следующий день еле-еле перегрызла аркан. Человек поднялся. Пошёл к себе домой. Осталась, оказывается, только его мать. Увезли, оказывается, и оленей, и шатер. Мать живет в маленькой уресе.

Пошел по следам уехавших.

Вот добрался человек до привала, где остановились убежавшие. Все спят. Только старшая его жена бодрствует — сушит одежду.

Молодая его жена, оказывается, все время была старшую его жену. Превратила ее в служанку.

— Зачем пришел, убьют тебя,— сказала она мужу.

— Разведи огонь, положи в огонь клещи,— сказал муж.

Жена сделала так, как велел супруг. И вот он осторожно зашёл в шатер. Младшая жена его среди трех мужчин спит. Все лежат навзничь. Схватил клещи и вырезал горло спящих мужчин. Молодая его жена испуганно проснулась и сказала:

— Хорошо, что ты пришел! Нас увезли!

— Ладно,— говорит ей муж,— перекочуем отсюда. Тащи одну нарту, не отставай от нас.

Вернулись на старое место, к старухе. Свекровь старшей своей невесте говорит:

— Ну-ка, дави эту женщину к земле.

Сын же тем временем развел большой костер за шатром. Старуха догола раздела молодую невестку. Та вопит и просит:

— Не убивайте! Отпустите меня! Уйду от вас!

— Ладно. Уж очень хочешь идти к своим мужчинам, иди к ним! — сказал муж и бросил ее в костер.

Переночевали. Остановились недалеко от реки. Мужчина каждый день уходит на охоту. Раз, вернувшись с охоты, не обнаружил

ни шатра, ни своих людей. На месте шатра лежит только чайник. Пустил свою собаку. Собака бросилась вдоль реки. На берегу реки росли тальники. Стала лаять на эти кусты. И вдруг, оттуда выскочили два страшилища, держа его жену за руку. Убежали, перепрыгнули реку. Мужчина выстрелил из лука. Одного страшилища там же убил, а другой убежал. А жену, прыгая, уронили в реку. Мужчина вытащил жену. А мать свою найти не мог.

Перекочевали на новое место. Далеко ушли с этого места. И там жили.

Сказитель Д. П. Волков, 45 лет,
Халерчинская тундра, Нижнеколымский р-н

Старик и старуха

Старик со старухой живут. Пять оленей имеют. Живут недалеко от богача.

Раз пошел к богачу просить оленьей крови. Нет, сказали хозяева. От жадности они так сказали.

Старик вернулся домой.

— Нет ничего, они тоже угодобились нам,— сказал он своей старухе.

Еды у них не было. Оставался лишь кусочек грудинки. И тот почти без мяса, сплошная кость.

— Половину что ли сварить?— спросила старуха.

— Свари все.

— Отделить друг от друга кости?

— Нет, вари так, целиком.

Старуха сварила. Старик все съел. Погрыз кости. Покончили с трапезой. Ту кость старик положил на светильник.

— Положить эту кость?— спросила старуха.

— погоди, пока не клади,— сказал старик и вышел из шатра.

— Жутко! Что ты делаешь?— спросила старуха, когда старик вошел.

— Уж очень обиделся...— сказал старик и кость положил на стол. Передом в сторону двери положил.

— Немножко приоткрой полог,— сказал затем старик. И вдруг кость, покачиваясь, направилась к двери. У двери превратилась в собаку и вышла из дому. Пошла по следу старика к богачу, к его оленям. Идя, превратилась в медведя и загрызла оленей богача.

Затем старик забил пятого своего оленя и пошел к богачу. На этот раз встретили не так, как вчера. Хорошенько накормили, напоили.

— Хотя бы двух оленей возьми,— сказали.

— Ну ладно, пусть будут вашими,— ответил старик и пошел к себе домой.

Сказительница А. Н. Курилова, 21 год,
пос. Колымская, Нижнеколымский р-н

Сказна без названия

Жили старик со старухой. Не было у них детей. Жили охотой. Вот однажды старик опять пошел на охоту. Вернулся вечером. Привез одного дикого оленя. Старуха весьма обрадовалась добыче и сварила сразу половинку туши. Вот мясо сварилось. Стали есть. Старуха быстро наелась, старик же все ест и ест: не может насытаться.

Старушка вышла из дому. Вдруг в доме будто что-то лопнуло. Старушка вбежала в дом. Видит: муж лежит навзничь. Стала осматривать его, желая узнать, что же с ним произошло. Оказывается, у него разорвался живот! Старуха стала плакать. Когда она устала плакать, вышла из дому и пошла наугад, куда глаза глядят.

Идет старуха, идет и не знает, сколько времени шла и как далеко ушла от своего шатра. И вдруг она заметила трех голых детей. Все парни. Увидев старуху, они сказали, что они ее дети. Вот обрадовалась старуха!

Стали жить вместе. Старуха им сшила одежду: одела их и обула.

Дети выросли. Стали на охоту ходить. Стали добывать еду. Жизнь у них наладилась.

Однажды к ним приехал купец. Стал просить в работники старшего. Старухе не хочется отдавать сына, но тот сказал матери:

— Ладно, пойду. Хочу выучиться разным работам, и тогда не будет ничего такого, что не умел бы делать.

Что ж делать, старуха отпустила сына. Старший уехал с купцом, а они остались втроем. Через некоторое время опять приехал купец. Стал просить среднего сына. Старухе жалко сына, но тому хочется идти.

— Сильно соскучился по страшному брату. Как и он, я хочу работать,— сказал он матери.

Что ж делать, старуха отпустила и этого сына.

Назавтра купец опять пришел. Стал просить младшего сына.

— Не забирай, не отдам,— говоря, старуха стала плакать.

— Схожу проведаю старших братьев. Хочу выучиться работе. Пойду,— сказал сын.

Что ж делать, старуха отпустила сына и осталась одна.

Долго ехали купец и парень. И, наконец, вдали показались дома. Много домов. Вот подъехали. Недалеко от домов видно множество коров. А возле коров множество людей. Все работают. Парень обрадовался думая, что сейчас увидит своих старших братьев. Приблизились к работающим — все чужие, а братьев нигде не видно.

— Возьмите еще одного!— крикнул купец. К ним подошла высокая женщина. Парня повела к работающим. Парень еще внимательнее стал разглядывать по обеим сторонам, в надежде

найти своих братьев. Тут к нему подошла та высокая женщина, ударила и сказала:

— Работай!

Парень удивился. От удивления он простоял еще некоторое время. Женщина опять размахнулась своим большим пожом. Тут парень все понял. Понял, что его братья погибли от руки этой женщины. И превратился в мышонка. Обежал весь дом и в одной яме увидел безголовые тела. Там же пахнул своих братьев.

Прошел день. Сильно проголодался. Через дыру проник в амбар. Стал грызть мерзлое мясо. Так некоторое время и жил в амбаре. Потом, вспомнив мать, вышел из амбара и отправился по дороге, по которой приехали сюда. Оказавшись далеко от дома кунца, он опять стал человеком и пошел к матери. Тут он заметил пещь, а там его мать, замерзнув, сидит. Парень взял палку и ударил мать по лбу. Мать вскочила. И превратилась в молодую женщину!

— Ой, как долго я спала!— сказала она.

Оба очень обрадовались встрече. Поставили шатер. И вместе стали жить.

Сказитель Н. К. Курилов, 70 лет,
пос. Колымская, Нижнеколымский р-н

Улегерадойге

Жили старик и старуха. У них был один сын. Старик раньше был страшным (т. е. сильным, быстроногим, ловким) человеком. Ничего невозможного для него не существовало: все пайденное, увиденное (т. е. птицы, звери) оказывалось его. Иногда зверя он просто догонял пешком и убивал. Таким он был страшным человеком.

На старости его замучила болезнь ног. Сыну своему говорит:

— Каким бы страшным ты не стал, никогда не пытайся догнать зверя и убить. А я вот был силен ногами, поэтому пешком догнав зверя, убивал. Так пельзя было делать, оказывается. Это было грешно, оказывается! Из-за этого теперь я заболел болезнью ног. Каким бы страшным ты не стал, забивай луком, но ни в коем случае не лови руками.

Сын, выслеживая зверей, ходил по окрестным холмам и равнинам. Он тоже быстроногий человек.

Однажды на озерке заметил трех лебедей. Лебеди повесили свои крылья на ветке дерева и стали мыться в озерке. Людьями стали.

«Если бы броситься на них, поймал бы их. Но ведь отец запретил догонять пешком!— думает юноша.— Что же мне делать? Выстрелил бы из лука, но они люди! Как можно человека убить?! Ну ладно, сначала это расскажу отцу». И пошел домой.

— Ну, что-нибудь увидел?— спросил отец, когда сын вернулся домой.

— Да, увидел.

— А что?

— Три лебедя спустились на озерко. Сели недалеко от дерева, нависающего над водой. Сняли свои крылья, повесили на ветку того дерева. А затем, раздевшись, стали мыться. Бросился бы на них, но, вспомнив твой запрет, остановился. И еще подумал «выстрелил бы из лука, но они ведь люди, как и я, двуногие!»— рассказал юноша и спросил у отца:

— Что же мне делать?

— Пойдешь туда утром ранехонько. По левой стороне отсюда пойдешь. Если ты удачливый, увидишь что-то дивное. Если же ты не удачливый, ничто не появится,— сказал отец.

Рано утром юноша отправился по указанному направлению. Приблизился до указанного отцом места и заметил человека. Тот сидел и раскачивался. Юноша дошел до него. Видит: древний старичок сидит.

— Дедушка, что делаешь?— спросил юноша. Старик, оказывается, не заметил его и вздрогнул от неожиданного голоса.

— Дедушка, это я,— сказал юноша.

— А кто «это я»?

— Меня зовут Улегерадойте ²¹.

— Ах это ты, амо ²². Я слышал о твоём рождении. Куда идешь?

— Вчера я лебедей увидел.

— А какие они эти лебеди?

— Повесив крылья на ветке дерева, стали мыться. Такие они.

— А! Значит они тебе показали себя!— сказал старик.— Ну, давай, постарайся. Если ты удачливый, поймаешь, если же нет, не поймаешь. Постарайся незаметно подкрасться к их крыльям. Возьми те крылья, которые лежат ближе к берегу. А другие не трогай. Это — девушки. Та, крылья которой висят ближе к верхушке ветки, является самой старшей сестрой. Та, крылья которой висят в середине, является средней сестрой. Крылья самой младшей из сестер висят ближе к земле (т. е. к берегу). Достав указанные мною крылья, на некоторое время отойди от озерка. Не смотри на озерко, застесняются. Лебеди, одевшись, улетят. А один из них останется. Поговори с ней и возвращайся домой.

Улегерадойте побежал к озерку. К его приходу девушки уже купались, мылись. Притаившись, стал подсматривать за ними. Вот стал подкрадываться. Незаметно добрался до дерева и взял крылья, находящиеся на самом краю. Затем сел на берегу. Девушки заметили его. Что ж поделают голые девушки, так и стоят в воде. Только головы их торчат над водой. Юноша отошел от них. Отойдя подальше, оглянулся. Девушки уже оделись, а двое ищут крылья. И вскоре они улетели. Одна из девушек осталась. Стоит плача. Улегерадойте подошел к ней.

— Не плачь,— сказал он девушке.

— Отдай мои крылья,— сказала девушка.

— Пока не отдам. Сначала пойдем ко мне домой. Там решу, что делать.

Направились к дому юноши. Дошли. Старик со старухой весьма обрадовались им.

²¹ Ул'эгэра: дойт'э — 'Верхушка соломенного Ствола'; ул'эгэра: л — 'ствол соломы' + 0йт' эоэм'э — 'вершина', 'верхушка'.

²² Амјо — 'хороший дитя' (аму = < амут — 'хороший' + уо 'дитя').

Заночевали. Взял девушку в жены.

— Мой старший брат придет за мной,— сказала невеста на завтра.— Если придет, всех нас убьет. Лучше мы сами раньше к нему пойдем. Поехали.

— Когда будем подъезжать к дому, ты пока останешься. Если мы вместе приедем, нехорошо будет,— сказала невеста по дороге.

— У моих старших братьев много телохранителей. Если мы вместе приедем, все равно они не пропустят. Поэтому я сначала одна пойду. Лучше потом за тобой пошлем человека. Надо узнать, что скажут мои старшие братья,— продолжала она.

— А вдруг захотят меня убить?— спросил юноша.

— Тогда я с ними поговорю. Да и не убьют,— сказала девушка и продолжала.— Наш отец большой правитель. Когда приедешь, сделай все так, как делают пришлые люди.

Девушка сделала свои крылья и улетела. Юноша идет по направлению ее полета. Спусти довольно продолжительное время, к нему навстречу пришел один человек. Идет, прыгая по верхушкам деревьев. Наступив на верхушку дерева, ступал потом на землю. Ногу поднимал до того, как трава ложилась на землю под его ступнями.

— А, пришел, ворюшко Улегерадойте!— сказал он, подойдя к юноше.— Ну что ж, пойдем к моему дому. Посмотрим, что скажет отец. Не зря, наверное, тебя зовут Улегерадойте! Наверное, бегаешь так, что поднимаешь ногу до того, как под твоей ногой ложится ствол травы!

— А ну давай, догони меня!— крикнул он и побежал. Улегерадойте бросился за ним. Когда тот ступал на верхушку дерева, он тоже туда же ступал. Когда тот ступал на верхушку соломенного ствола, он тоже туда же ступал. И ни один из них не ступил так, чтоб лег на землю ствол соломы. Улегерадойте бежит сзади, все время задевая подол дохи того человека. Когда добежали до дома, впереди бежавший долго не мог отдышаться, а Улегерадойте же держался так, как будто не бежал.

Вошли в шатер. Сидит усатый старик. Могучий старик.

— Ну каков он?— спросил он у своего.

— Да, ничего, кажется.

— Ты что так тяжело дышишь, а он же почти не дышит?— спросил старик и, обращаясь к Улегерадойте, сказал:— Ну, давай садись. И действительно, ты силен, оказывается! Поэтому и украл. Я думал, мой младший сын хорошо себя натренировал. Оказывается, нет. Даже на таком маленьком пробеге чуть не задохнулся. А ты такой, как будто посидев за шатром, зашел. Ну что ж, поженитесь.

— Ну-ка, собирайте парод,— сказал он сыновьям.

— Да ну его, убьем этого ворюшку,— сказал старший из сыновей.

Отец не согласился с ним.

Вот сварили много мяса. Накрыли большой стол. Народу много, прямо как комарье! Поели.

— Мои люди!— сказал старик.— Я состарился. Раньше думал, что вместо меня вашим правителем станет мой младший сын. Оказывается, он не такой уж отличный. Поэтому на свое место хочу посадить своего зятя. Что скажете, люди?

Люди знали, что старик плохого человека обычно умерщвлял. И подумали, что, узнав большие возможности этого человека, старик решил посадить его на свое место.

— Давай, нам нравится ваша мысль, — сказали люди.

Так Улегерадойте вместо своего тестя стал большим правителем. Заочесав, он уехал за отцом и матерью. Затем своих людей увел в другие края. И там они стали жить. Старшего шурина сделал чистильщиком человеческих отбросов.

Сказитель И. Е. Курилов, 89 лет,
пос. Андрюшкино, Нижнеколымский р-н

Эдилвей

Эдилвей родился в те времена, когда эта земля (т. е. Алазейско-Халерчинская тундра) была еще новой²³. Он был сильным человеком.

В те времена здесь жили чукчи. Эдилвей жил с ними. У Эдилвея были железные доспехи, которых не было у чукчей. Вот из-за этих доспехов задумали чукчи убить Эдилвея. Дело дошло до драки. Чукчи сказали:

— Нам пужны твои железные доспехи, поэтому тебя решили убить.

— Ну, ладно, подеремся, — сказал юкагир.

Сказано — сделано; и началась драка Эдилвей всех своих противников уничтожил. Узнав об этом, соседние чукчи, собравшись, напали на Эдилвея, Эдилвей опять всех уничтожил. Все время спасали его железные доспехи, стрелы никак не могли пробить кольчугу.

Поняв безуспешность открытого нападения, чукчи решили убить Эдилвея втихоря, когда он не будет ждать подлости.

Вот так прошло некоторое время.

Однажды Эдилвей надел старенькую доху, вложил в ножны ножик с отломанным острием и пошел в гости к чукчам, предварительно зарыв в землю свои железные доспехи. Он надеялся, что так его не узнают.

В это время чукчи забивали оленей для одежды. Эдилвей видит около туш сидят старики. Подошел к ним.

— Пришел?²⁴ — спросил один из стариков.

— Пришел...

Один из стариков распознал Эдилвея и пригласил его в ярангу.

В яранге посадили на сложешную шкуру. Хозяйки варили мясо.

Вскоре яранга до края заполнилась людьми. Все сели. У всех — большущие ножи.

²³ Здесь, очевидно, имеется в виду, что Эдилвей родился во времена освоения юкагирами названной тундры.

²⁴ *Мэ колд'эп?* — 'Пришел?' *Мэ колд'эп.* — 'Пришел'. «Пришел» — юкагирская форма приветствия (ср. чукотск. *Етти?* — 'Пришел?' *Ии* — 'пришел' и т. п.).

— Хорошо, что пришел,— сказал давешний старик. Эдилвей ничего не сказал, только внимательно и удивленно посмотрел на него.

— Ты ведь Эдилвей?— продолжал старик.

— Да, я тот,— сказал Эдилвей.

— Ну что ж, тебя отправим (на тот свет), убьем тебя!

— За этим и пришел, что ж поделаешь, убейте.

— А где твоя железная доха?

— У моей жены...

— Эй, давайте сюда еду! Давайте, сначала накормим.

Вот вытащили мясо и поставили перед Эдилвеем.

— Вы меня хотите отравить, хотите убить, поэтому один не буду кушать,— сказал тут Эдилвей.

— Ну, ладно, все поедим. Поставьте перед всеми еду,— сказали хозяева.

Вот все сели вокруг очага. Эдилвей взял кусочек мяса.

— Давайте, купайте!— сказал хозяин дома.

Все набросились на еду, кроме двоих, стоящих с копьями у самого входа. Эдилвей решил воспользоваться этим. Незаметно приподнялся, левой рукой схватил край подстеленной под ним шкуры и прыгнул к входу. Уже находясь над очагом, шкуру бросил вперед на уровне лица сторожей. Те подняли копья и проткнули шкуру, а Эдилвей под их копьями выскочил наружу.

Все бросились за Эдилвеем. Погнались за ним. У них был один сильный бегун. Только тот немножко приблизился к Эдилвею, остальные поотстали. Эдилвей, убегая, перепрыгнул речку Лабунмэдэну²⁵. Преследователь тоже прыгнул, но до берега не допрыгнул. И пока он выбирался на берег, Эдилвей далеко ушел от него.

Скрывшись от преследователей, Эдилвей спрятался в трещине земли. Через некоторое время несколько человек пробежали мимо него, остальные преследователи, оказывается, повернули назад.

Тогда Эдилвей бросился вдогонку пробежавшим. Каждому настигнутому перерезал горло тем своим обломком пожа. Самым последним настиг того сильного бегуна. Оказывается, у того в руках было копье. Эдилвей крикнул ему сзади. Тот обернулся и увидел Эдилвея! Он тут же сел и сказал:

— Убей меня сидячим.

— Нет, тебя я не убью,— сказал Эдилвей,— пусть твой отец увидит метку, сделанную мною.

И отрезал одно его ухо...

После этого еще несколько раз чукчи хотели убить Эдилвея, но каждый раз только теряли своих сильных людей. Наконец, Эдилвей уже не в силах терпеть больше эти постоянные преследования, сказал им:

— Хватит, не старайтесь меня убить, если еще раз рассердите меня, всех вас уничтожу.

Угроза подействовала — чукчи со всеми своими оленями убегали...

²⁵ Лабунмэдэну (букв.) означает: «Иуропатья река».

Наступило лето. Эдилвей охотился возле моря и обнаружил стоянку. И вдруг там лежит полоз. Юкагирский полоз.

«Черти, кого-то из моих людей увезли, оказывается», — подумал Эдилвей и решил преследовать убежавших.

За Индигиркой их настиг. Увидев их шатры, снял свои доспехи и вместе со своим луком спрятал в земле.

Около самого стойбища навстречу ему выбежали несколько молодцов. Вскоре их стало много, и все без оружия. Окружили Эдилвея, схватили и, повалив, связали руки и ноги. Затем как покойника положили на парту.

Все были очень рады такой удаче.

— О, наконец-то, придется вернуться нам в полюбившиеся места! — говорили одни.

— Давайте, тут же убьем! — говорили другие.

— Нет, сначала доедем до родных мест и там в качестве платы отдадим земле, — утверждали третьи.

Вот поехали в сторону родной земли, везя связанного Эдилвея на парте. На каждой стоянке, ночью, связанного Эдилвея караулили по два человека. Перед дежурством караульчиков кормили в шатре предводителя: опасались, что кто-нибудь, пожалев страдальца, из дому принесет еду. А кормили и поили Эдилвея мало — одна кружка воды и несколько кусочков мяса в день. Всего это люди видели и некоторые жалели Эдилвея. Особенно часто по Эдилвею плакала одна женщина. Ее сыновья часто бывали караульщиками Эдилвея. Она, плача говорила:

— О, как мучают нашего человека! О, как болит мое сердце!

И так она говорила каждый день. Это подействовало на сыновей — они тоже стали жалеть Эдилвея. И вот, чтоб хоть как-нибудь уменьшить его страдания, эти юноши во время своего дежурства тайком стали приносить еду Эдилвею. Однажды они ему сказали:

— Мы бы тебе не приносили еды, если б каждый день не плакала наша мать. И почему-то она все время говорит: «Нашего человека мучают, нашего человека мучают».

Во время следующего своего дежурства, юноши сообщили Эдилвею, что завтра доедут до родных земель, что его сожгут, но перед этим заставят его бегать вокруг костра. А потом они шепнули:

— Если сможешь, попытайся прыгнуть над нами, свои малахаи мы наденем чуть набок.

Вот на завтра доехали до большой реки. Стан разбили на высоком яру. Закололи оленей, накипятили жир в больших котлах. Около юрты Эдилвея скожили дрова. Развязали ему руки и ноги. Положили перед ним еду.

— Давай, покушай.

Эдилвей съел все предложенное ему.

— Пусть твои мысли уходят, как вода этой реки, — сказали ему, когда он кончил есть.

Потом поставили Эдилвея на ноги и сказали:

— Ну-ка, разомни свои суставы, беги трижды этот очаг.

В первое время Эдилвей не мог держаться на ногах, несколько раз падал, пока сделал один круг. Обегая второй раз, он заметил давешних юношей. Они, как и другие, с копьями в руках стояли вокруг того места, где бегал Эдилвей. В конце третьего

круга все эти копья должны виться в тело Эдилвея, а затем безжизненное тело должно оказаться в костре.

Начиная третий круг, Эдилвей почувствовал, как силы возвращаются к нему.

— Будьте осторожны, внимательно следите за ним!— крикнул один из стариков.

А Эдилвей все наращивал свой бег и, приближаясь к тому месту, где стояли юноши, понял, что, пожалуй, и на этот раз ноги его не подведут.

В момент, когда Эдилвей летел над юношами, те кольнули мимо него. И тут же с отчаянными криками все бросились за Эдилвеем. Но тот был недосыгаем — переспрыгивая речки, убежал в ту сторону, где спрятал свои доспехи и оружие. В полдень добрался до помеченного места, снарядился и так же бегом вернулся к своим мучителям. Всех их уничтожил, а сам даже царапину не получил. Потом среди мертвых стал искать того языкастого старика, — нигде его не было. А женщины, дрожа от страха, сидели возле очагов и тяжело дышали.

Старик, оказывается, спрятался в пологе, который лежал на нарте. Эдилвей кинул полог прочь и остановился перед стариком. Увидев Эдилвея, тот сказал:

— А, ты пришел, оказывается?!

— Да, пришел, — сказал Эдилвей.

— Что скажешь?

— Много не скажу. Высунь язык!

Старик выполнил приказ, и Эдилвей отрезал ножом его язык.

— Все, — сказал он затем старику, — вот этим языком хоть как теперь трепли!

После этого он стал искать своих юношей. Давече, в последнюю ночь, он им говорил:

— Если не убьют и убегу, то вернусь с потемневшими (от злости) глазами. Поэтому уничтожу все черное, что попадется в мои глаза. Так вы постарайтесь заранее где-нибудь спрятаться.

Юноши, оказывается, спрятались в реке. Дыша через соломинку, они лежали в воде.

Эдилвей, двое юношей и их мать в тот же день покинули стойбище. Вернулись к своим.

... Уничтожив своих врагов, Эдилвей однажды бродил по берегу Куропатей реки. У подножия сопки увидел сидящего старичка.

— Уходи прочь отсюда!— прикрикнул он на него.

Старик даже не обернулся в сторону Эдилвея.

— Почему ты не хочешь слушать!— крикнул Эдилвей на него и посохом его толкнул в плечо. Старик вздрогнул и с ножом бросился на Эдилвея. Тот испугался и убежал. Старик догнал его и отрезал сухожилья обеих его ног. Эдилвей сел.

— Ну почему ты сел, добрый молодец?— спросил старик.

— Куда пойду, ведь ты заставил меня сесть.

— Ладно, хватит. Прекращай убивать людей... Как-нибудь не подумывал о том, что могут быть люди, сильнее тебя?

— Нет...

— А по чему ты ходишь?

— По земле хожу, — сказал Эдилвей.

— Да, это ты по моей спине ходишь. Больше с тобой не буду разговаривать. Отвернись!

Эдилвей отвернулся и тут же оглянулся на старика. Никого не было.

К вечеру, волоча ноги, Эдилвей дотащился до дому.

— Что это с тобой?— испугалась жена.

— Дух земли так меня наказал,— сказал Эдилвей.

Эдилвей долго мучился и однажды исчез из дому. Где-нибудь, должно быть, руки на себя наложил.

Сказительница П. А. Никулина, 86 лет,
Халерчинская тундра, Нижнеколымский р-н

Сказка

В одном стойбище множество шатров имеется. Девушки часто ходили за ягодами. Но один человек не пускал свою дочь за ягодами. Ее все время держал дома.

Раз девушки пошли за ягодами. Та девушка тоже пошла. Собирая ягоды, девушки удалились довольно далеко от стойбища. А когда собрались было идти домой, потеряли дочку старика. Девушка пыталась было найти стойбище, но еще пуще заблудилась. Так бродя, нашла медвежью берлогу. Стала жить вместе с медведем. Через некоторое время забеременела и родила ребенка.

Днем она собирала ягоды для медведя-мужа. Однажды, собирая, ягоды услышала песню. Прислушалась. Человек пост:

Женщина, в мою сторону, в мою сторону.

Женщина, иди в мою сторону...

С тех пор она стала думать о побеге. И в следующий раз пошла будто ягоды собирать и убежала. Идет туда, откуда слышится пение. А человек теперь так пост:

Женщина, в день твой серьги
в мое ухо.

Я такой же, как твой муж.

Не испугайся.

Женщина пошла на голос. Навстречу медведь вышел. Женщина вдела свои серьги в его ухо.

— Спрячься побыстрее. Когда прекратится гром, пойдешь дальше,— сказал медведь.

Оглянулась назад — прежний муж по ее дороге идет. Женщина спряталась за холмом. Вот два медведя увидели друг друга. Начали драться, чтоб решить, кому достанется женщина. Прежний ее муж проиграл.

Женщина пошла дальше. Шатры увидела.

Добралась до них. Вошла в средний шатер. А там сидит один вспотевший юноша и вытирает свой пот. На ухе у него серьги. Женщина опознала свои серьги. И думает, как же они оказались у этого юноши.

Оказывается, юноша, чтобы отнять эту женщину от настоящего медведя, превратился в медведя.

Юноша взял женщину в жены. Потом он спросил у нее:

— Если бы увидела своих, узнала бы или нет?

— Узнала бы.

Поехали к родственникам этой женщины. Доехали. Мать женщины сбивала снег с шатра. Посмотрела на женщину.

— Не узнала меня? — сказала та.

Мать узнала. От радости заплакала. Поцеловались. Отец тоже плача выскочил из шатра. Бросился к дочери, обнял ее.

Эта женщина с мужем живет. Много детей народила. Большими богачами стали.

Сказительница Е. Ф. Слепцова, 57 лет,
пос. Колымская, Нижнеколымский р-н

Ламадо ²⁶

Юноша живет с невесткой. Вскоре жена родила сына.

— Фу, это не мой сын! — сказал муж. Схватил младенца и бросил в *сирил* ²⁷ шатра.

— Пусть его имя будет Ламадо! — сказал он, бросая ребенка. Мать тайком от мужа кормила ребенка, давала свою грудь.

(Время шло). Мальчик подрос.

— И смерть ведь его не находит! Зачем он только живет?! — сокрушался отец о мальчике.

Жена родила второго сына.

— Вот это мой сын! — сказал муж на этот раз.

Старший сын мало оставался дома, все время где-нибудь по окрестностям бродил. Охотился. Младший тем временем тоже вырос.

Ламадо женился. Стал жить отдельно от родителей.

— Найди мне, давай, женщину! — стал говорить отцу младший сын. А сам все время ходит в гости к старшему брату.

— Сходи к брату. Скажи ему, что отец велит привести медведя, — сказал однажды отец сыну.

Ламадо засобирався идти за медведем. Жена ему дала конский волос и сказала:

— Этим веди медведя.

Ламадо привел медведя. Привел к отцу. Отец испугался.

— Зачем привел? Уведи! — сказал он.

Ламадо отпустил медведя.

В отсутствие же Ламадо брат его пришел к тете започевать. Вот завечерело. Пора уже ложиться спать.

— Пойду-ка, поколю дров. Если б муж был здесь, он бы пошел колотить! — сказала тетя.

— Подожди, пойду-ка я поколю, — сказал юноша.

Вышел, начал колотить. Руки прилипли к топору, а топор прилип к дереву. Ночь там провел.

— Ты что здесь делаешь? — спросила тетя на следующее утро. Отцепила.

Парень пошел к себе домой.

— Ну как переночевал? — спросил отец.

²⁶ Ламадо — 'щенок' (букв. 'дитя собаки').

²⁷ Сирил (юк.) — нижний край покрышки шатра.

— Хорошо,— соврал сын.

Когда Ламадо возвратился, жена ему говорит:

— Отец твой убить тебя хочет, поэтому послал за медведем. Младший сын опять стал говорить отцу:

— Давай убьем брата. Тогда жену его себе возьму.

— Иди сходи к брату,— сказал отец.— Скажи, что отец велел волка привести.

Парень пошел к брату.

— Волка приведи, говорит отец,— сказал он.

Ламадо засобирался за волком. Жена опять дала конский волос.

— Этим будешь вести волка,— сказала она и продолжала:—

Отец твой убить тебя хочет, поэтому туда-сюда посылает. А брат хочет твоей смерти потому, что хочет жениться на мне.

Ламадо привел волка. Привел к отцу.

— Отпусти волка, страшно!— сказал отец.

Ламадо отпустил волка.

В отсутствие брата парень стал жить у тети. Вот подошло время ложиться спать. Тетя говорит:

— Если бы был твой брат, сказала бы ему сходи за водой..

— Я сам схожу за водой,— сказал юноша.

Руки его прилипли к котелку, а котелок прилип ко льду. Там провел ночь юноша. Назавтра тетя освободила его руки.

Юноша пошел к себе домой.

— Ну как переночевал?— спросил отец.

— Хорошо,— соврал сын.

(Время шло). Сын опять стал кричать отцу:

— Как же убьем моего брата?!

— Сходи к брату и скажи, что отец велит черта привести,— говорит отец сыну.

Пошел к брату и сказал:

— Черта приведи, говорит отец.

— Не пойду, не приведу. Хватит! Все равно меня не убьете! — сказал брат.

(Время шло). А пока так бегал сын, у стариков кончилась провизия. Старик уже не может работать, так состарился. Поэтому все они перекочевали к Ламадо. И стали у него жить. Отца и брата Ламадо сделал дровоколами и водносами. Только за матерью нежно ухаживает.

— Меня никто не растил. Мать моя меня растила. Отец же с братом меня хотели убить,— любил поговаривать Ламадо.

Отца и сына только кормил. Их держал в сенях, там заставлял их ночевать. И говорил:

— В сирил шатра меня бросил, живите, как когда-то я жил.

Сам разбогател. Заимел много детей.

Так живет. Может, и сейчас живет.

Оендя

Жили были муж с женой. Одну дочку имели. Никто, кроме отца и матери, не знают ее имени. Вот девочка стала девушкой. Ей приглянулся один юноша. Горячо мечтает выйти замуж за не-

го. Но сказать об это прямо родителям стесняется. А отец с матерью не догадываются о страстном желании дочери стать женой одного юноши. Чтоб наметнуть родителям о своем желании, девушка в разговорах постоянно называла имя любимого, даже слагала песни о нем. Все же, наконец, отец догадался.

В те дни в стойбище, где жила эта семья, собралось много юношей из разных стойбищ. Всех их пригласили в один шатер. Посреди них сел отец девушки.

— Юноши! Кто назовет имя моей дочери, возьмет ее в жены! — объявил он.

Девушка была тут же, в шатре. Она, Оендя, тихо назвала свое имя любимому человеку и шепнула:

— Назови скорее.

Тот не расслышал.

Рядом с девушкой сидел один очень бедно одетый юноша. Он, счастливо улыбаясь, сказал:

— Я услышал, я услышал.

И назвав имя девушки. Девушка взглянула на этого юношу и от досады на виду у всех заплакала. Отец с матерью увели ее в свой шатер. Будущий ее муж поплелся за ними. Он был каким-то уж очень плохим, и вдобавок, от него воняло чем-то очень тяжелым.

— Придется тебе пока заночевать в соседнем шатре, — сказали родители зятю. — Жену возьмешь завтра.

На другое утро юноша пришел за своей женой. Девушке совсем не хочется ехать с ним, но что поделаешь, слово надо сдержать.

Плача, она оделась, и молодожены поехали в стойбище мужа. Доехали. Шатер у юноши оказался совсем худым, весь в латках и дырах. И внутри у него все бедно. Девушка опять заплакала. И легла вниз лицом. И так, всхлипывая, уснула.

Проснувшись на другое утро, видит, что она лежит на очень хорошей и просторной кровати (ложе). Удивилась. И шатер совсем не похож на вчерашний. Выглянула наружу через входную прорезь. А там танцуют люди. Один из них ей сразу понравился. «О, хоть бы он моим мужем был», — подумала она. Вдруг один из танцующих вышел из круга и направился в шатер, где находилась Оендя. Вошел. Подошел к ней. Около нее снял кукашку, малахай и повесил. Сам очень хорош собой!

— Вчера замуж я вышла за одного человека. Где, интересно, он сейчас? — спросила Оендя.

— Это я, — сказал юноша.

— Нет, не ты! Тот не такой!

— Это я. Вчера нарочно в плохую одежду облачившись, приходил к вам.

Девушка, конечно, безмерно обрадовалась этому превращению мужа. Повеселела, расцвела, узнав, что вышла замуж за хорошего человека.

Вскоре они съездили к се родителям. Те тоже весьма и весьма обрадовались, узнав, что их дочери попался хороший муж. В порыве наполнившей их душу радости, они молодоженам подарили очень много вещей.

Молодожены вскоре стали очень богатыми людьми. Оендя народила много детей. Так жили.

Сказительница Е. А. Турпанова, 60 лет,
пос. Нелемное, Верхнеколымский р-н

Тэбэгэй

Жил Тэбэгэй. Со своей женой и четырьмя детьми. Недалеко от него жил сказочный старик. Жена у него была слепая.

Однажды Тэбэгэй колет дрова около своего дома. В это время к нему подошел сказочный старик и спрашивает:

— Приятель, Тэбэгэй! Как ты колешь свои дрова?

— Мой топор сам колет,— сказал Тэбэгэй.

— Придется и мне так сделать,— сказал сказочный старик и ушел домой. Придя домой, схватил топор, воткнул его в дерево и лег спать.

Проснулся на другое утро. Видит — топор его находится в таком же положении, в котором он оставил вчера. Ни колотых дров, ни срубленных дров! Рассердился сказочный старик и пошел к Тэбэгэю с целью его убить.

А Тэбэгэй тем временем мясо варит. Заметил, что к нему идет старик и забросал котел снегом. Старик вошел и увидел, что котел со снегом висит над огнем и стал ждать. Вскоре снег растаял и, к удивлению старика, Тэбэгэй оттуда вытаскивает мясо.

— Пойду-ка, я тоже так сварю мясо,— сказал сказочный старик и ушел.

Пришел домой, затопил огонь, повесил над ним котел со снегом и стал ждать. Вскоре снег растаял в котле, образовалась вода. А мяса-то нет! Рассердился старик и пошел к Тэбэгэю с твердым намерением убить его за обман.

Как только зашел старик в дом Тэбэгэя, Тэбэгэй пожом ударил свою жену! И вдруг женщина зрячая стала.

— Старик,— говорит Тэбэгэй,— вот моя жена слепая была, а теперь, после того, как я один раз ударил пожом, она стала видеть!

— У меня жена со-овсем слепая!— сказал сказочный старик.— Пойду-ка. Топором ее буду рубить!!

Пришел домой. Зарубил жену топором. Рубит, рубит, а жена никак не становится зрячей! А вкопец и вовсе умерла.

Страшно рассердился старик на Тэбэгэя. Прибежал к нему.

— Какой смертью хочешь умереть?— крикнул он Тэбэгэю.

— Положи меня в мешок,— говорит спокойно Тэбэгэй.— Отпеси к озеру, проруби прорубь и затопи меня.

Старик закинул Тэбэгэя в мешок, пошел к озеру, прорубил прорубь.

— Старик,— говорит в это время Тэбэгэй,— я дома, оказывается, забыл свои ножны. Иди принеси-ка, а то тебе покою не будет давать.

Сказочный старик пошел за ножнами Тэбэгэя. А в это время по озеру, где лежал Тэбэгэй, проезжали ламуты. Они проехали, сзади же них пешком шла слепая старуха с палочкой.

— Старуха!— окликнул ее Тэбэгэй,— иди сюда! Развяжи меня. Я уже вылечился, зрячим стал.

Старуха подошла, развязала мешок. Тэбэгэй вышел из мешка; а вместо него туда залезла старуха. Завязал мешок Тэбэгэй и ушел. Вскоре вернулся старик.

— На, Тэбэгэй, твои ножны,— сказал он и мешок со старухой бросил в прорубь.

Через два дня Тэбэгэй приезжает на оленях.

— Откуда ты появился, Тэбэгэй? Ведь я тебя утопил!— удивляется сказочный старик.

— Я там хорошую жизнь нашел!— сказал Тэбэгэй.— Кстати, там и твоя жена живет!

— Я тоже туда хочу,— сказал старик. — Будь человеком, Тэбэгэй, утопи меня.

Тэбэгэй положил его в мешок и столкнул в прорубь. Так умер сосед — сказочный старик.

Тэбэгэй же богато живет со своей женой.

Сказка о старушке-лисице

Жила одна старая лисица. Пятерых дочерей имела.

Однажды у входа ее норы люди поставили ловушку. И стали петь. Услышав ту песню, лисица стала пританцовывать. В такт танца она шела:

Гринг-гринг, гринг-гринг, голниса!
Дети, что за хорошая песня слышится!
Выходите,
Посмотрите...

Вышла старшая дочь. Попалась в ловушку. Старушка-лисица опять начала танцевать и петь:

Гринг-гринг, гринг-гринг, голниса!
Выходите,
Посмотрите,
Ваша старшая сестра почему
не приходит!

Вышла вторая дочь. Тоже попалась в ловушку. Старушка-лисица осталась с двумя дочерьми. Спустя некоторое время, она опять начала танцевать и петь:

Гринг-гринг, гринг-гринг, голниса!
Выходите,
Посмотрите,
Ваша старшая сестра почему
не приходит!

Еще одна дочка вышла. Тоже попалась в ловушку. Старушка-лисица осталась с одной дочерью. Вскоре она опять стала танцевать и петь:

Гринг-гринг, гринг-гринг, голниса!
Почему мои дочки
не приходят?
Самой что ли
выйти?

Вышла и тоже попала в ловушку.
Люди тут же кончили петть и сняли ловушку. С пятью лисицами, довольные, пошли домой. Все.

Сказитель Н. А. Шалугин,
пос. Нелемное, Верхнеколымский р-н

Сказка о зайчонке

Жили старик и старуха. Зайчонка вместо ребенка воспитывали. Однажды сильно стали голодовать и старик старухе сказал:

— Давай съедим зайчонка.

— А есть у нас миски, ложки? — спросила та.

— Истинную правду говоришь, старуха! — сказал старик и, взяв топор, *часлу*²⁸, пошел в березовую опушку. Смастерил ложку и миску.

Как только старик вышел из дому, заяц сказал старухе:

— Бабушка дай мне дедушкины торбаса.

— Не дам, а то убежишь.

— Не убегу, на улице буду кататься.

— Ладно, — сказала старушка и отдала зайцу торбаса старика.

Заяц катается на улице на бабушкиной *киибэ*²⁹.

А старуха сидит, шьет. И вздремнула. Зайчик взглянул на нее через дымовое отверстие. Видит — бабушка сидит с закрытыми глазами.

— Бабушка, — тихо позвал зайчик старуху. Та не откликнулась. Тогда зайчик убежал.

Старик, наконец, с готовой миской и ложкой вернулся домой. А перед самым приходом старика, старушка проснулась. Стала искать зайчика и нигде не нашла. И вот она опечаленная сидит около шестка.

Старик зашел и, довольный собой, бросил ложки и миску на стол.

— Зачем принес, ведь зайчик убежал! — сказала старуха.

— Врешь! — говорит старик. — Одна, наверное, съела, поэтому так говоришь!

И, рассердившись, стал гоняться за своей старухой. Так, гонясь за старухой, старик наступил на завязки старухиных торбаса. Так поймал ее и убил. Распорол ее живот — а там только наперсток. Оказывается, старуха, когда вздремнула, проглотила свой наперсток! Тут только опомнился старик и с горечью подумал: «Из-за чего я убил свою старуху!»

Ну что же делать? Подумал-подумал старик. Потом поднялся, вынес старуху на улицу, раскрыл ее рот так, чтобы она казалась улыбающейся. Старуха так и замерзла.

Затем старик нагрузил старуху на санки и пошел к ближним соседям. Дошел до них. Нарту со старухой поставил около входа.

²⁸ Инструмент для долбления.

²⁹ Доска для обделки шкур.

И зашел в шатер. А здесь жили старик со старухой. Двух дочерей они имели. Поели, попили. Спать собрались. Хозяин пошел закрывать дверь.

— Все ли дома, или кто-нибудь еще остался на улице? — спросил он.

— Моя жена, стесняясь, не входит, — сказал старик-гость.

— Приведите свою подругу, — сказал тогда хозяин своим дочерям.

Девушки вышли и тут же обратно зашли.

— Наша подруга упала, — сказали они. Услышав это старик-гость выбежал на улицу. И вскоре, плача, вернулся.

— Мою жену убили, — сказал он, слезы вытирая.

Хозяева испугались.

— Возьми в жены одну из моих дочерей, — сказал, наконец, хозяин.

Старик-гость ничего не ответил.

Назавтра гость и дочка хозяина ушли. Доехали до дома давешнего старика-гостя.

Прошла ночь. Утром старик, взяв топор, пошел в лес. Сделал ловушку. Хорошенько прикрыл свои следы и ушел домой.

Через несколько дней он пошел проверять ловушку. А там — зайчонок! Старик убил его. Принес домой. Отдал жене. Жена повешила зайчика, чтобы он растаял. А, когда зайчик растаял, освежевала его. Сытно полакомились зайчатинной. Жена высушила шкуру, уши тоже, лоб тоже. Из шкуры она сшила доху, из камусов — торбаса, из шкур ушей — рукавицы, а из шкуры лба — малахай. Вот какую пользу принес зайчонок.

Сказительница А. Н. Ягловская, 98 лет,
Халерчинская тундра, Нижнеколымский р-н

Ичэн

На алазейских горах множество шатров стоит. Есть у них голова, князь. В самом последнем доме в маленькой уресе Ичэн живет со своей женой. Он только становился шаманом. Только и делал, что все время лежал.

— От лени Ичэн лежит, — поговаривали соседи.

(Время шло). Люди стойбища захотели увидеть камлание Ичэна.

— Принесите большой камень, — сказал князец. — Положите тот камень на огонь и накалите докрасна.

Около очага повесили три тонких тальника. В это самое время Ичэн своей жене говорит:

— Сейчас меня вызовут. Когда услышишь мое дыхание, приходи. К тому времени два тальника уже испортят, избивая ими меня. Когда возьмутся за третий тальник, бросишь свой малахай на мою спину.

И действительно, вскоре пришли люди звать Ичэна. Пошел. Оказывается, все собрались в переднем большом шатре. Ичэн туда вошел — много людей сидит вокруг очага.

— Ну-ка, если ты шаман, покамай. Посмотрим, — сказал князец. Ичэн начал камлать.

— Этот камень положи на голову,— сказали. Ичэн своей коло-тушкой поднял камень и положил на свою голову. Волосы его, как иглы, встали! Так, держа горячий камень на голове, он стал камлать. И вот камень остыл, почерпел. Продолжая пританцовывать, Ичэн тот камень бросил под стену.

— Хватит, хватит,— сказал князь. Ичэна заставили лечь вниз лицом. Одежду его разорвали. Вот тальником его пачали избивать. Ичэн стал покрикивать разными голосами — то как гагара, то как стерх, то как беркут, то как орел.

Жена Ичэна все это слышала и, прислушиваясь, пошла к тому большому шатру. И вдруг перестал слышаться голос мужа. Вместо этого откуда-то послышался гусиный крик! «Откуда же это зимой гусиный крик!» — подумала она. Подошла к переднему большому шатру. Оказывается, оттуда исходил гусиный крик.

Вошла в шатер. Села у входа. Мужа ее избивают! Вся спина в крови. Спина похожа на красную материю. Вот истязатели схватили третий тальник. Только подняли тальник наверх, на спину своего мужа она бросила свой малахай. А малахай вдруг поднялся!

— Что будем делать? Малахай-то поднялся,— сказал князь.

— Как малахай будем бить, поэтому хватит,— сказали люди.

Прекратили истязать.

— Забирай своего мужа,— сказали женщине.

Подняла своего мужа и понесла домой. Несколько раз отдохнув по пути, донесла до своей урасы.

— Есть ли что-нибудь в огонь бросить? — спросил Ичэн.

— Нет,— сказала жена.— Вчера у людей разделявала тушу оленя и рукава свои слегка опустила в кровь. Ту кровь, придя домой, я выжала и сварила. Это-то мы и похлебали, а мяса не дали.

— Отрежь три *нэллийэ*³⁰ из покрывки и кишь в огонь.

Жена сделала так, как велел Ичэн. Те три бахромы вспыхнули и вылетели по дымовому отверстию.

— Иди, посмотри,— сказал Ичэн жене. Та вышла. Одна бахрома, обуглившись, упала у стены урасы, а остальные, стораая, слились с огнями соседей и взлетели ввысь. Жена вошла и рассказала об этом мужу.

— Вот когда по небу начнут бродить огни, люди будут говорить, что это огни алайи,— сказал Ичэн жене.

И спустя некоторое время он продолжал:

— Я вскоре умру. Все наши соседи тоже вскоре умрут. Все их вещи, оленей ты возмешь себе, не бойся. И после пойдешь сообщить об этом людям. Не бойся.

Все случилось так, как сказал Ичэн. Люди передних шатров померли, остальные превратились в гагар.

Вот таким сильным был шаманом Ичэн.

³⁰ *Нэллийэ* — 'бахрома', которая бывала у покрывки шатра, лежащей возле самого дымового отверстия.

ПРИЛОЖЕНИЕ III

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПАМЯТНИКОВ,
ХРАНЯЩИХСЯ В ФОНДАХ
ЯКУТСКОГО ФИЛИАЛА СО АН СССР
(Ф. 5, ОП. 6, Д. 315)

Сказитель Трифонов Н. Т.

«Матекан»

Краткое содержание: Муж не впустил жену в дом. Жена находит пустой дом, затем убивает богатого хозяина этого дома. Возвращается к мужу, умирающему от голода, приводит в найденный дом. Живут богато.

Сказитель Никулин И. Н.

Сказка без названия

Содержание почти такое же, как и «Матекан». Старик приходит в найденный женой дом, слишком много ест и лопается. Улетают все, кроме старика.

Сказка без названия

Якутский силач искал себе ровню. Встречается со старичком с мешочком за спиной; силач не смог сдвинуть с земли тот мешочек. Старичок был Христом. Ходил делать землю.

Сказка без названия

Ворону, птичку и гагару Христос попросил принести земли. Гагара ничего не принесла, поэтому Христос, рассердившись, сделал так, чтобы гагары всегда сносили свои яички на воде.

Сказка без названия

Волк пошел к Христу и по его приказу съел корову одной богатой старушки.

Сказительница Никулина П. А.

Сказка

Женщина, заблудившись, оказывается в берлоге медведя; рождает сына; от последнего произошли люди Гусиного рода (эрбэт-кане); затем от болезни все умерли; только женщину спасает юноша, пришедший в облике медведя и победивший настоящего медведя.

Росомаха

Росомаха, поскользнувшись, падает на лед; обращается поочередно ко льду, солнцу, тучам, ветру, дереву и узнает, что самым сильным является человек; последний убивает росомаху.

Песец и медведь

Песец приводит медведя к человеку; человек ранит лесного хозяина; песец лечит раненого — на открытую рану кладет накаленный на огне камень; медведь умирает.

Сказка о птичке

Перевод на юкагирский эвенской сказки для детей «Чивкачан».

Сказка без названия

Сказка о царе Салтане и его сыне Гвидоне с некоторыми модификациями.

Сказка о безголовом гиганте, поднимающем целые туши диких оленей

Рассказ

О случае, происшедшем с одной старухой на берегу озера Олера; старуха топором через дверь бьет кого-то, тот убегает к озеру; на завтра старуха на воде обнаруживает нечто человекоподобное, покрытое шерстью; об этом сообщает людям и его хоронят с почестями; у этого существа разрез глаз был вертикальным.

Сказительница Горулина М. И.

Тонтикаки

Тонтикаки обманным путем отнимает собаку у одного, лошадь у другого, двух девушек у одной семьи. Приходит к якутскому богачу, ведет себя так, как будто он хозяин. Оба женятся на тех девушках и живут.

Сказка без названия

Черт приходит к богатой старухе, наедается оленины, после чего лопаются, и все, кроме старухи, улетают в небо; старуха находит трех куропаток, те превращаются в мальчиков; якутский бо-

гач забирает как работников всех троих, убивает двух старших, но погибает от младшего; мальчик заставляет ворона найти житильную воду и оживляет братьев.

Сказка без названия

Рассказывается о том, как посец обманул старика и съел его запасы, как старик пригласил зверей в свой дом для камлания и убивает всех их, в том числе песца-обманщика.

Сказитель Третьяков Г. М.

О дурачке

Дурачок выпускает на свободу всех живых куропадок, попавшихся в силки; убивает мать, так как «все черное, попадающее на его пути надо убивать», сдирает камус и шкуру с оленя, так как «мол, боясь промочить ноги и шкуру, олень не хочет войти в реку и переплыть на другой берег», умертвляет дочку старшей сестры, проткнув темя; погребальную же одежду матери рвет на куски и дарит тальникам, так как, мол, «они от холода дрожат». о том, как старшие братья убегают от него, попадают к черту, и дурачок, догнав их, убивает черта; о том, как попадают на пир одноглазых и одноруких; о том, как, уничтожив этих чудищ, спасают жителей трех городов от смерти; о том, как дурачок становится царем.

Как появились «гусиные» люди

Женщина, заблудившись, оказывается в берлоге медведя, рождает сына; от последнего произошли люди Гусиного рода (эрбэт-кане); затем от болезни все умирают.

Сказительница Третьякова А. В.

Сказка без названия

Перевод на юкагирский язык якутской сказки «Суутук-Суутук».

Сказитель Третьяков Н. С.

Окот-Бокот и тойон Харахан

Слуга Харахана Окот-Бокот крадет крылья одной из семи стерхов, женится на ней; Харахан посылает слугу с разными заданиями, чтобы его убить и выдать его жену за своего сына; Окот-Бокот отовсюду выходит победителем и вскоре, после смерти тойона и его близких, овладевает всем его богатством.

Сказительница Татаева Е. Е.

Сказка без названия

Сирота при помощи Христа доходит до морского острова; священник испытывает его — пуская ночью в его комнату черта; сирота с помощью Христа искусно прячется и остается в живых; женится на дочке священника.

Сказительница Лаптева Е. Н.

Сказка без названия

О двух братьях и семи лебедях, превращающихся в девушек; старший брат крадет крылья самой младшей из сестер, женится на ней; младший брат тайком дает девушке ее крылья, и та улетает; старший брат идет на поиски жены, встречает двух старух и при помощи их доходит до земли, где живут родители жены; возвращается с женой и богато живет.

Сказитель Курилов И. Е.

Ярахинь

Ярахинь учился на священника, воротился назад, женился и стал предсказывать будущее: а) придут чукчи и юкагиры с ними побратаются; б) народу на тундре станет много; в) придут 2 кушца — один от бога, другой — от черта; г) найдется живой мамонт, когда тундра превратится в дно моря.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Архив ЯФ СО АН СССР — Архив Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР
- ВА — ж. «Вопросы антропологии»
- Записки РГО — Записки Русского географического общества
- Сборник ВГО — Сборник Всесоюзного географического общества
- Известия ВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества
- ВСФГО — Известия Восточно-Сибирского филиала Географического общества
- РГО — Известия Русского географического общества
- СОРГО — Известия Сибирского отделения Русского географического общества
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
- РАЖ — «Русский антропологический журнал»
- СА — ж. «Советская археология»
- Сборник МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
- СЭ — ж. «Советская этнография»
- Труды ИЭ — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
- ЦГА ЯАССР — Центральный Государственный Архив Якутской АССР.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава I. Юкагирская проблема в свете этнографических данных	12
Глава II. Раскопки чандалов — жилищ юкагиров	84
Глава III. Антропология некоторых народов Северной Сибири	97
Глава IV. Матерпальная культура юкагиров по фольклорным памятникам	111
Глава V. Народные танцы юкагиров	125
Глава VI. Юкагиры в советское время	135
Приложение I. Антропологические таблицы к гл. III.	154
Приложение II. Фольклорные памятники юкагиров, записанные и переведенные на русский язык А. Н. Лаптевым	193
Приложение III. Краткое содержание памятников, хранящихся в фондах Якутского филиала СО АН СССР	239
Список принятых сокращений	243

*Захар Васильевич Гоголев,
Илья Самойлович Гурвич,
Ирина Михайловна Золотарева,
Мария Яковлевна Жорницкая*

ЮКАГИРЫ (историко-этнографический очерк)

Ответственный редактор
Алексей Павлович Окладников

Редактор В. И. Смирнова
Художник В. И. Шумаков
Технический редактор Г. Я. Герасимчук
Корректоры Г. И. Кравцова, Р. К. Червова

Сдано в набор 13 января 1975 г. Подписано к печати 10 сентября 1975 г.
МН 09359. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. 7,625 печ. л.,
12,8 усл. печ. л. 13,4 уч.-изд. л. Тираж 2250 экз. Заказ № 411. Цена 1 руб.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99,
Советская, 18.

4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Стами-
славского, 25.

